

**ЗА
ПЯТЬ
ЛЕТ...**

**ДОКУМЕНТЫ
И ПОКАЗАНИЯ**

За пять лет...

За пять лет...

За пять лет...

ДОКУМЕНТЫ
И ПОКАЗАНИЯ

Составил
Петр Смирнов

LA PRESSE LIBRE

Рисунок переплета Николая Сафонова

Copyright © 1972
by
La Presse Libre

Printed in West-Germany
by Fremdsprachendruckerei Dr. Peter Belej, 8 München 13, Heß-Str. 74-76

*Каждый человек имеет право на свободу
мирных собраний и ассоциаций.*

*Статья 20 (1) Всеобщей Декларации
Прав Человека.*

... открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого.

С коммунистическим приветом

Л е н и н

Из письма Д. И. Курскому. С о ч и н е н и я, изд. 4-е, М., 1951, стр. 321.

В кабинете двое: Зина и Герасимов. Герасимов хмуро по-сматривает на Зину. Положил большие, тяжелые руки на стол.

— Ну-с, обвиняемая, разговаривать будете?

— Я не обвиняемая, а подследственная.

— Понятно! Сколько в камере пробыли?

— Два часа.

— Быстро научились. Опытная стало быть.

Встал, подошел к окну. Из окна виден Театральный проезд, Лубянская площадь. Герасимов поманил Зину пальцем:

— Иди сюда, милочка . . . Иди, иди, не бойся.

Зина у окна. Герасимов объясняет ей:

— Видишь, люди гуляют?

По тротуару, мимо памятника Ивану Федорову, идут москвичи. Их много — обыкновенных, ничем не выделяющихся жителей столицы. Аппарат выхватывает некоторых из них, показывает крупно:

пожилую, видно очень уставшую женщину;

двух жизнерадостных девушек, беседующих о чем-то веселом;

семью — молодого отца с ребенком на руках, мать с сумкой, из которой торчит бутылочка с соской;

старого рабочего, судя по форме — железнодорожника . . .

Кабинет Герасимова. Он повторяет свой вопрос:

— Видишь? Так вот, они — подследственные . . .

Принято единогласно, киносценарий Аркадия Васильева, выступившего позже общественным обвинителем на процессе Синявского и Даниэля. Журнал «Москва», 1962, № 12.

— Ну-с, молодой человек, — сказал наконец следователь, — взгляды наши мы обсудили подробно. Хотелось бы еще уточнить — как вам удалось войти в контакт с иностранной разведкой.

Всем сочувственным видом он словно поощрял: Не стесняйтесь. Чего уж скрывать? Все там будем. Экая важность!

— Оставьте глупые шутки, — побледнел Сережа. — Я еще не осужденный, я — подсудимый.

Следователь усмехнулся и раздвинул шторы. Дневной свет был так чист и прозрачен, что хотелось вдохнуть его всей грудью.

— Подойди сюда. Слышишь? Тебе говорю.

Сейчас ударит, — подумал Сережа, деревянея лицом.

— Глянь в окно!

Сережа увидел площадь, на которой бывал раньше, увидел вход в метро с нырявшими туда человечками, маленькие троллейбусы и автомобили, в которых тоже ехали люди, и каждый ехал, куда хотел. А сверху падал снег, живой, настоящий снег.

— Вон они где — подсудимые. Видал — сколько?

Следователь показал на спящую под ними толпу. Потом погладил Сережу по стриженной голове и ласково пояснил:

— А ты, брат, уже не подсудимый. Ты — осужденный.

Суд и дет Абрама Терца — Андрея Синявского, подсудимого на процессе А. Синявского и Ю. Даниэля.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Дать хотя бы самый краткий перечень политических процессов в СССР — задача неисполнимая. Мировая история не знает эпохи, которая могла бы в этом отношении сравниться с советской. Было бы крайне трудно дать более или менее исчерпывающее описание процессов над «несогласными гражданами» и за последние пять лет: количество этих процессов и теперь несоизмеримо ни с чем: ни со здравым государственным смыслом, ни с общечеловеческими понятиями о праве и справедливости.

Мы начинаем свой краткий очерк с процесса против А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, ибо «процесс [этот] . . . рассматривается в нашей стране как веха, отмечающая новый поворот курса партийной политики. Процесс этот ясно выразил стремление советского руководства вернуться на старую сталинскую тропу. Идет зажим общественного мнения и расправа над теми, кто указывает, что тропа эта ведет к тупику, в котором находится чекистский застенок и всякое свободное развитие общества прекращается. Лучшие представители нашей интеллигенции не могут и не хотят снова стать покорными рабами тупого тоталитарного режима . . .» («Белая книга»).

Мы не можем в этом очерке дать в полном объеме даже те материалы о политических процессах, которые опубликованы в изданиях «Самиздата» и в зарубежной русской и западной прессе: книга разрослась бы в несколько толстейших томов. Стремясь к возможно большей ее документальности, мы все же вынуждены прибегать к краткому изложению процессов и лишь цитативному использованию документальных материалов. В силу этого, составитель должен был в некоторых случаях прибегать и к включению в текст своих слов и фраз, способствующих максимальному конденсированию мате-

риалов. В таких случаях эти слова и фразы заключены в прямые скобки. Отсутствие единообразия в написании названий некоторых советских учреждений и должностей (иногда — с заглавных букв, иной раз — без таковых) объясняется тем, что составитель строго придерживался того написания, какое было в имевшихся в его распоряжении машинописях «Самиздата».

В первой части этого очерка мы даем более или менее подробное изложение наиболее характерных процессов против инакомыслящих, во второй части — перечень известных нам процессов с предельно краткой их характеристикой. Повторяем, и этот перечень никак не претендует на полноту — количество политических процессов в СССР неисчерпаемо.

Число страниц, уделенных тому или иному процессу, также весьма неравномерно: это зависит не только от имеющегося в нашем распоряжении материала; обвинительные заключения, выступления обвинителей чаще всего настолько стереотипны, что повторять их нет необходимости. Поэтому даже в тех процессах, которые представлены у нас более детально, чаще всего опускаются речи прокурора, судьи, общественных обвинителей — они целиком и часто дословно повторяют текст обвинительного заключения и приговора. Зато значительно больше внимания уделено реакции общества на аресты и приговоры суда «несогласным гражданам». Многочисленные протесты общественности Запада при этом лишь кратко упоминаются.

ЗА ПЯТЬ ЛЕТ
(часть первая)

ДЕЛО АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО И ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ

10—14 февраля 1966. Московский Областной суд — большой зал (на 150—160 человек). Верховный Суд РСФСР под председательством председателя Верховного Суда РСФСР Л. Н. Смирнова, с народными заседателями Н. А. Чечиной и П. В. Соколовым — слушает дело А. Д. Синявского и Ю. М. Даниэля, привлеченных к уголовной ответственности по первой части статьи 70 УК РСФСР, которая гласит:

Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и с ссылкой на срок от двух до пяти лет, или без ссылки, или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Государственное обвинение поддерживает помощник Государственного прокурора О. П. Тёмушкин, государственный советник юстиции 3-го класса, а также общественные обвинители, выдвинутые Союзом писателей СССР, — А. Васильев и З. Кедрина. Защищают подсудимых адвокаты Э. М. Коган и М. М. Кисенишский, приглашенные родственниками подсудимых. Вход в зал только по приглашительным билетам, проверяемым при входе в здание, и — вторично — при входе на лестницу, ведущую в зал; второй раз — с предъявлением паспорта. В зале почти исключительно сотрудники — явные и секретные — КГБ, дружинники, «организованная» публика, так что друзья и близкие подсудимых в зал не допускаются, несмотря на все ходатайства, протесты,

просьбы. В зале — только ближайшие родственники подсудимых — и специально подобранная КГБ публика. Иностранные корреспонденты также не допущены на суд. Ходатайство защитников о приобщении к делу отзывов К. Г. Паустовского, В. В. Иванова и Л. З. Копелева о произведениях Терца-Синявского и Аржака-Даниэля судом отклоняется, ибо «художественные достоинства не входят за пределы данного разбирательства».

В обвинительном заключении указывается, что в США, Франции, Англии и других капиталистических странах широкое распространение получили произведения так называемого «советского литературного подполья» Империалистическая реакция ищет подрывных материалов, компрометирующих советский народ, наше государство, коммунистическую партию СССР и ее политику. В этих целях используются антисоветские клеветнические произведения подпольных авторов, которые выдаются враждебной пропагандой за рассказывающие правду о Советском Союзе. К таким сочинениям принадлежат повести «Суд идет» и «Любимов» и статья «Что такое социалистический реализм» Абрама Терца, а также произведения Николая Аржака «Говорит Москва», «Руки», «Искупление» и «Человек из Минапа». Органами государственной безопасности установлено, что под псевдонимом Абрама Терца скрывался А. Д. Синявский, а под псевдонимом Николая Аржака — Ю. М. Даниэль. В сентябре 1965 года они были привлечены к уголовной ответственности. Следствием установлено, что Синявский и Даниэль, занимая по ряду вопросов позицию, враждебную Советскому государству, с 1956 года занялись переправкой за границу — с дочерью бывшего французского военно-морского атташе Еленой Пельтье-Замойской, знакомой Синявского по Московскому университету — своих произведений. В повести «Суд идет» Синявский под видом критики культа личности осмеивает советский строй и положения марксизма-ленинизма. В том же 1956 г. Синявский написал статью «Что такое социалистический реализм», в которой с антисоветских позиций пытался пересмотреть положения марксизма. Статья направлена против руководящей роли КПСС в советской культуре. Автор называет коммунизм «новой религией», все стороны жизни советского общества рас-

смачивает с клеветнических позиций, как «насилие над личностью», зачеркивает все достижения советской литературы, как якобы основанные на «теологической марксистской идеологии». Буржуазная пропаганда стала активно поддерживать за рубежом произведения Синявского. Так, за последние годы повесть «Суд идет» издана на 24 языках в разных странах мира, она транслировалась радиостанцией «Свобода». Синявский читал свои произведения жене, Даниэлю и некоторым своим знакомым. Даниэль, разделяя антисоветские взгляды Синявского, одобрил его произведения и посылку их за границу, и со своей стороны дал ему прочитать свой рассказ «Руки», написанный в 1956—1957 гг. и содержащий злобные выпады против советского строя и советской власти и призывающий к возмездию за насилия, которые советская власть якобы чинила над народом. В 1961 г. Синявский написал повесть «Любимов», направленную против социализма, изображенного противоположным природе человека. Советская власть показана в повести как пьяная и нищая, а народ изображен безразличной к политике массой. В повести содержатся выпады против В. И. Ленина. Синявский ознакомил с повестью Даниэля. Осенью 1963 г. отдал повесть Замоиской для опубликования за рубежом. Враги Советского Союза оценили антисоветскую направленность произведения, радиостанция «Свобода» ее передавала. Даниэль написал повесть «Говорит Москва», в которой содержатся нападки на коммунизм и советское правительство. В повести клеветнически утверждается, будто бы 10 августа 1961 года Президиум Верховного Совета СССР объявил «Днем открытых убийств». В повести содержатся призывы к расправе над вождями и верными сынами народа. В рассказе Даниэля «Человек из Минапа» советские люди оглулены и выведены уродами. В 1961 г. Даниэль передал Синявскому эти рукописи и тот переправил их в Париж. Повесть была издана рядом издательств. Синявский помогал издаваться за рубежом Даниэлю и Ремезову, произведения которого выходили под псевдонимом А. Иванов и также используются в целях антисоветской пропаганды. (Ремезов к судебной ответственности не привлекался и являлся свидетелем обвинения. Ред.) В 1963 г. Даниэль написал рассказ «Искупление»,

в котором изобразил советское общество находящимся в состоянии морально-политического разложения. В рассказе проводится идея, что в культе личности виновен весь советский народ, что «тюрьма внутри нас», что «правительство не в силах нас освободить», что «мы сами себя сажали». Рассказ передан Даниэлем Замоиской осенью 1963 г. Белоземigrant Филиппов назвал Аржака «духовным наследником Достоевского». Издательства начисляли Аржаку и Терцу гонорары. Синявский отрицает антисоветскую направленность своих произведений и то, что он помогал Ремезову. Однако, его враждебная позиция по отношению к Советской власти подтверждается и его рукописью «Опыт самоанализа», изъятой у него при обыске. Зная об использовании его произведений во вред Советской власти, он не предпринял никаких мер против такого использования. Даниэль отрицал антисоветскую направленность своих вещей, однако, признал, что своими действиями нанес определенный вред Советской власти, так как в его произведениях есть суждения, которые могут быть истолкованы, как прямые антисоветские выпады. На основании изложенного обвиняются:

Синявский, Андрей Донатович, родившийся 8 октября 1925 г., русский, беспартийный, уроженец Москвы, имеет малолетнего сына, член Союза советских писателей, старший сотрудник Института мировой литературы АН СССР... в том, что, занимая по ряду вопросов политики КПСС и Советского правительства враждебную позицию, написал и переправил за границу повести «Суд идет» и «Любимов» и статью «Что такое социалистический реализм», содержащие клеветнические утверждения, порочащие советский строй и используемые реакционной пропагандой против Советского государства; что он распространял эти произведения среди знакомых; что он переслал за границу произведения Даниэля-Аржака, а также участвовал в пересылке из СССР во Францию сочинений Ремезова-Иванова, т. е. в совершении преступлений, предусмотренных частью 1-й ст. 70 УК РСФСР.

Даниэль, Юлий Маркович, родившийся 15 ноября 1925 г., еврей, беспартийный, имеет 14-летнего сына, проживает в Москве... в том, что, занимая по ряду вопросов враждебную Советской власти позицию, напи-

сал и переслал за границу антисоветские произведения, порочащие советский государственный и общественный строй и используемые реакцией в борьбе против СССР; что он распространял свои произведения среди знакомых, т. е. в совершении преступлений, предусмотренных частью 1-й статьи 70 УК РСФСР.

Оглашается постановление от 4 февраля 1966 г. о предании Синявского и Даниэля суду; суд постановляет далее удовлетворить ходатайство объединенного заседания секретариатов Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР от 3 февраля 1966 г. о допуске на суд общественных обвинителей, членов Союза писателей А. Васильева и З. Кедриной.

Подсудимые не признают свою вину ни полностью, ни частично. Так, Даниэль, говоря об обстоятельствах, при каких была написана инкриминируемая ему повесть «Говорит Москва», указывает, что его «увлекло, что при фантастическом допущении — День открытых убийств — можно назвать психологию и поведение людей» . . .

Даниэль: . . . Я скажу о своей политической позиции, оставляя в стороне литературные задачи, которые я решал. В 1960—61 гг., когда была написана эта повесть, я — и не только я, но и любой человек, серьезно думающий о положении в нашей стране, — был убежден, что страна находится накануне вторичного установления нового культа личности . . . Мы все хорошо помнили то, что называется «нарушением социалистической законности». И вот снова я увидел все симптомы: снова один человек знает всё, снова возвеличивается одна личность . . . диктует свою волю и агрономам, и художникам, и дипломатам, и писателям. Мы видели, как снова замелькало со страниц газет и на афишах одно имя, как снова самое банальное и грубое выражение этого человека преподносится нам, как откровение, как квинтэссенция мудрости . . . Так вот, наблюдая все это, помня ужасы репрессий и нарушения законности при Сталине, я пришел к выводу . . . что возможно повторение страшных времен культа Сталина, что это может повториться. А тогда . . . происходили события куда более страшные, чем описано у меня — массовые репрессии, высылка и уничтожение целых народов. Описанное мною в сравнении с этим — детские игрушки . . . Позиции героя и

автора (в художественных произведениях. *Ред.*) не всегда одно и то же... Ни один герой не есть автор. Может быть, это плохая литература, но это литература, и в ней нет только белого и черного... Важно не то, что говорят герои, а авторское отношение к этому, его позиция...

То же относится и к другим рассказам Даниэля. Вместе с тем, «обвинение все время ставит знак равенства между автором и героем».

Синявский отрицает заявление прокурора о том, что он, Синявский, пересылал свои рукописи за границу нелегально:

«Я посылал их неофициально, а не нелегально». Синявский отрицает антисоветский характер своих произведений, в частности, статьи «Что такое социалистический реализм»: «Эта статья написана не с марксистских позиций и не с позиций нашей теории социалистического реализма. Может быть, эта позиция... я затрудняюсь ее определить, в общих словах она идеалистическая... У меня сказано, что коммунизм — величайшая цель. Но реальные пути не всегда соответствуют цели, они подобны, но не тождественны. Цель достигнутая — слабое подобие начала... Я не политический писатель... Художественное произведение не выражает политических взглядов... Мои произведения — это мое мироощущение, а не политика».

О повести «Суд идет» Синявский говорит, что прокурор «спутал героя с автором». «Если мы пойдем по такому пути, то мы Горького спутаем с Климом Самгиным, а Салтыкова-Щедрина с Иудушкой Головлевым». При этом «герои показаны в определенное время, накануне смерти Сталина... Обстановка арестов, подозрительности... ‚Я‘ в повести условно, это не Синявский и не Терц, это сочинитель... Это не реальность, а то, что мерещится сочинителю в его страхах... Это не изображение исторической действительности 1956 года. Это литературный прием — допущение нереальной обстановки». Повесть «Любимов»: «Это не политическая сатира... Вся повесть написана от лица персонажей, а все персонажи говорят на своем языке... Смех возникает над говорящим, а не над тем, о чем он говорит». Возвращаясь к статье о социалистическом реализме, Синявский го-

ворит, что «имеется в виду сталинская эпоха». «Для человека теологического нет ,свободы выбора'. В этом смысле я говорю о советских писателях — перед ними не стоит вопрос о выборе. Либо веришь, — либо, если нет, — [взгляд на скамью подсудимых] — сиди в тюрьме».

Несмотря на неоднократные протесты подсудимых, несмотря даже на заявление судьи, что он, «конечно, понимает, что авторская речь и речь персонажа — вещи разные», — и судья, и прокурор, и общественные обвинители то и дело приписывают подсудимым мысли их литературных персонажей. Кроме того, не обращая внимания на протесты Синявского и Даниэля, обвинение все время опирается в своих оценках (политических) произведений подсудимых на интерпретацию Бориса Филиппова.

Но судья и прокурор все-таки не дошли в своих речах до тех геркулесовых столпов непонимания и подтасовок, как общественные обвинители от Союза писателей СССР, просившие к тому же суд о «суровом наказании» для подсудимых. Все время приписывая авторам взгляды их героев, З. Кедрина, кстати, выступившая со статьей против Синявского и Даниэля еще до начала процесса, опровергает утверждение Синявского, что его творчество — «чистое искусство без политических целей. Но ,искусство для искусства' — это ложь. Эта позиция сама по себе враждебна». Но творчество подсудимых не чистое искусство, а имеет «политический смысл»: «В основе ,творческой концепции' Синявского — отрицание самих основ социалистического реализма, в первую очередь марксизма».

Из последнего слова А. Д. Синявского:

... Доводы обвинения меня не убедили, и я остался на прежних позициях. Доводы обвинения — они создали ощущение глухой стены, сквозь которую невозможно пробиться до чего-то, до какой-то истины. Аргументы прокурора — это аргументы обвинительного заключения, аргументы, которые я много раз слышал на следствии. Те же самые цитаты — не раз, не два, не три: «Очередь, очередь... от живота — веером». «Чтобы уничтожить тюрьмы, мы построили новые тюрьмы...» Создается какая-то пелена, особая наэлектризованная атмосфера, когда кончается реальность и начинается чудовищное — почти по произведениям Аржака и Терца.

Это атмосфера темного антисоветского подполья, скрывающегося за светлым лицом кандидата наук Синявского и поэта-переводчика Даниэля, но лелеющего заговоры, перевороты, террористические акции, погромы, убийства, убийства... В общем, «День открытых убийств», только исполнителей двое: Даниэль и Синявский. Тут действительно очень странно и неожиданно художественный образ теряет условность, воспринимается обвинением буквально, настолько буквально, что судебная процедура подключается к тексту, как естественное его продолжение. Я имел несчастье пометить эпилог повести «Суд идет» 56-м годом, автор оклеветал 56-й год — ага, автор, ты предсказал... — иди теперь в лагерь в 66-м году. Злорадные интонации явственно звучали у обвинителей. Но появились новые тона... Новые штрихи — это политическое подполье переходит в подполье вырожденков, людоедов, живущих самыми темными инстинктами: ненависть к матери, ненависть к собственному народу, фашизм, антисемитизм. Трудно объявить Даниэля антисемитом. Так вот, фашист Даниэль под руку с антисемитом Синявским топчут все самое святое, вплоть до матери. Поэтому рассеять эту атмосферу крайне трудно: здесь не помогут ни развернутые аргументы, ни концепции творчества...

Я хочу только напомнить некоторые аргументы, элементарные по отношению к литературе. С этого начинают изучать литературу: слово — это не дело, а слово, художественный образ условен: автор не идентичен герою... Но обвинение упорно отбрасывает это, как выдумку, способ укрытия, способ обмана. И вот получается, что повесть «Говорит Москва», если ее внимательно прочесть, да что там прочесть — хоть пробежать, только не пугаясь слов, то повесть кричит одно слово: «Не убий!» «Я не могу и не хочу убивать: человек во всех обстоятельствах должен оставаться человеком». Но никто этого не слышит. «А-а, ты хотел убить, ты — убийца, ты фашист». Здесь происходит чудовищная подмена. Герой повести «Суд идет», Глобов, человек, может быть, неплохой, но, в соответствии с некоторыми установками времени, высказывает антисоветские настроения, приносит какие-то антисемитские слова... Ясно, что повесть против антисемитизма, в ней речь идет про дело

врачей, — но нет, это автор антисемит, а ну-ка, его к фашисту поближе. Тут логика кончается. Автор уже оказывается садистом... Он и русский народ ненавидит, и евреев. Всё ненавидит: и матерей, и человечество...

Откуда в нашей среде фашист? Ведь если разобраться, то эта проблема куда более страшная, чем две книжки, даже очень антисоветского содержания. Эти вопросы обвинением даже не поставлены. Так просто ходят благополучные, снаружи благополучные, люди, а внутри они фашисты, готовые поднять мятеж и бросить бомбу. Или эти слова были брошены нам в лицо просто ради оскорбления? ... Государственного обвинителя я даже понимаю. У него более широкие задачи, он не обязан всякие там литературные особенности учитывать: автор, герой, то да се. Но когда с такими заявлениями выступают два члена Союза писателей, из которых один — профессиональный литератор, а другой — дипломированный критик, и они прямо рассматривают слова отрицательного персонажа как авторские мысли — тут уже теряешься... Общественный обвинитель попутно ставит вопрос о двойном дне. Общественный обвинитель Васильев даже не постеснялся упомянуть о пеленках, которые были подарены моему новорожденному сыну, кстати, не мадам Замойской, совсем другой француженкой. Даже белье пошло в ход, чтобы показать, как за светлым обликом скрывается мрачное нутро — мое и Даниэля. Приводились цитаты из моих статей: как он тут писал о социалистическом реализме с марксистских позиций, а там — идеалист, ха-ха. Если бы я мог писать с идеалистических позиций здесь, я писал бы так здесь. Когда мне поручали какую-нибудь работу здесь, я часто отказывался, искал близких мне авторов... Делал всё максимальное, чтобы выражать свои подлинные мысли в качестве Синявского. Поэтому у меня бывали и неприятности, и выговоры, и меня ругали в печати и на собраниях. И никакими особыми благами, кроме зарплаты, я не обладал... Итоги: всё маскировки, всё уловки, прикрытия, как и кандидатская степень, художочная литературная форма — это только оболочка для контрреволюционных идей. Идеализм, гипербола, фантастика — всё это, конечно, уловки... ярого антисоветчика, который всячески замаскировался... Гипербола, фантастика... Тогда само

искусство получается уловкой, прикрытием для антисоветских идей? Ну, хорошо, но ведь есть же фразы, мысли, образы, которые прямо говорят об обратном... Ведь рядом с фразой, которая здесь повторялась десятки раз: «Для того, чтобы никогда не было тюрем, мы построили новые тюрьмы», — ведь рядом — я просил прочитать — сказано: «Коммунизм — это светлая цель». Но это читать не хотели... Гражданин государственный обвинитель сказал такую фразу (она меня поразила, и я ее даже записал): «Даже зарубежная пресса говорит, что это антисоветские произведения». По логике, ежели вдуматься: это что — высший критерий объективности для прокурора — вот ежели даже она признала, так мы-то уж должны? ... Вот ведь Карл Миллер пишет о погруженности автора в почти неизбежную верность коммунизму... Как доказательство вины, обвинение приводит слова Филиппова, а другие дураки там, наверное... В результате формулировка: «Злоба, которой мог бы позавидовать белогвардеец», — и приводили штампы на книге... Штмп на книге оказывается равен самой книге... Проводится знак равенства между агитационными штампами и художественными произведениями.

Возникает вопрос: что такое агитация и пропаганда, а что — художественная литература? Позиция обвинения такая: художественная литература — форма агитации и пропаганды; агитация бывает только или советская, или антисоветская, раз не советская, значит, антисоветская. Я с этим не согласен... Литературовед Кедрина здесь говорила, что из бабочек на лугу политического содержания никто не вытащит. Но действительность не сводится к бабочкам на лугу. А из Зоценко не вытаскивали антисоветское содержание? Да из кого только не вытаскивали? Я понимаю разницу, они печатались здесь. Но вытаскивали из всех, особенно если сатира: Ильф и Петров, например, у них тоже была клевета. Даже у Демьяна Бедного — и то была усмотрена клевета; правда, в другое время.

... Но, правда, еще никогда не привлекали к уголовной ответственности за художественное творчество. В истории литературы я не знаю уголовных процессов такого рода — включая авторов, которые тоже печатали за границей, и притом резкую критику. Я не хочу себя

ни с кем сравнивать, но, вероятно, советские граждане равны перед законом? Мне приводили аргументы, на которых кончалась возможность объяснить что-то. Если я в статье пишу о любви к Маяковскому, мне отвечают: Маяковский писал «у советских собственная гордость», а ты посылал за рубеж. Но почему же я, такой непоследовательный и немарксистский, не могу восхищаться Маяковским? Тут начинает действовать закон «Или-или»; иногда он действует правильно, иногда страшно. Кто не за нас, тот против нас. В какие-то периоды — революция, война, гражданская война — эта логика, может быть, и правильна, но она очень опасна применительно к спокойному времени, применительно к литературе. У меня спрашивают: где положительный герой? А-а, нет, а-а, не социалистический! А-а, не реалист, а-а, не марксист, а-а, идеалист, да еще за границей! Конечно, контрреволюционер! Вот у меня в неопубликованном рассказе «Пхенц» есть фраза, которую я считаю автобиографической: «Подумаешь, если я просто другой, так уж сразу ругаться...» Так вот — я другой. Но я не отношу себя к врагам, я советский человек, и мои произведения — не вражеские произведения. В здешней наэлектризованной, фантастической атмосфере врагом может считаться всякий «другой» человек. Но это не объективный способ нахождения истины. А главное — я не знаю, зачем придумывать врагов, громоздить чудовища, реализуя художественные образы, понимая их буквально. В глубине души я считаю, что к художественной литературе нельзя подходить с юридическими формулировками. Ведь природа художественного образа сложна, часто сам автор не может его объяснить. Я думаю, что ежели бы у самого Шекспира (я не сравниваю себя с Шекспиром, никому и в голову не придет) — если бы у Шекспира спросить: что означает Гамлет? Что означает Макбет? Не подкоп ли тут? — я думаю, сам Шекспир не смог бы с точностью ответить на это. Вот вы, юристы, имеете дело с терминами, которые чем уже, тем точнее. В отличие от термина, значение художественного образа тем точнее, чем оно шире.

Из последнего слова Ю. М. Даниэля:

Я знал, что мне будет предоставлено последнее слово. И я думал над тем, отказаться ли мне от него совсем...

или ограничиться несколькими формулировками. Но потом я понял, что это не только мое последнее слово на этом судебном процессе, а, может быть, вообще мое последнее слово в жизни, которое я могу сказать людям. А здесь люди — и в зале сидят люди, и за судейским столом тоже люди. И поэтому я решил говорить.

В последнем слове моего товарища Синявского прозвучало безнадежное сознание невозможности пробиться сквозь глухую стену непонимания и нежелания слушать. Я настроен не так пессимистически... Я спрашивал себя все время, пока идет суд: зачем нам задают вопросы? Ответ очевидный и простой: чтобы услышать ответ, задать следующий вопрос; чтобы вести дело и в конце добраться до истины. Этого не произошло... Вот меня спрашивали: почему я написал повесть «Говорит Москва»? Я отвечал: потому что я чувствовал реальную угрозу возрождения культа личности. Мне возражают: причем тут культ личности, если повесть написана в 60-м и 61-м году? Я говорю: это именно те годы, когда ряд событий заставлял думать, что культ личности возобновляется. Меня не опровергают... — нет, мои слова просто пропускают мимо ушей, как если бы этих слов не было. Мне говорят: вы оклеветали народ, страну, правительство своей чудовищной выдумкой о Дне открытых убийств. Я отвечаю: так могло бы быть, если вспомнить преступления времен культа личности; они гораздо страшнее того, что написано у меня и у Синявского. Всё, — больше меня не слушают, не отвечают мне, игнорируют мои слова. Вот такое игнорирование всего, что мы говорим, такая глухота ко всем нашим объяснениям — характерны для этого процесса. По поводу другого моего произведения — то же самое! Почему вы написали «Искупление»? Я объясняю: потому что считаю, что все члены общества ответственны за то, что происходит, каждый в отдельности и все вместе... Но мне говорят: это клевета на советский народ, на советскую интеллигенцию. Меня не опровергают, а просто не замечают моих слов. «Клевета» — это очень удобный ответ на любое слово обвиняемого, подсудимого.

Общественный обвинитель, писатель Васильев, сказал, что обвиняет нас от имени живых и от имени погибших на

войне, чьи имена золотом по мрамору написаны в Доме Литераторов. Я знаю... эти имена павших: я знал некоторых из них, я был с ними знаком, я свято чту их память. Но почему обвинитель Васильев, цитируя слова из статьи Синявского — «... чтобы не пролилась ни одна капля крови, мы убивали, убивали, убивали...» — почему, цитируя эти слова, писатель Васильев не вспомнил другие имена — или они ему неизвестны? Имена Бабеля, Мандельштама, Бруно Ясенского, Ивана Катаева, Кольцова, Третьякова, Квитко, Маркиша и многих других. Может, писатель Васильев никогда не читал их произведения и не слышал этих фамилий? Но тогда, может быть, литературовед Кедрина знает имена Левинова и Нусинова? Наконец, если обнаруживается такое потрясающее незнание литературы, так может, Кедрина и Васильев хоть краем уха слышали о Мейерхольде? Или, если они далеки вообще от искусства, может быть, они знают имена Постышева, Тухачевского, Блюхера, Коссиора, Гамарника, Якира... Эти люди, очевидно, умерли от простуды в своих постелях — так надо понимать утверждение, что «не убивали»... Было это или не было? Делать вид, что этого не было, что этих людей не убили, — это оскорбление, это... плевков в память погибших...

Нам говорят: оцените свои произведения сами и признайте, что они порочные, что они клеветнические. Но мы не можем этого сказать, мы писали то, что соответствовало нашим представлениям о том, что происходило. Нам взамен не предлагают никаких других представлений; не говорят, были такие преступления или не были, не говорят, что нет, люди не ответственны друг за друга и за свое общество, просто молчат, не говорят ничего. Все наши объяснения, как и сами произведения, написанные нами, повисают в воздухе, не принимаются в расчет... В вину Синявскому и мне ставится всё — в частности, то, что у нас нет положительного героя. Конечно, с положительным героем легче, есть кого противопоставить отрицательному. А наши ссылки на других писателей, у которых нет положительного героя, воспринимаются, во-первых, как попытки сравнить себя с этими большими писателями. Во-вторых, очень простой ответ: когда речь идет о Щедрине, то — в его

произведениях присутствует положительный герой, это народ...

Ну, как доказать антисоветскую сущность Синявского и Даниэля? Тут применялось несколько приемов. Самый простой, лобовой прием — это приписать мысли героя автору; тут можно далеко зайти. Напрасно Синявский считает, что только он объявлен антисемитом — я, Даниэль, Юлий Маркович, еврей, — тоже антисемит... Может быть, это какой-нибудь неискушенный рецензент пишет? Нет, это пишет в своем отзыве академик Юдин. Есть еще и такой прием: изоляция отрывка из текста. Надо вычеркнуть несколько фраз, купюрчики сделать — и доказывать всё, что угодно... Еще один прием: подмена обвинения героя вымышленным обвинением советской власти — то есть, автор говорит какие-то слова, разоблачая героя, — а обвинение считает, что это про советскую власть говорится... В обвинительном заключении, в отзыве Главлита, в речах обвинителей прозвучали одни и те же цитаты из повести «Искушение». А что это за цитаты? «Тюрьмы внутри нас» — это выкрики героя повести Вольского. Да, это сильное обвинение по адресу всех людей. И я вовсе не старался, как тут говорил Васильев, изобразить дело так, будто я занимаюсь изящной словесностью; я не пытаюсь уйти от политического содержания моих произведений. В этих словах Вольского есть политическое содержание, — но что следует за этими выкриками? Кто это кричит? Это кричит безумный человек, он сошел с ума. Он вскоре оказывается в психиатрической больнице. Еще один, тоже очень простой, но очень сильный прием доказательства антисоветской сущности: выдумать идею за автора и сказать, что в произведении есть антисоветские выпады, когда их там нет. Вот рассказ «Руки»... Кедрина сказала: «Вы посмотрите, с какой вообще несвойственной ему выразительностью и яркостью Даниэль изобразил сцену расстрела»... Вдумайтесь, что вы сказали: яркость и выразительность описания служат для доказательства антисоветской сущности... Как еще нас обвиняют? Критика определенного периода выдается за критику всей эпохи, критика пяти лет за критику пятидесяти лет, если речь идет даже о двух-трех годах, то говорят, что это про всё время. Обвинители стараются

не замечать, что вся статья Синявского обращена на прошлое, что там даже все глаголы стоят в прошедшем времени: «Мы убивали» — не «убиваем», а «убивали». И в моих рассказах всё, кроме рассказа «Руки», — о 50-х годах, о времени, когда была реальна угроза реставрации культа личности. Я говорил об этом всё время, это видно и из произведений, — не слышат. И, наконец, еще один прием — подмена адреса критики: несогласие с отдельными явлениями выдается за несогласие со всем строем, с системой. Вот вкратце методы и приемы «доказательства» нашей вины.

Может быть, они не были бы такими для нас страшными, если бы нас слушали. Но правильно сказал Синявский — откуда мы взялись, вурдалаки, кровопийцы, не с неба же упали? И тут обвинение переходит к рассказу о том, какие мы подонки. Пускаются в ход странные приемы: обвинитель Васильев говорит, что за тридцать сребреников, пеленки, нейлоновые рубашки мы продались, что я бросил честный учительский труд и ходил с протянутой рукой по редакциям, вымаливая переводы. Я мог бы попросить свою жену, и она принесла бы ворох писем от поэтов, которые просят меня переводить их стихи. Не на легкие переводческие хлеба я ушел от обеспеченного преподавательского заработка, а потому, что с детства мечтал о поэтической работе... Какие это легкие хлеба, любой переводчик знает... Странно, что в той области, где юрист должен быть безупречен, государственный обвинитель не признает фактов. Сначала я думал, что он оговорился, когда сказал, что мы признавали характер своих произведений: в 62-м году была радиопередача, а мы после этого послали за границу «Говорит Москва», «Любимов». Позвольте, а что передавали? Ведь как раз «Говорит Москва» и передавали по радио, — что же я — во второй раз послал эту повесть, что ли? ... Но дальше снова то же: ссылаясь на статью Рюрикова, государственный обвинитель говорит — они были предупреждены, они знали оценку — и послали «Любимов» и «Человек из Минапа». Когда опубликована статья Рюрикова? В 62-м году. Когда отправлены рукописи? В 61-м году. Оговорки? Нет. Это государственный обвинитель добавляет штришок к моей личности, злобной, антисоветской. Любое наше высказывание, самое невин-

ное, такое, какое мог бы произнести любой из сидящих здесь, перетолковывается... Мне это непонятно. Хотя нет, в общем-то всё понятно... Ничто здесь не принимается во внимание, ни отзывы литературоведов, ни показания свидетелей... Проще всего — не слышать.

Всё, что я сказал, не значит, будто я считаю себя и Синявского светлыми и безгрешными ангелами, и то, что нас надо сразу после суда освободить из-под стражи и отправить домой на такси за счет суда. Мы виноваты — не в том, что мы написали, а в том, что отправили за границу свои произведения. В наших книгах много политических бестактностей, перехлестов, оскорблений. Но 12 лет жизни Синявского и 9 лет жизни Даниэля — не слишком ли это дорогая плата за легкомысленность, за неосмотрительность, за просчет? Как мы оба говорили... мы глубоко сожалеем, что наши произведения использовали во вред реакционные силы, что тем самым мы причинили зло, нанесли ущерб нашей стране. Мы этого не хотели. У нас не было злого умысла, и я прошу суд это учесть. Я хочу попросить прощения у всех близких и друзей, которым мы причинили горе. Я хочу еще сказать, что никакие уголовные статьи, никакие обвинения не помешают нам — Синявскому и мне — чувствовать себя людьми, любящими свою родину и свой народ. Это всё. Я готов выслушать приговор.

Суд признал А. Синявского и Ю. Даниэля виновными в преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР, и приговорил к заключению в исправительно-трудовых колониях строгого режима: Синявского сроком на 7 лет, Даниэля — на 5 лет.

Весьма показательным также является преследование свидетелей защиты. Так, когда свидетель защиты, искусствовед И. Н. Голомшток, категорически отказался на суде назвать имена своих знакомых, у которых он достал для прочтения произведения Синявского, «потому что, хотя он не считает эти произведения антисоветскими, но вот его друга судят... по 70-й статье, и он не хочет вовлекать в это еще кого-то», — то прокурор сделал заявление: «Свидетель предупрежден об ответственности за отказ от дачи показаний, и, тем не менее, он отказался дать показания на суде. Обвинение ходатайствует о вынесении частного определения по отношению к сви-

детелю Голомштоку о привлечении его к ответственности». Свидетель защиты, доцент В. Д. Дувакин, был уволен из Московского университета. *Ряд ученых и литераторов послали протестующую телеграмму в президиум XXIII съезда КПСС:*

Мы, работники науки и литературы, встревожены, возмущены решением Ученого совета филологического факультета МГУ 25 марта об увольнении доцента Виктора Дмитриевича Дувакина, известного крупного специалиста по истории русской литературы, опытного популярного лектора с 27-летним стажем, видного исследователя творчества Маяковского. Это решение принято в связи с тем, что Дувакин выступал свидетелем защиты на процессе Синявского. Столь алогичное решение бросает тень не только на МГУ, но и на советское правосудие, ибо советское судопроизводство предусматривает наличие свидетелей с той и другой стороны и обязано иметь полное представление о личности обвиняемых, как по линии обвинения, так и по линии защиты. Просим вашего срочного вмешательства, предотвращения приказа об увольнении.

Паперный, доктор филологических наук, член ССП; Каждан, доктор исторических наук; Хосе Гарсиа, доктор исторических наук; Гулыга, доктор исторических наук; Турок-Попов, доктор филологических наук; Федоров, доктор исторических наук; Горский, доктор философских наук; Виленская, кандидат исторических наук; Пирумова, кандидат исторических наук; Пономарева, кандидат исторических наук; Кирносов, кандидат исторических наук; Козлов, кандидат исторических наук; Маркова, кандидат исторических наук; П. Якир; Герасимов И., кандидат философских наук; В. А. Катанян, писатель (23 марта — 8 апреля 1966 г.).

Аналогичная телеграмма была послана в Президиум Верховного Совета СССР (копия ректору МГУ) за подписью 100 ученых.

Уже в конце 1965 года начались протесты ряда групп советской молодежи и многочисленных объединений писателей, литературоведов, ученых всего мира, редакций органов мировой прессы, отдельных литераторов Европы и Америки, Азии и Австралии — против ареста и д о с у -

дебной травли в советской печати Синявского и Даниэля. Андрей Синявский был арестован сотрудниками гос. безопасности 8 сентября 1965 г. на улице, когда он направлялся на первую в этом семестре лекцию по литературе в школу-студию им. Немировича-Данченко. Юлий Даниэль был арестован 12 сентября при выходе из аэровокзала Внуково, когда он прилетел из Новосибирска, где его уже три дня вызывали на допросы в КГБ и вынудили вернуться в Москву. Длительное угрожающее молчание официальных органов привело к тому, что за несколько дней до Дня советской конституции в Московском университете и нескольких гуманитарных институтах было распространено «Гражданское обращение»:

Несколько месяцев тому назад органами КГБ были арестованы два гражданина: писатели А. СИНЯВСКИЙ и Ю. ДАНИЭЛЬ. В данном случае есть основания опасаться нарушения закона о гласности судопроизводства. Общеизвестно, что при закрытых дверях возможны любые беззакония, и что нарушение закона о гласности (ст. 3 Конституции СССР и ст. 18 УПК РСФСР) уже само по себе является беззаконием. Невероятно, чтобы творчество писателей могло составить государственное преступление. В прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем. Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть последствия вовремя не остановленного произвола. У граждан есть средства борьбы с судебным произволом, это — «митинги гласности», во время которых собравшиеся скандируют один-единственный лозунг: «Требуем гласности суда над . . .» (следуют фамилии обвиняемых) или показывают соответствующий плакат. Какие-либо выкрики или лозунги, выходящие за пределы требования строгого соблюдения законности, безусловно являются при этом вредными, а возможно и провокационными, и должны пресекаться самими участниками митинга. Во время митинга необходимо строго соблюдать порядок. По первому требованию властей разойтись — следует расходиться, сообщив властям о цели митинга. Ты приглашаешься на митинг гласности, состоящийся 5 декабря с. г. в 6 часов вечера в сквере на площади

Пушкина у памятника поэту. Пригласи еще двух граждан посредством текста этого обращения.

В демонстрации 5 декабря приняли участие около 200 человек. Попытки следовать «Гражданскому обращению» тут же пресекались дружинниками и милицией. Были произведены аресты, но после короткого допроса все задержанные были отпущены. В дальнейшем их «поведение» обсуждалось на комсомольских собраниях по месту учебы. Несколько человек исключено из комсомола, кто-то — даже из института, что вызвало протесты в студенческой среде. Так, на гуманитарных факультетах Московского университета распространялась следующая листовка:

ПРИЗЫВ ГРУППЫ «СОПРОТИВЛЕНИЯ»

5 декабря 1965 года в Москве на площади Пушкина состоялась демонстрация в поддержку требования гласности по делу писателей А. Синявского и Ю. Даниэля. В нарушение самых элементарных демократических норм, власти насильственно разогнали демонстрацию. Под давлением властей, администрация гуманитарных факультетов МГУ провела гнусную кампанию расправы со студентами, оказавшимися в момент демонстрации на площади Пушкина. Расправляясь с молодежью руками услужливого партийно-административного чиновничества, власть пытается замаскировать проводимые ею репрессивные мероприятия. Но свирепость псов только подчеркивает склонности дрессировщиков. Отвечая на вопрос об аресте А. Синявского и Ю. Даниэля на пресс-конференции по случаю присуждения Нобелевской премии, М. Шолохов сказал: «Нужно писать честно и честно смотреть в глаза своей власти, а не завоевывать популярность, печатаясь на Западе...» В чьи глаза рекомендует честно смотреть заигрывающий с властью М. Шолохов? В глаза раболепствующих партийно-административных карьеристов или в глаза официозных демагогов и шарлатанов? И вообще странно, что М. Шолохов так долго не может разглядеть на физиономии «своей» политической власти пару поблескивающих жандармских медяшек вместо глаз. И, на наш взгляд, удивительно, что Нобелевская премия за 1965 год была присуждена человеку, мыслящему в объеме моралиста из

официозной агитбригады, и, к тому же, умеющему «честно» смотреть сквозь розовые очки в бесчеловечные глаза узурпаторов.

В связи с разгоном демонстрации и последовавшей за этим расправой над студенческой молодежью — возникает вопрос: кто несет ответственность за все допущенные нарушения конституционных свобод? Очевидно — никто! Очевидно, власти не считают нужным реально обеспечивать провозглашенные Конституцией свободы, а, наоборот, склонны поддерживать акты надругательства над демократией и поощрять проявления прямого и косвенного насилия над личностью. Здесь уместно напомнить слова Пальмиро Тольятти из его «Памятной записки»: «Проблемой, привлекающей наибольшее внимание, — это относится и к Советскому Союзу, и к другим социалистическим странам, — является, однако, проблема преодоления режима ограничений и подавления демократии и личных свобод, который был введен Сталиным». Мы призываем вас к бдительности и сопротивлению. Мы призываем вас честно смотреть в глаза своей совести и не душить ее естественные проявления в петле всегда ошибочного расчета. Мы призываем вас заглянуть в глубины собственного Я, и если вы увидите жалкого мошенника, уже потерявшего собственную голову, но трясущегося за каждый волосок на потерянной голове, то мы призываем вас не обманывать самих себя.

«Сопротивление».

Индивидуальные выступления в защиту Синявского и Даниэля (их скорее можно было бы назвать выступлениями в защиту свободы творчества) начались незадолго до 5 декабря, когда дело получило широкую неофициальную огласку. Послали письма-протесты литературоведы Л. З. Копелев, Л. К. Чуковская, поэт В. Корнилов, редактор журнала «Синтаксис» А. Гинзбург и др.

ПИСЬМО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «СИНТАКСИС»

А. ГИНЗБУРГА (в сокращении)

*Председателю Совета Министров СССР
тов. Косыгину А. Н.*

Уважаемый Алексей Николаевич!

Я обращаюсь к Вам, как к главе Правительства, по вопросу, который горячо волнует меня уже несколько

месяцев. 5 декабря, в День Конституции, я убедился, что не только я, но и еще сотни людей обеспокоены судьбами арестованных в сентябре органами КГБ писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Арест Синявского и Даниэля поднимает целый ряд вопросов, решение которых относится к сфере деятельности главы Правительства.

1. О сущности понятия «антисоветская пропаганда» и применения этого понятия.

Синявский и Даниэль, которым предъявляется обвинение в том, что они печатались за рубежом... могут быть привлечены к суду по ст. 70 УК РСФСР об антисоветской пропаганде. Что же такое антисоветская пропаганда на 49-м году существования советской власти? Я ставлю этот вопрос потому, что сам дважды привлекался по этой статье, и оба раза следствие сводилось к тому, чтобы убедить меня, что мои действия направлены против советской власти. К концу первого следствия (в 1960—61 гг.) я был готов согласиться с этим, так как советская власть в трактовке следователя... выглядела лишь машиной насилия над личностью. Последующие годы убедили меня в ограниченности этой трактовки. В частности, почти все стихи, изъятые у меня при обыске и оставшиеся в архивах КГБ, как антисоветские, были опубликованы в советской печати — в журналах, газетах, поэтических сборниках. Второе следствие (1964 г.) уже не могло не принять во внимание определенных сдвигов в сфере идеологии и ограничилось пресечением моих контактов с иностранцами. Результатом его было публичное самобичевание, опубликованное в «Вечерней Москве» 3 июня 1965 года под названием «Ответ господину Хьюгесу»... Нелепость публичного ответа на письмо, полученное за два с лишним года до этого, не смутила сотрудников КГБ, активно помогавших в написании и опубликовании этой статьи. Сдвиги произошли и после 1964 года. Ранее «антисоветские» произведения становились вполне советскими и достойными печатания, менялось и отношение к контактам с западным миром.

Вот это и ставит вопрос о временности понятия «антисоветская пропаганда». Критика отдельных недостатков снизу — антисоветская пропаганда. Дошедшая до-

верху и воплощенная в решениях съездов и пленумов КПСС, та же критика тех же недостатков — направляющая линия жизни страны. Снизу — «призыв к подрыву или ослаблению советской власти», сверху — «укрепление мощи советского государственного строя». Закон же незыблем и неотвратим. Человек, раньше других поднявший голос в защиту чести и достоинства своей страны — государственный преступник, «правильно» осужденный по «духу и букве закона», «заслуженно» несущий кару. До сих пор находятся в заключении люди, протестовавшие против фальсификации истории КПСС, против злоупотреблений Н. С. Хрущева и других давно осужденных действий государства. Итак, если следствию удастся убедить Синявского и Даниэля, что их произведения направлены против ныне принятых положений партии, то им суждено «пересидеть» все пересмотры этих положений.

2. О применении понятия «антисоветская пропаганда» к художественной литературе.

Я знаком с повестью Терца «Суд идет», сборником «Фантастические повести», статьей «Что такое социалистический реализм», с повестью Аржака «Говорит Москва». Я знаком еще с рядом произведений, в разное время вызвавших негодование КГБ и связанную с этим негодованием конфискацию их. Я не могу найти этому «негодованию» иную причину, нежели небанальность подхода авторов к действительности и ее литературному воплощению. Пример тому — «Доктор Живаго»... — книга великая, заслуженно удостоенная Нобелевской премии (повсеместное изъятие этой книги, очевидно, одна из частных задач КГБ). Возможно, в действиях Синявского и Даниэля есть нарушение какой-то добровольно взятой на себя обязанности. Возможно, в Уставе Союза советских писателей, членами которого они, кажется, являются, имеется другое толкование понятия «социалистический реализм», нежели в статье Синявского. Может быть, повесть «Говорит Москва» написана в нарушение каких-то изложенных в этом уставе правил. Кажется, использование псевдонима должно быть зарегистрировано в писательской организации. Нарушение этих обязанностей — безусловно проступок. Но он полностью находится в компетенции Союза писателей, если они

его члены, КПСС, если они члены партии, любой добровольной организации, вступив в которую они нарушили ее правила. Но к государству (а ст. 70 УК предусматривает преступление против государства) их действия не имеют отношения. Тот факт, что они родились в Советском Союзе, еще не отнимает у них права на самостоятельность мышления. Верность убеждениям, свое понимание пользы страны не является монополией тех, кто стоит у власти. Синявский и Даниэль имеют право и на гнев, вызванный преступлениями прошлых лет, и на любовь к прошлому, и на свое понимание будущего страны... Следовательно, единственно правильным (но, увы, до сих пор не применявшимся) решением было бы рассмотрение этого дела не судебными, а общественными... организациями. К счастью для литературы, эти организации обладают не сетью исправительно-трудовых лагерей, а лишь продуманной системой общественного воздействия.

3. О роли КГБ в общественной жизни страны.

Время сейчас, конечно, не сталинское, но и сегодня КГБ является серьезным тормозом на пути развития общественных форм жизни. Последний пример тому — «участие» сотрудников госбезопасности в мирной демонстрации 5 декабря на Пушкинской площади. Попытки развернуть лозунг с требованием гласности по делу Синявского и Даниэля или лозунг «Уважайте Конституцию», попытки сказать то же самое... вслух неизменно кончались скручиванием рук и увозом в ближайшее отделение милиции или штаб народной дружины... Если же смотреть глубже, то как, если не вмешательством в общественную жизнь, можно назвать арест Синявского и Даниэля и уже трехмесячное содержание их под стражей? ... Заключение Синявского и Даниэля и полное отсутствие гласности по этому делу (как и по большинству дел КГБ об «антисоветской пропаганде») не дают возможности общественности самостоятельно судить о действиях обвиняемых и как-то контролировать законность действий КГБ, которую в данном случае грех не поставить под сомнение.

4. О следовании международным соглашениям.

Статья 19 «Всеобщей декларации прав человека», принятой ООН и подписанной в 1948 году и Советским

Союзом, гласит: «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ». Не имеют ли эти слова непосредственного отношения к случаю с Синявским и Даниэлем? Я считаю своим правом и долгом обратиться к Вам с этими вопросами. Я далеко не убежден, что и они не будут признаны антисоветскими. Моя неуверенность достаточно обоснована. Меня можно привлечь и осудить и за пользование иностранными источниками информации (я слушаю зарубежное радио, так как о деле Синявского и Даниэля в нашей стране до сих пор ничего не напечатано), и за знакомство с книгами этих авторов и одобрение их, и за участие в демонстрации 5 декабря, если кому-нибудь придет в голову назвать ее антисоветской, и за высказывание вслух того, о чем я пишу в этом письме. В 37, 49 и даже 61 годах сажали и не за такое. Но я люблю свою страну и не хочу, чтобы очередные непроконтролированные действия КГБ легли пятном на ее репутацию. Я люблю русскую литературу и не хочу, чтобы еще два ее представителя отправились под конвоем валить лес. Я уважаю Андрея Синявского — замечательного критика и прозаика.

А. Гинзбург
(Декабрь 1965)

Еще большая волна протестов поднялась после приговора Синявскому и Даниэлю. Протестовали генеральный секретарь Британской Коммунистической партии Джон Голлан, французский писатель-коммунист Луи Арагон, Национальный комитет писателей Франции, Французская ассоциация юристов-демократов, международный ПЕН-клуб и большое количество организаций и лиц свободного Запада. Продолжались и протесты против преследования Синявского и Даниэля и приговора со стороны граждан СССР. Так, во второй половине марта 1966 г. Э. Ханпира, И. Мельчук, Ю. Апресян, Л. Булатова и Н. Еськов написали письмо-протест Первому секретарю ЦК КПСС т. Брежневу Л. И. Они говорили о нецелесообразности самого процесса:

Первое: все это неизбежно будет подано буржуазной пропагандой на фоне ошибок в нашей культурной политике последнего десятилетия (до октября 1964 года): необоснованная критика романа Дудинцева «Не хлебом единым» (1956); не до конца продуманные шаги в отношении Б. Пастернака (1958); выступления против «Бабьего яра» Е. Евтушенко (1961); некомпетентные высказывания Н. С. Хрущева об искусстве и людях искусства (1963—1964) и, наконец, суд над переводчиком-поэтом И. Бродским, обвиненным в тунеядстве (1964). Эти действия не принесли нам ничего положительного. И потому мы не можем утешаться мыслью, что их положительная сторона перекрывает отрицательную — использование врагом. Для нас они были отрицательными и здесь, и там. Второе и самое главное обстоятельство... История Советского государства не знает ни одного случая ареста и открытого суда над писателем за инкриминируемую ему антисоветскую, антигосударственную деятельность, выражающуюся в написании и издании (здесь или за рубежом) антисоветских, антигосударственных художественных произведений. М. Булгаков написал, а МХАТ поставил «Дни Турбиных» — вещь, по определению И. В. Сталина, — антисоветскую. Однако М. Булгакова не арестовали и не судили за это. Б. Пильняк напечатал за границей антисоветскую повесть «Красное дерево». Однако его не арестовали и не судили за это. Борис Пастернак опубликовал за рубежом «Доктора Живаго» — роман, который был нами назван антисоветским. Б. Пастернака не арестовали и не судили за это. Итак, — беспрецедентный случай в истории Советского государства. Более того, история царской России, история Европы и Америки, Азии и Африки нового и новейшего времени... не знает ни одного случая ареста и открытого суда над писателем за инкриминируемую ему антигосударственную деятельность, выражающуюся в написании и издании (на родине или за рубежом) антигосударственных художественных произведений. Итак, — случай, не имеющий прецедентов в мировой истории.

Авторы письма сознательно, конечно, не указывают на бесчисленные в н е с у д е б н ы е преследования и казни писателей в СССР, ограничиваясь, по тактическим соображениям, преследованиями судебными. Они далее

указывают на явные нарушения законности в процессе Синявского и Даниэля:

До суда в официальном государственном печатном органе — газете «Известия» (№ 10 за 1966 год) была опубликована статья, написанная в знакомом тоне статей 30—40 гг., где Синявский и Даниэль назывались виновными, и где эпитет «антисоветский» по отношению к их произведениям употреблен много раз — хотя суду еще предстояло принять решение по этому вопросу... Сами же «Известия» совершенно справедливо пишут о недопустимости заочного вынесения приговора печатью (№ 61, 1966).

Начался суд. В зал не пустили ни одного иностранного корреспондента. Даже из иностранной коммунистической печати... Антисоветски настроенные люди получили возможность напомнить нам, что в 1936—37 гг. мы допускали иностранную прессу на политические процессы. Они получили возможность спросить: «Почему не пускают?..» Более того, наша печать своевременно не поместила ни стенограммы этого необычного процесса, ни подробной протокольной записи, и тем самым не смогла нейтрализовать действия буржуазной пропаганды... Но и без ее помощи у непредубежденных людей возникало недоумение. К сожалению, то, что писали наши газеты, не могло рассеять этого недоумения, а, наоборот, усилило его. Непродуманность, неряшливость, порой прямая ошибочность сказанного в газетах были просто поразительны... Газеты пытались внушить, что использование врагом художественных произведений уже само по себе криминал. Но враг использует все. Враг использовал критику культа личности и обстоятельства снятия Хрущева... Враг использует наши фельетоны и критические статьи. Использование врагом чего-либо не может считаться само по себе криминалом... Газеты пытались внушить, что отправка за границу рукописей (даже художественных произведений) без согласия государственных органов и не по почте, а с оказией, является нарушением закона. 22. 2. 1966 г. «Правда» писала, что Синявский и Даниэль поставляли тайно, в нарушение закона, свои антисоветские сочинения за границу. Однако нам неизвестен закон, запрещающий советским гражданам пересылку за гра-

ницу своих рукописей, если только они не содержат государственной или военной тайны... Газеты писали, что суду предстоит установить степень виновности, меру вины подсудимых.

Опять-таки досадная неточность. Суду, прежде всего, предстояло установить вину подсудимых, а потом уже ее меру. «Известия» от 10. 2. 1966 г., процитировав статью 70 УК РСФСР, пишут: «Наш закон устанавливает, что антисоветская литература — это литература, содержащая призыв к подрыву или ослаблению Советской власти...» Однако ни одна газета так и не показала, где эти призывы в сочинениях Синявского и Даниэля. То, что цитировалось в газетах, не может служить достаточным основанием, из цитированного вообще не вытекает, что это призывы к подрыву или ослаблению Советской власти, а тем более — призывы самих авторов, что это — авторская позиция... В газетах много подчеркивалось, что дело не в литературе, а в уголовных деяниях подсудимых. Но ведь инкриминируемые подсудимым уголовные деяния содержатся в их рассказах, повестях, романах. По-видимому, здесь нельзя было обойтись без чисто литературного анализа... Можно ли в газетах так все упрощать, и в таком облегченном виде представлять задачу, стоящую перед судом?..

Неудачное освещение в печати всего дела Синявского и Даниэля привело к публичным протестам не просто честных людей и прогрессивных деятелей, но самых прогрессивных из прогрессивных — наших зарубежных братьев — лидеров зарубежного коммунистического движения. И таким образом, во многих странах мы не имели сочувствия нашим действиям даже со стороны передового общественного мнения, к величайшей радости и выгоде нашего врага. Получается, что дело Синявского-Даниэля в том виде, в каком оно было подготовлено и рассмотрено, а также освещено нашей печатью, наносит мировому коммунистическому движению, нашему строю, государству, нашей идеологии ущерб больший, чем любые антисоветские писания тех или иных частных лиц, ибо писания есть писания... а ф а к т ы е с т ь ф а к т ы. Нам кажется, что следует либо организовать высококвалифицированный компетентный пересмотр судебного дела Синявского-Даниэля, подробно и убедительно осве-

щая его в печати, ли б о великодушно помиловать этих людей, дав возможность общественности обсудить их поступок. Нам кажется, что следует серьезно продумать все наши ошибки по отношению к творческой интеллигенции и причину этих ошибок с тем, чтобы решительно исправить положение и окончательно выбить козырные карты из рук наших врагов.

29. III. — 8. IV. 1966 г. 62 советских писателя послали в Президиум XXIII съезда КПСС и в Президиумы Верховных Советов СССР и РСФСР следующее письмо:

Уважаемые товарищи! Мы, группа писателей Москвы, обращаемся к вам с просьбой разрешить нам взять на поруки недавно осужденных писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Мы считаем, что это было бы мудрым и гуманным актом. Хотя мы и не одобряем тех средств, к которым прибегли эти писатели, публикуя свои произведения за границей, мы не можем согласиться с тем, что в их действиях присутствовал антисоветский умысел, доказательства которого были бы необходимы для столь тяжкого наказания. Этот злой умысел не был доказан в ходе процесса А. Синявского и Ю. Даниэля. Между тем, осуждение писателей за сатирические произведения — чрезвычайно опасный прецедент, способный затормозить процесс развития советской культуры. Ни наука, ни искусство не могут существовать без возможности высказывать парадоксальные идеи, создавать гиперболические образы. Сложная обстановка, в которой мы живем, требует расширения (а не сужения) свободы интеллектуального и художественного эксперимента. С этой точки зрения процесс над Синявским и Даниэлем причинил уже сейчас больший вред, чем все ошибки Синявского и Даниэля. Синявский и Даниэль — люди талантливые, и им должна быть предоставлена возможность исправить совершенные ими политические просчеты и бестактности.

Будучи взяты на поруки, Синявский и Даниэль скорее бы осознали ошибки, которые допустили, и в контакте с советской общественностью сумели бы создать новые произведения, художественная и идейная ценность которых искупит вред, причиненный их промахами. По всем этим причинам просим выпустить Андрея Синявского и

Юлия Даниэля на поруки. Этого требуют интересы нашей страны. Этого требуют интересы мира. Этого требуют интересы мирового коммунистического движения.

Члены Союза писателей СССР: Чуковский К. И., Эренбург И. Г., Шкловский В. Б., Антокольский П. Г., Славин Л. И., Каверин В. А., Дорош Е. Я., Анастасьев А. Н., Аникст А. А., Аннинский Л. А., Ахмадулина Б. А., Бабеньшева С. Э., Берестов В. Д., Богатырев К. П., Богуславская З. Б., Борев Ю. Б., Войнович В. Н., Домбровский Ю. О., Жигулин А. В., Зак А. Г., Зонина Л. А., Зорин Л. Г., Зоркая Н. М., Иванов Т. В., Кабо Л. Р., Кин Ц. И., Копелев Л. З., Корнилов В. А., Крупник И. Н., Кузнецова И. Н., Левитанский Ю. Д., Левицкий Л. А., Лунгин С. Л., Лунгина Л. З., Маркиш С. П., Масс В. З., Михайлов О. Н., Мориц Ю. П., Нагибин Ю. М., Нусинов И. И., Огнев В. Ф., Окуджава Б. Ш., Орлова Р. Д., Осповат Л. С., Панченко Н. В., Поповский М. А., Пинский Л. Б., Рассадин С. Б., Реформатская Н. В., Россельс В. М., Самойлов Д. С., Сарнов Б. М., Светов Ф. Г., Сергеев А. Я., Сеф Р. С., Соловьева И. Н., Тарковский А. А., Турков А. М., Тынянова И. Н., Фиш Г. С., Чуковская Л. К., Шатров М. Ф.

От имени XXIII съезда — в речи на этом съезде — к этим писателям обратился М. А. Шолохов, сказавший, что «с горечью констатирует народная мудрость: „В семье не без урода“. Но ведь уродство уродству рознь. Думаю, что любому понятно: ничего нет более кощунственного и омерзительного, чем оболгать свою мать, гнусно оскорбить ее, поднять на нее руку! Мне стыдно за тех, кто оболгал родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась. Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев... Иные, прикрываясь словами о гуманизме, стенают о суровости приговора... И еще я думаю об одном. Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные двадцатые годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а „руководствуясь революционным правосознанием“, ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рас-

суждают о ‚суровости‘ приговора...» На пресс-конференции в Токийском аэропорту Шолохов пошел еще дальше, заявив, что «дал бы Синявскому и Даниэлю в три раза больше», а «Арагону нечего лезть не в свое дело».

Нобелевскому лауреату ответила писательница Л. Чуковская открытым письмом в правление Ростовского отделения СП, в правление Союза писателей РСФСР, в правление Союза писателей СССР, в редакции газет: «Правда», «Известия», «Литературная Газета», «Литературная Россия» и «Молот»:

Выступая на XXIII съезде партии, Вы, Михаил Александрович, поднялись на трибуну не как частное лицо, а как представитель советской литературы... Речь Вашу на съезде воистину можно назвать исторической. За все многовековое существование русской культуры я не могу вспомнить другого писателя, который, подобно Вам, публично выразил бы свое сожаление не о том, что вынесенный судьями приговор слишком суров, а о том, что он слишком мягок. Но огорчил Вас не один лишь приговор... Вам хотелось бы, чтобы судьи судили советских граждан, не стесняя себя кодексом, чтобы руководствовались они не законами, а «правосознанием». Этот призыв ошеломил меня — и я имею основание думать — не одну меня. Миллионами невинных жизней заплатил наш народ за сталинское попрание закона... Кому и для чего это нужно — возвращаться к «правосознанию», то есть по сути дела к инстинкту, когда выработан закон? И кого, в первую очередь, мечтаете Вы осудить этим особо суровым, не опирающимся на статью кодекса, судом, который осуществлялся «в памятные двадцатые годы»? Прежде всего, литераторов...

Давно уже в статьях и публичных выступлениях Вы, Михаил Александрович, имеете обыкновение отзываться о писателях с пренебрежением и грубой насмешкой. Но на этот раз Вы превзошли самого себя. Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагере со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического труда — то есть, в сущности, приговор к болезни, а может быть, и к смерти, — представляется Вам недостаточно суровым.

Суд, который судил бы их не по статьям уголовного кодекса . . . — побыстрее, попроще! — изобрел бы, полагаете Вы, более тяжкое наказание, и Вы были бы этому рады . . .

Да, . . . вместе со многими коммунистами Италии, Франции, Англии, Норвегии, Швеции, Дании (которых в своей речи Вы почему-то именуєте «буржуазными защитниками» осужденных), вместе с левыми общественными организациями Запада, я, советская писательница . . . осмеливаюсь рассуждать о неуместной, ничем не оправданной суровости приговора. Вы в своей речи сказали, что Вам стыдно за тех, кто хлопотал о помиловании, предлагал взять осужденных на поруки. А мне . . . стыдно не за них и не за себя, а за Вас. Они просьбой своей продолжили славную традицию советской и досоветской русской литературы, а Вы своею речью отлучили себя от этой традиции . . . Дело писателей не преследовать, а вступаться . . . Суд над писателями Синявским и Даниэлем по внешности совершался с соблюдением всех формальностей, требуемых законом. С Вашей точки зрения в этом его недостаток, с моей — достоинство.

И, однако, я возражаю против приговора, вынесенного судом . . . Потому, что самая отдача под уголовный суд Синявского и Даниэля была противозаконной. Потому, что книга, беллетристика, повесть, роман, рассказ — словом, литературное произведение, слабое или сильное, талантливое или бездарное, лживое или правдивое, никакому суду, кроме общественного, литературного . . . не подлежит. Писателя, как и всякого советского гражданина, можно и должно судить уголовным судом за любой проступок — только не за его книги. Литература уголовному суду неподсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не лагеря и тюрьмы. Вот это Вы и должны были заявить своим слушателям, если бы Вы в самом деле поднялись на трибуну как представитель советской литературы. Но Вы держали речь как отступник ее. Ваша позорная речь не будет забыта историей. А литература сама отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, — к творческому бесплодию.

И никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят приговор от Вашей головы.

В своем письме из лагеря в редакцию газеты «Известия», от 9 апреля 1966 г., Ю. М. Даниэль, от своего и А. Д. Синявского имени, заявляет, что «в течение всего периода следствия и суда . . . не получал сколько-нибудь объективной информации об общественном звучании произведений Аржака и Терца. Следствие, обвинители, суд старались убедить меня и Синявского в том, что наши произведения читаются и рекламируются только врагами нашей страны, что они — произведения — превращены в орудие идеологической борьбы . . . После суда и приговора я получил возможность ознакомиться с нашей прессой и получить сведения о прессе зарубежной. Я понял, что только дезинформация была причиной моих ‚сожалений‘ и ‚признаний‘. Я понял также, что читатели наших газет . . . введены в заблуждение относительно смысла, идейной направленности и даже художественных особенностей повестей и рассказов Терца и Аржака. Я не стану перечислять весь набор недобросовестных, жульнических приемов, которыми пользовались журналисты и критики . . . Тенденциозное освещение процесса, произведений и личности обвиняемых в нашей прессе, доброжелательность и протесты против суда, исходящие из прогрессивных кругов широкой общественности, от ряда советских литераторов и деятелей культуры и науки, ставят меня перед необходимостью четко и недвусмысленно сформулировать свое отношение к происходящему. В настоящее время я пришел к окончательному выводу — наши произведения вообще не должны были быть предметом судебного разбирательства; приговор несправедлив и неправосуден; я отказываюсь от своих ‚сожалений‘ по поводу якобы причиненного нашими произведениями вреда: единственный вред, который можно связать с именами Синявского и Даниэля, порожден арестом, судом и приговором . . .»

Мы не приводим многочисленных протестов — со стороны советских писателей и ученых, со стороны зарубежных писателей, журналистов, ученых, литературных и юридических, научных и политических организаций.

Через несколько месяцев после процесса Синявского и Даниэля редактор подпольного журнала «Синтаксис» Александр Гинзбург выпустил в «Самиздате» «Белую книгу» по делу А. Синявского и Даниэля, в которой собрал обширный материал — стенограмму судебного процесса, отклики в советской и зарубежной прессе, письма в президиум Союза советских писателей, главам партии и правительства СССР, в редакции газет и т. д.

ДЕЛО О ДЕМОНСТРАЦИИ НА ПУШКИНСКОЙ ПЛОЩАДИ 22 ЯНВАРЯ 1967 г.

17—19 января 1967 г. были арестованы Галансков, Добровольский, Лашкова и Радзиевский. Им было предъявлено обвинение по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). 22 января в 18 часов на Пушкинской площади собралась группа молодежи, человек 20—30, с лозунгами: «Свободу Галанскову, Добровольскому, Лашковой, Радзиевскому!» и «Требуем пересмотра антиконституционного Указа и статьи 70!» Как только были подняты лозунги, с разных сторон подбежали люди в штатском, вырвали плакаты и задержали несколько человек. После этого почти все разошлись, а через некоторое время из маленькой группы, оставшейся на площади, раздался выкрик: «Долой диктатуру! Свободу Добровольскому!» Выкрикнувший также был задержан. Всех задержанных доставили в штаб оперативного отряда Московского комитета комсомола. Их допросили, и через несколько часов двое из них, Габай и Делоне, были отпущены, а двое других, Кушев и Хаустов, отправлены в следственный изолятор КГБ — Лефортовскую тюрьму. 25—26 января были арестованы Буковский, Габай и Делоне. У всех арестованных и многих их знакомых были произведены тщательные обыски, причем наибольший интерес у обыскивающих вызывали рукописи — так называемый «Самиздат» — их, в основном, и изымали. По заведенному на демонстрантов делу прокуратура и КГБ допросили не менее ста свидетелей. 15 февраля неожиданно стало известно, что завтра должен состояться суд над двумя из пяти демонстрантов.

Что это за указ, против которого протестовали демонстранты на Пушкинской площади? В «Ведомостях Верховного Совета РСФСР» был опубликован Указ Пре-

зидиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР». Этим Указом в УК РСФСР были внесены 3 новые статьи, в том числе статьи 190¹ и 190³.

Ст. 190¹: Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания — наказывается лишением свободы на срок до одного года, или штрафом до 100 рублей. Ст. 190³: Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий, — наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до 100 рублей.

Вся остальная советская печать обошла этот Указ молчанием. *Группа советских писателей, ученых, общественных деятелей направила в Верховный Совет РСФСР письмо по поводу этого указа:*

Сессии Верховного Совета РСФСР.

Копии: Политбюро ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета РСФСР, Генеральному прокурору СССР.

Товарищи депутаты! Мы, группа советских граждан, считаем своим долгом выразить отношение к принятому Президиумом Верховного Совета РСФСР Указу от 16 сентября 1966 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР». По нашему мнению, дополнение УК РСФСР статьями 190¹ и 190³ противоречит ленинским принципам социалистической демократии, и в случае утверждения их Сессией Верховного Совета РСФСР они могут быть препятствием к осуществлению свобод, гарантированных Конституцией СССР.

С. М. Антонова — член КПСС с 1904 г.; Б. Л. Астатуров — академик, цитология; В. Войнович — писатель; Б. Л. Гинзбург — академик, физика; С. А. Давыдовская — член КПСС с 1925 г.; Ю. Домбровский — писатель; Я. Б. Зельдович — академик, астрофизика; Д. Ю. Зорина — член КПСС с 1917 г.; В. Каверин — писатель;

И. Л. Кнунянц — академик, химия; М. А. Леонтович — академик, физика; А. Б. Мигдал — академик, физика; В. Некрасов — писатель; М. И. Ромм — кинорежиссер; А. Д. Сахаров — академик, физика; А. Д. Сказкин — академик, история; И. Е. Тамм — академик, физика; В. М. Турок-Попов — доктор исторических наук; Д. Д. Шостакович — композитор; Б. А. Энгельгардт — академик, биохимия; П. И. Якир — историк.

Кандидат физико-математических наук А. С. Вольпин также написал и направил в соответствующие инстанции письмо с требованием более точной формулировки статей 190¹ и 190³, так как они дают возможность произвольного толкования законных действий советских граждан. Реакции на эти письма не было.

В 11 часов утра 16 февраля 1967 г. открылось заседание судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда под председательством Пантелеева. Прокурор — Старосветов. Защитники — Жарова и Каллистратова. Подсудимые: Хаустов Виктор Александрович, 1938 г. рожд., русский, холост, рабочий обойной фабрики, ранее не судим, образование среднее, обвиняется по ст. 206 ч. 2 УК РСФСР и по ст. 190³ УК РСФСР. Габай Илья Янкелевич, 1925 г. рожд., еврей, женат, сын 5 лет, образование высшее, редактор ЦНИИПИ, ранее не судим, обвиняется по ст. 190³ УК РСФСР. Хаустов, будучи знаком с Добровольским, Галансковым и другими лицами, арестованными и привлеченными к уголовной ответственности по ст. 70 УК РСФСР, в нарушение установленного порядка обращения в соответствующие органы, встал на путь незаконного выражения своих требований, организовал групповые действия, грубо нарушившие общественный порядок в 18 часов 22 января 1967 г. на площади Пушкина. Хаустов и Габай приняли активное участие в этих действиях совместно с Кушевым, Делоне, Буковским и другими лицами. Хаустов оповещал своих знакомых о демонстрации, приглашал их на демонстрацию. На площади были развернуты три лозунга следующего содержания: «Свободу Добровольскому, Лашковой, Галанскову, Радзиевскому» — 2 лозунга — и «Требуем пересмотра антиконституционного Указа и статьи 70 УК РСФСР». Хаустов не подчинился предложению членов комсомольского оперативного отряда Весны и других, отказался

отдать лозунг и учинил злостные хулиганские действия и физическое сопротивление: вырывался, отталкивал от себя комсомольцев, ударил Клейменова по плечу, а Весну по руке и по ноге, при этом выражался нецензурными словами... [Хаустов отрицает:] «Сопrotивляясь, я, возможно, ненамеренно ударил кого-то, за что приношу свои извинения. Матом я не ругался». [Но и свидетели — члены комсомольского оперативного отряда — далеко не все утверждают, что Хаустов бил кого-нибудь по плечу и ругался, а те, кто это утверждает, делают это весьма неуверенно]. [Из вопросов судьи и ответов на них Хаустова некоторые чрезвычайно характерны. Вот некоторые из них:]

Судья: На предварительном следствии вы показали, что вашим идеалом государства является английская парламентарная система. Считаете ли вы так сейчас?

Хаустов: Да, считаю.

... *Судья:* На предварительном следствии вы показали, что технический вуз вас не интересовал, а в гуманитарный вы не хотели, так как там с вашими взглядами будет трудно. Почему вы решили поступить? Вы изменили взгляды?

Хаустов: Я решил глубже изучить марксистскую философию.

Судья: Знакомы ли вы с юриспруденцией?

Хаустов: Нет, но я интересовался философией права.

Судья: Кого из философов вы читали?

Хаустов: Канта. Его труды заставили меня на многое смотреть по-другому.

Судья: Вы бы что-нибудь поближе к нашему времени почитали.

Адвокат: Достаточно ли глубоко вы изучали марксистско-ленинскую философию?

Хаустов: Марксистско-ленинскую философию я знаю поверхностно, но думаю, что знаю ее достаточно, чтобы сомневаться в ее правильности.

... *Судья:* Чем вам не нравится статья 190?

Хаустов: Она отменяет гарантированные конституцией свободы.

Судья: Вы считаете, что все взгляды должны свободно высказываться?

Хаустов: Да.

Судья: Любые?

Хаустов: Да, потому что на каждое мнение найдется контрмнение.

... Адвокат: Кто ваши отец и мать?

Хаустов: Отец погиб на фронте в 1944 г. Мать работает на фабрике подсобной рабочей.

... Судебная коллегия приговорила Хаустова Виктора Александровича признать виновным по ст. ст. 190³ и 206 ч. II УК РСФСР и подвергнуть лишению свободы... сроком на 3 года с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима... [Дело И. Габая выделено].

Из письма Галины Викторовны Габай товарищу председателя Президиума Верховного Совета СССР [об обстановке во время судебного процесса по делу Хаустова:]
... Накануне судебного разбирательства я обратилась в уголовную канцелярию Мосгорсуда, чтобы узнать, когда будет слушаться это дело, чтобы иметь возможность сообщить об этом адвокату. Служащая уголовной канцелярии сказала мне, что сроки слушания дела еще неизвестны. Однако в тот же день адвокат Жарова М. И. ... сообщила мне, что дело будет слушаться завтра... в 10 час. утра и добавила, что меня в суд не пустят. Затем в личной беседе со мной она сказала, что мне в зал суда пройти будет можно, но просила меня, чтобы больше никто не появлялся там. Далее адвокат заявила, что мне вообще могли этого не сообщать и суд прошел бы без меня. С 9 утра у входа в здание Мосгорсуда дежурила милиция, никого не пускавшая в здание... Пройти в зал суда мне и матери Хаустова В. А. удалось чудом, потому что милиция и конвой у дверей зала заседаний не пропускали никого, ни родственников, ни друзей подсудимых. Самым возмутительным было то, что милиция и конвой... беспрекословно за несколько минут до начала заседания пропустили в зал группу молодых людей, которые не являются ни друзьями, ни близкими, ни даже знакомыми подсудимых... Создается впечатление, что все это организовано и подготовлено заранее. Суд формально именовался «открытым судебным разбирательством», и «публика» (те самые молодые люди) там была. Эта же хорошо организованная группа людей после перерыва оттесняла нас, родственников и близких, от дверей зала заседаний...

Следствие по делу остальных участников демонстрации продолжалось: шли допросы обвиняемых, свидетелей, обыски... Вели его следователи прокуратуры г. Москвы Акимов и Гневковская. На допросах широко обсуждались реальные и вымышленные факты из интимной жизни обвиняемых, свидетелей и других лиц. Родным одного из обвиняемых следователь Акимов сказала, что он совращал несовершеннолетних девушек. Относительно другого обвиняемого задавался ряд провокационных вопросов, целью которых было создать впечатление, что это сексуально извращенный человек. Многим свидетелям зачитывали выдержки из дневника известной им девушки, который был изъят при обыске... В феврале среди студентов Московского университета начался сбор подписей под письмом протеста против ареста демонстрантов. Сотрудники КГБ, выследив девушку, у которой находился текст письма, задержали ее прямо в университете и, угрожая обыском, заставили отдать им документ. Известно, что таким же образом было пресечено еще несколько попыток протеста... В апреле дело внезапно было передано из прокуратуры в КГБ. В июне был освобожден из-под стражи Габай, а в августе его дело было прекращено «за отсутствием состава преступления». Единственным фактом в деле Габая было присутствие на площади во время демонстрации, никакого участия в ней он не принимал... Тем не менее, он провел в тюрьме 4 месяца.

30 августа открылось заседание судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда под председательством Шаповаловой. Суд продолжался 3 дня: 30 и 31 августа и 1 сентября 1967.

Из обвинительного заключения... по обвинению Буковского В. К., Делоне В. Н. и Кушева Е. И. по ст. 190³ УК РСФСР:

19 января 1967 г. органами государственной безопасности был арестован ряд лиц: Галансков, Добровольский, Лашкова и Радзиевский. Им предъявлено обвинение по ст. 70, ч. 1, УК РСФСР. Из числа их друзей и в разной степени единомышленников на свободе остались Буковский, Делоне, Кушев и Хаустов (осужден). Группа этих лиц совместно с другими лицами, не установленными следствием, грубо нарушила общественный поря-

док на площади Пушкина в 6 часов вечера 22 января, в результате чего им было предъявлено обвинение по ст. 190³ УК РСФСР.

Буковский В. К., являясь противником коммунистической идеологии, еще в 1962 г. привлекался по ст. 70, ч. 1, УК РСФСР за изготовление и распространение антисоветского документа и фотокопии части книги Джиласа «Новый класс». Тогда же он был признан душевнобольным и направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Выйдя в 1964 г. из больницы, он установил связь с Тарсисом, а через него — с представителями НТС, которым он вместе со своими друзьями (Батшевым, Губановым) передавал машинописные сборники произведений молодых поэтов из числа так называемых «смогистов». Летом 1966 г. он совместно с Добровольским, Губановым, Делоне, Капланом встречался с эмиссаром НТС по имени Филипп, однако, никакими враждебными действиями с его стороны эта встреча не сопровождалась.

Делоне В. Н., будучи с детства предоставлен сам себе, подпал под влияние тенденциозных слухов как внутрисоюзного характера, так и внешнеполитических (особенно о периоде культа личности). Интересуясь литературой, он посещал сборища на площади Маяковского и там установил дружеские отношения с рядом лиц из числа так называемых «смогистов», в том числе с Губановым, Галансковым, Добровольским, Лашковой, Вишневым и другими. Результатом этих отношений явилась написанная Делоне политически вредная «Баллада о неверии», которую он передал эмиссару НТС по имени Филипп. Однако никаких данных об опубликовании этой поэмы за границей следствием не обнаружено.

Кушев Е. И., подпав под влияние религиозного фанатика Левитина А. Э. (Краснова), проникся идеями демохристианства и стал с этих позиций критически рассматривать советскую действительность. Проявляя нездоровый интерес ко всякого рода антисоветской литературе, летом 1966 г. он получил от Колосова (умер) один экземпляр журнала «Колокол», изготовленного и распространенного антисоветской организацией в г. Ленинграде. Тогда же он получил от Добровольского, Кац и

Лашковой 3 брошюры НТС — «Сила идей», «Солидаризм — идея будущего» и «Наши дни», которые после прочтения им возвратил.

Буковский и Хаустов (осужден), узнав об аресте своих друзей и желая привлечь к этому внимание общественности, решили организовать демонстрацию на площади Пушкина в 6 часов вечера 22 января 1967 г. . . . [Дальше излагается подробно всё, что изложено ранее, — о демонстрации]. Буковский Владимир Константинович, 1942 г. р., беспартийный, не женат, не работает . . . встав на незаконный путь выражения своих требований организовал демонстрацию с требованием освобождения [своих друзей] и пересмотра ст. 70 и 190³ УК РСФСР, причем на его квартире был изготовлен лозунг . . . «Свободу Добровольскому, Галанскову, Лашковой и Радзиевскому», причем перед началом демонстрации участники собрались у него на квартире, где он их инструктировал, он приглашал других лиц на демонстрацию и сам принимал в ней активное участие, держа лозунг, следовательно, совершил преступление, предусмотренное ст. 190³ УК РСФСР. Делоне Вадим Николаевич, 1947 г. р., беспартийный, не женат, не работает, встав на незаконный путь выражения своих требований, принял участие в демонстрации . . . держал совместно с Хаустовым лозунг . . . который он принес под пальто на площадь, таким образом, совершил преступление, предусмотренное ст. 190³ УК РСФСР. Кушев Евгений Игнатьевич, 1947 г. р., беспартийный, не женат, не работает, встав на незаконный путь выражения своих требований . . . оповестил Кац, явился на площадь, когда лозунгов уже не было, но, тем не менее . . . выкрикнул: «Свободу Добровольскому! Долой диктатуру!», чем образовал состав преступления, предусмотренный ст. 190³ УК РСФСР.

Из показаний на суде Делоне:

. . . Поэзия из дилетантского интереса превратилась для меня в дело жизни. Я сошелся с наиболее интересной московской группой молодых поэтов, с группой СМОГ . . . Молодые поэты, именовавшие себя смогистами . . . «возродили Маяковку». Дело в том, что так называемая «первая Маяковка» прекратила свое существование в 1963 г. Выступления поэтов на площади Маяковского разгонялись оперативными отрядами горкома комсомола,

и продолжение этих выступлений стало невозможным. Смогисты в конце 1965 — начале 1966 г. восстановили традицию и стали проводить свои выступления на площади Маяковского. Кроме того, они выступали в студенческих аудиториях. Смогисты считали своими учителями Пастернака, Мандельштама, Цветаеву и ратовали за свободу творчества — как в плане формы, так и в плане содержания.

Выступления смогистов привели к конфликту между ними и нашими официальными инстанциями (как, например, комсомол). Разумеется, смогисты вели себя не всегда правильно, а зачастую и несерьезно. Я имею в виду хотя бы их демонстрацию у ЦДЛ, когда они вышли с лозунгом «Лишим соцреализм девственности». Однако и комсомол, и писательская организация повели себя, мягко говоря, не совсем правильно. Забывая о том, что они имеют дело с творческой молодежью — и я даже возьму на себя смелость сказать, с наиболее талантливой частью нашей творческой молодежи, — комсомол и Союз писателей огульно очернили смогистов и не пожелали разбираться с ними по существу... Я не был смогистом формально, хотя и выступал иногда вместе с ними. Если я и не был формально смогистом и никогда не причислял себя к этой группировке, то лишь в силу того, что Устав смогистов казался мне излишне вызывающим, поведение — несерьезным, а футуристические замашки просто отталкивали.

Летом 1966 г. среди отверженных смогистов пошли разговоры о возобновлении выступлений на площадях. Тогда-то мне и «мэтру смога», поэту Губанову, пришла в голову идея создания на базе смогизма новой легальной творческой организации молодых, организации со значительно более хорошо продуманной и серьезной программой. Создание такой организации предотвратило бы нежелательные эксцессы и одновременно дало бы возможность для всевозможных творческих дискуссий. Кроме того, создались бы нормальные условия для работы молодым поэтам, прозаикам и художникам так называемого «левого толка». Осенью 1966 г. я познакомился с Владимиром Буковским, который сразу же принял горячее участие в нашем деле. После длительных обсуждений было решено создать дискуссионный клуб, а

на базе его — творческую организацию молодых, которая должна была объединить молодых поэтов, прозаиков и художников, не состоящих в наших официальных творческих организациях... Некоторые известные советские писатели дали согласие на работу с нами, а также на руководство творческими секциями... Мы обратились с предложением о создании творческого клуба и организации молодых в МК комсомола в сентябре 1966 г. Мы попросили помочь нам в создании клуба и принять участие в его работе секретаря МК комсомола Алика Роганова и первого секретаря МК комсомола Трушина. Поначалу работники МК встретили нас чуть не с распростертыми объятиями. Видимо, эксцессы на площадях надоели и им... Мы представили в горком комсомола проект устава творческой организации, написанный мной и Буковским. Была договоренность, хотя и не совсем категоричная, о проведении конференции молодых... Конференция была назначена на 16 сентября 1966 г. Мы готовились к ее проведению и уже пригласили на нее в качестве гостей ряд видных советских писателей, а также наших друзей из Ленинграда и Киева. Однако, по непонятным для нас причинам, горком неожиданно отказал не только в проведении намеченной конференции, но и вообще в какой-либо помощи или участии, тем самым поставив нас в крайне сложное положение, так как отказано нам было за два дня до назначенной конференции... Мы не стали проводить нелегальную конференцию, хотя имели для этого возможность, именно потому, что желали еще раз продемонстрировать наши добрые намерения, показать, что в нашем предложении нет ничего провокационного... Буковский обратился в Ленинский райком комсомола, а я дошел до Идеологической комиссии ЦК партии... Но дальше разговоров дело не пошло... Руководству МГПИ, где я учился, стало известно о моих связях с одиозными смогистами и о моих попытках создать творческое объединение. Видимо, опасаясь возможных неприятностей из-за меня, руководство института поспешило от меня отделаться под предлогом непосещаемости, хотя я представил в институт заключение врачебной комиссии о необходимости для меня академического отпуска. Одновременно и по той же истинной причине я был исключен из комсомола.

... 20 января ко мне пришел мой друг Володя Буковский и Виктор Хаустов. Они сказали мне, что арестованы мои знакомые Галансков, Добровольский, Лашкова и Радзиевский, арестованы по ст. 70 за составление литературно-публицистического сборника «Феникс». Это известие буквально потрясло меня, тем более, что я почувствовал себя в какой-то степени виновным перед Галансковым и другими. Ведь Галансков был, так сказать, «участник нашего оргкомитета» по созданию творческого объединения. Добровольский и Лашкова оказывали нам чисто практическую помощь. Я считал и считаю, что прецедента с «Фениксом» не было бы, если бы горком комсомола не отказал нам в помощи... Буковский и Хаустов сказали мне, что 22 января на площади Пушкина состоится демонстрация протеста против ареста Галанскова и других, а также будет выдвинуто требование о пересмотре антиконституционных статей 70 и 190. Буковский спросил меня, согласен ли я с требованиями, — я сказал, что согласен, так как знал, что Советским Союзом подписана Декларация прав человека и в одном из ее пунктов прямо сказано о праве на распространение человеком своих взглядов и убеждений любым способом, вне зависимости от государственных границ, если только эти убеждения не носят расистского характера и не призывают к войне. Поэтому сам факт публикации на Западе не представляется мне криминальным... Текст ст. 190 мне также был известен. Я считал, что против нее нужно возражать...

Из показаний подсудимого Кушева.

Прокурор: Понимали ли вы, что демонстрация незаконна?

Кушев: По ст. 125 Конституции СССР демонстрации у нас разрешены. Буковский сказал мне, что она законна, — я же всегда считал, что демонстрация есть естественное проявление чувств граждан... Мои выкрики были необдуманными и, может быть, неэтичными, но я не считаю, что ими я нарушил общественный порядок.

Из показаний подсудимого Буковского:

Начиная с 1961 г., я задумался над тем, на самом ли деле демократические свободы, гарантированные конституцией, являются в Советском Союзе реальностью... В

этом [1961] году за издание рукописного журнала были привлечены к уголовной ответственности мои друзья Осипов, Кузнецов и Бокштейн. Я считаю, что это было несправедливо, и с того времени я стал противником атмосферы несвободы и замалчивания, которая существует в нашей стране... Арест Галанскова и других аналогичен этому. В нашей стране масса таких дел — хотя бы дело Синявского и Даниэля... Являясь противником всех форм тоталитаризма, я поставил целью жизни борьбу против антидемократических законов, приводящих к политическому неравенству в нашей стране...

Из показаний свидетеля Левитина [Краснова] Анатолия Эммануиловича:

... Кушева Евгения я знаю очень хорошо... Я работаю счетоводом в одной из церквей. Помимо этого, я являюсь церковным писателем и пишу статьи по вопросам богословия под псевдонимом «Краснов», широко известные в наших и зарубежных церковных кругах. Летом 1965 г. я печатал свои статьи у одной машинистки. У нее я встретил юношу, которому оказалось известным содержание моих статей. Мы разговорились с ним на религиозные, философские и политические темы. После нескольких таких встреч я пригласил его к себе, и вскоре он стал своим человеком в моем доме. Через несколько месяцев он под моим влиянием принял крещение, и я являюсь его крестным отцом; так что между нами существует духовное родство.

Судья: Не считаете ли вы себя ответственным — я говорю о моральной ответственности — за то, что он сейчас находится под судом?

Левитин: Да, конечно, я не снимаю с себя за это ответственности. Тем более, что арест его произошел у меня на глазах... Евгений — человек исключительного благородства. Это искатель. Ему свойственны напряженные поиски смысла жизни. И то, что произошло, является следствием его благородной природы... Евгением двигало благородное стремление заступиться за товарищей. Он человек самоотверженный, который всегда думает о других и никогда не думает о себе. Он талантливый поэт, человек с большим интересом к философии, к истории, к искусству... Он является сторонником развития социалистической демократии. Как и вся интелли-

генция, он и я являемся сторонниками большей свободы слова и печати. Мы, однако, считаем, что бороться за это надо строго легальными методами. Совместно со своим товарищем, покойным Сергеем Колосовым, Евгений издавал рукописные журналы: «Русское Слово» и «Социализм и Демократия»... Никаких антисоветских материалов там не было. Женя хотел создать клуб имени Рылеева, где молодежь могла бы вести свободные дискуссии на философские и общественные темы. И я горячо одобряю это намерение.

... *Судья*: С какого года вы перестали работать в школе?

Левитин: С 1959. Я был изгнан в связи с моими религиозными убеждениями.

... *Адвокат*: ... Вы считаете, что можно крестить девятнадцатилетнего парня без ведома его родителей?

Левитин: Есть каноническое правило, согласно которому церковь не имеет права отказывать в крещении кому бы то ни было, а Евангелие обращается с призывом к крещению решительно ко всем...

Из показаний свидетеля Вольпина Александра Сергеевича: ... Я должен сделать заявление, с которым входил в зал. Меня просили передать это заявление вам в письменном виде люди, которые не смогли попасть в зал. Их не пускают какие-то люди в штатской одежде, называющие себя дружинниками, но не имеющие никаких повязок. Один из них вырвал это заявление у меня из рук, когда сбор подписей еще не был закончен... Люди в этом заявлении просят только, чтобы зал был радиофицирован и публике дали возможность следить за ходом процесса — больше ничего.

Судья: Я знаю это заявление, оно у меня.

Вольпин: ... Если бы заявление не выхватили у меня из рук, то подписей под ним было бы больше. А теперь — по существу вопроса о демонстрации. Прежде всего, это не первая демонстрация юридического характера. Первая за последние годы была 5 декабря 1965 г., когда требовали гласности суда на предстоящем процессе Синявского и Даниэля. Тогда я был одним из инициаторов демонстрации. Потом были и другие демонстрации... [На демонстрации 22 января] никакого нарушения обще-

ственного порядка на площади я не заметил — если не говорить о нарушении, допущенном этими лицами в штатской одежде без повязок, но это уже не входит в пределы настоящего разбирательства . . .

Из показаний свидетеля Делоне Ирины Отговны — матери Вадима Делоне: . . . Вадим очень чуткий и хороший юноша. Он с детства пишет стихи. Мне это не очень нравилось. Я считала, что надо иметь более четкую специальность, чем профессия поэта. Но он необыкновенно увлекается литературой.

Судья: Знаете ли вы его поэму «Неверие»?

Делоне: Он мне ее показывал, но я не стала ее читать. Я вообще избегаю читать такие вещи.

Судья: Какие — такие?

Делоне (после паузы): Ну, не апробированные официально . . .

Из речи прокурора Миронова: Мы разбираем дело о преступлении, которое необычайно редко в нашей стране. И в этой редкости — его опасность. Трое молодых людей обвиняются в том, что они организовали демонстрацию в центре города, направленную против органов КГБ . . . Советские граждане имеют право выражать свое недовольство различными явлениями действительности, включая действия властей, но для этого существует установленный порядок. Подсудимые же устроили свою демонстрацию в обход этого порядка, совершив этим нарушение общественного порядка. Это нарушение является грубым — грубость состоит в этом случае в его дерзости, а дерзость в том, что подсудимые критиковали действующие законы и деятельность органов госбезопасности, подрывая этим их авторитет . . . Виновны и несут ответственность все трое. Но и кроме них виновных много: виновны отцы, которые бросили свои семьи, виновны матери, виновны крестные отцы, которые не остерегли их от преступления. Мать Евгения Кушева с полным спокойствием относилась к тому, что ее сын связался с религией: у нее, видите ли, свой Бог. Ну вот, а сын ее пошел искать своего Бога, ну, этот Бог и явился к нам в образе свидетеля, его крестного отца . . .

Из последнего слова подсудимого Делоне: . . . Никто из нас не оказал сопротивления представителям власти,

за исключением, пожалуй, Хаустова, да и тот никак не мог знать, что набросившиеся на него люди в штатском — представители власти... Я знал, что стихийные демонстрации имели место. Я имею в виду демонстрацию с требованием гласности суда над Синявским и Даниэлем и демонстрацию смогистов у ЦДЛ. Уже после вступления в силу нового Указа — ст. 190³ — я лично принял участие в митинге молчания на площади Пушкина, созванном в связи с попытками частичной реабилитации Сталина. Однако ни для меня, ни для других лиц, собравшихся на площади Пушкина 5 декабря, в День конституции, этот митинг не обернулся печальными последствиями... Я знал, что аналогичные митинги-демонстрации проходили в других городах, как, например, митинг на «Бабьем Яре» в Киеве в конце прошлого года. Исходя из этого, я никак не мог предполагать, что сам факт стихийной демонстрации может быть рассмотрен как правонарушение, как грубое нарушение порядка... Гражданин прокурор говорил здесь о том, что вот, мол, такие большие люди, как Леонтович и Каверин, нашли способ высказать свое мнение разумным путем — написали письмо, а вот мы, подсудимые, позволили себе выйти на демонстрацию и тем самым переступили границу закона... Гражданин прокурор и граждане судьи, вы, очевидно, прекрасно понимаете, что если письмо протеста подписано академиками, лауреатами государственных премий, членами Верховного Совета СССР — это один эффект. Совсем другое дело, если письмо подписано Буковским и Делоне, такое письмо и читать не будут. Демонстрация — это единственная мера, которую мы могли принять в качестве протеста...

Из последнего слова подсудимого Кушева: Я раскаиваюсь в том, что я выкрикнул на площади, — это было сторяча и необдуманно. Я вышел на площадь, не думая, что я совершаю что-то противозаконное, да и сейчас полагаю, что мы ничего не нарушили... Но я не понимаю: какое отношение к делу имеет религия? Зачем о ней здесь так много говорили? Из-за этого создалась нервная атмосфера, а ведь религия — это личное дело каждого. Мне непонятно, почему в обвинительном заключении сказано, что я под влиянием Левитина увлекся демохристианством. Я, как и он, считаю, что хри-

стианство дополняет социализм, а социализм — христианство . . .

Из последнего слова подсудимого Буковского:

. . . Прокурор считает наше выступление дерзким. Но вот передо мной лежит текст Советской конституции: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируются законом . . . г) свобода уличных шествий и демонстраций». Для чего внесена такая статья? Для первомайских и октябрьских демонстраций? Но для демонстраций, которые организует государство, не нужно было вносить такую статью — ведь и так ясно, что этих демонстраций никто не разгонит. Нам не нужна свобода «за», если нет свободы «против». Мы знаем, что демонстрация протеста — это мощное оружие в руках трудящихся, это неотъемлемое право всех демократических государств. Где отрицается это право? Передо мной лежит «Правда» от 19 августа 1967 г., сообщение из Парижа. В Мадриде происходил суд над участниками первомайской демонстрации. Их судили по новому закону, который недавно принят в Испании и предусматривает тюремное заключение для участников демонстрации от полутора до трех лет. Я констатирую трогательное единство между фашистским испанским и советским законодательством.

. . . Прокурор говорил голословно . . . Никто из выступавших не привел примеров грубого нарушения общественного порядка на площади Пушкина — кроме одного свидетеля, но стоит ли о нем говорить, если его фамилия — Безобразов . . . Органы государственной безопасности выполняют в нашей стране полицейскую роль. О какой демократии можно говорить, когда за нами непрерывно следят? Пусть ловят шпионов. Зачем нас допрашивают о наших знакомых, о том, что мы делали два-три года назад и т. п. ? . . . Следствие по нашему делу начала прокуратура, но постановление о моем аресте было подписано капитаном КГБ Смеловым. На четвертый месяц наше дело было передано из прокуратуры КГБ. Это процессуальное нарушение: ст. 125 УПК РСФСР точно определяет круг дел, входящих в компетенцию КГБ. 190 статьи там нет . . . Все эти незаконные действия КГБ прокурор и пытается прикрыть, голословно поддерживая

обвинение по ст. 190³ УК... Мы выступили в защиту законности. Непонятно, почему прокуратура, в чьи обязанности входит охранять права граждан, санкционирует подобные действия дружинников и КГБ? Теперь я должен объяснить наши лозунги. Демонстрация была проведена с требованием освобождения Галанскова, Добровольского, Лашковой и Радзиевского. Но ведь они еще не осуждены. А что, если окажется, что они невиновны? Вот Радзиевский-то уже освобожден из-под стражи. В чем же тогда преступность нашей демонстрации?

Теперь относительно второго лозунга. Мы выступили не против законов. Мы требовали пересмотра Указа от 16 сентября и ст. 70 УК. Разве это противозаконные действия? Мы протестовали против антиконституционного Указа. Разве это антисоветские требования? Не мы одни находим Указ антиконституционным — группа представителей интеллигенции, в том числе академик Леонтович, писатель Каверин и другие, обратились с подобным же требованием в Президиум Верховного Совета СССР... Вы обвиняете нас в том, что мы своими лозунгами пытались дискредитировать КГБ, но само КГБ уже настолько себя дискредитировало, что нам нечего добавить. Я говорю по существу. Но того, что хочет услышать от меня прокурор, он не услышит. Составы преступления в нашем деле нет. Я абсолютно не раскаиваюсь в том, что организовал эту демонстрацию. Я считаю, что она сделала свое дело, и когда я окажусь на свободе, я опять буду организовывать демонстрации, конечно, опять с полным соблюдением законов. Я сказал все.

Из приговора: ... Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда... — рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению: Буковского Владимира Константиновича, 30 декабря 1942 г. рожд., уроженца г. Белебей, Башкирской АССР, по национальности русского, беспартийного, холостого, со средним образованием, не работающего, инвалида III группы...; Делоне Вадима Николаевича, 22 декабря 1947 г. рожд., уроженца г. Москвы, по национальности русского, беспартийного, с образованием средним, холостого, работающего внештатным корреспондентом «Литературной Газеты»...; Кушева Евгения Игоревича, 3 августа 1947 г. рожд., уроженца г. Одессы, по национальности

русского, беспартийного, с незаконченным средним образованием, к моменту ареста не работавшего... — всех по ст. 190³ УК РСФСР... Судебная коллегия... приговорила: Буковского Владимира Константиновича, Делоне Вадима Николаевича, Кушева Евгения Игоревича — признать виновными по статье 190³ УК РСФСР и подвергнуть наказанию: Буковского — к 3 годам лишения свободы... с содержанием в исправительно-трудовой колонии общего режима; Делоне и Кушева — к 1 году лишения свободы каждого, с содержанием в исправительно-трудовой колонии общего режима. В силу ст. 44 УК РСФСР настоящий приговор в отношении Делоне и Кушева в исполнение не приводить — считать условным в течение 5 лет. Делоне и Кушева из-под стражи освободить в зале суда...

Из письма П. М. Литвинова Главным редакторам газет «Известия», «Литературная Газета», «Комсомольская Правда», «Московский Комсомолец», «Морнинг Стар», «Юманите» и «Унита»:

Считаю своим долгом довести до сведения общественности следующее. 26 сентября 1967 г. я был вызван в Комитет государственной безопасности к работнику Комитета Гостеву (пл. Дзержинского, 2, комн. 537). При нашем разговоре присутствовал еще один работник КГБ, не назвавший себя. Сразу после этого разговора я записал его по памяти, поскольку, как я убежден, он наглядно обнаружил тенденции, которые должны стать предметом гласности и не могут не встревожить нашу и мировую прогрессивную общественность...

Гостев: Павел Михайлович, у нас есть сведения, что вы с группой лиц собираетесь изготовить и распространить запись последнего уголовного процесса Буковского и других. Мы вас предупреждаем, что, если вы это сделаете, вы будете нести уголовную ответственность.

Я: Независимо от того, собираюсь я это сделать или нет, мне непонятно, в чем уголовная наказуемость такого действия.

Гостев: Это будет решать суд над вами, а мы вас только хотим предупредить, что, если такая запись получит распространение в Москве или других городах или попадет за границу, вы будете отвечать за это.

Я: Я хорошо знаю законы и не представляю себе, какой закон может быть нарушен при составлении такого документа.

Гостев: Есть такая статья: 190¹.

... Я: Я отлично знаю эту статью (кстати, расследование по этой статье — не в компетенции КГБ) и могу прочитать ее на память. В ней речь идет о клеветнических измышлениях, порочащих советский общественный и государственный строй. Какая может быть клевета в записи дела, слушавшегося в советском суде?

Гостев: А ваша запись будет тенденциозно искажать факты и клеветать на действия суда. Это докажут те органы, в чьей компетенции такие дела.

Я: Как вы это можете знать заранее? И вообще, чем вести этот бессмысленный разговор и заводить новое дело, вы бы сами издали стенограмму этого судебного процесса и пресекли бы ходящие по Москве слухи.

... Гостев: А зачем нам ее издавать? Это обычное уголовное дело с нарушением общественного порядка... Вся информация об этом деле есть в «Вечерней Москве» от 4 сентября. Там есть все, что нужно знать об этом процессе.

Я: Во-первых, информации там мало... Во-вторых, она лживая и клеветническая. Вот редактора «Вечерней Москвы» или того, кто дал эту информацию, следовало бы привлечь за клевету...

Гостев: ...Эта информация совершенно точная, запомните это.

Я: Там сказано, что Буковский признал себя виновным, а я интересовался этим делом и точно знаю, что он не признал себя виновным.

Гостев: Что значит: признал, не признал? Суд признал его виновным — значит, он виновен.

Я: Я говорю сейчас не о решении суда, да и в заметке имеется в виду не это, а признание своей вины самим обвиняемым — это совершенно самостоятельное юридическое понятие. Затем, в заметке говорится о том, что ранее Буковский совершал «хулиганские антиобщественные поступки». Как ни рассматривай его действия, хулиганскими назвать их нельзя.

Гостев: Хулиганство — это нарушение общественного порядка.

Я: Значит, любое нарушение общественного порядка — хулиганство? Например, улицу не в том месте перешел — уже хулиган? ... А вообще о Буковском надо было бы рассказать побольше: например, как его задержали дружинники во время чтения стихов на площади Маяковского, отвели его в отделение и избили.

Гостев: Это неправда, этого не может быть!

Я: Это рассказала его мать.

Гостев: Мало ли чего она вам расскажет ...

Я: Она это рассказала не мне (я с ней не знаком), а суду, и никто ее не перебил и не обвинил в клевете.

Гостев: Лучше бы она вам рассказала, как ее вызывали и предупреждали о поведении сына. Мы и ваших родителей можем вызвать. И вообще, Павел Михайлович, имейте в виду: в «Вечерней Москве» напечатано все, что полагается знать советским людям об этом деле, и она совершенно правдива, а вас мы предупреждаем, что если даже не вы, а ваши друзья или кто бы то ни было сделаете эту запись, нести за это ответственность будете именно вы.

Я: Это интересно. Вы говорите об ответственности по закону, а закон предусматривает, что отвечает за действия человек, их совершивший.

Гостев: Вы можете это предотвратить.

Я: Но вы мне так и не объяснили, в чем опасность и наказуемость этих действий?

Гостев: Вы отлично понимаете, что такая запись может быть использована нашими идейными врагами, особенно накануне 50-летия Советской власти.

Я: Но я не знаю закона, предусматривающего ответственность за распространение несекретного документа, — только потому, что он может быть кем-то с какой-то целью использован. Многие критические материалы из советских газет тоже могут быть кем-то использованы.

Гостев: Вам должно быть ясно, о чем идет речь. Мы вас только предупреждаем, а вину докажет суд.

Я: Докажет, я не сомневаюсь, это ясно хотя бы из суда над Буковским. И мой друг Александр Гинзбург сидит в тюрьме за такие же действия, о каких вы говорите, предупреждая меня.

Гостев: Вот когда будут судить Гинзбурга, вы и узнаете, что он сделал. Если он невиновен, то его оправдают. Неужели вы думаете, что сейчас, на 50-м году Советской власти, советский суд может принять неправильное решение?

Я: Тогда зачем процесс Буковского сделали закрытым?

Гостев: Процесс был открытым.

Я: Но на него нельзя было попасть.

Гостев: Кому надо, те попали. Там были представители общественности, а больше в зале не было мест. Мы из-за этого дела клуб снимать не собирались.

Я: Значит, фактически нарушена гласность судопроизводства.

Гостев: Павел Михайлович, мы не собираемся с вами дискутировать, мы вас просто предупреждаем. Представляете себе, весь мир узнает, что внук великого дипломата Литвинова занимается такими делами, — это будет пятном на его памяти.

Я: Ну, я думаю, что он не был бы на меня в претензии. Я могу идти?

Гостев: Пожалуйста. Самое лучшее для вас сейчас: пойти домой и уничтожить все, что у вас есть.

Я знаю, что подобного рода беседа была проведена с Александром Гинзбургом за два месяца до его ареста...

Эта беседа не помешала П. М. Литвинову опубликовать в «Самиздате» сборник документов, посвященных делу о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 г. Сборник этот попал и за границу и опубликован по-русски в Лондоне в 1968 г.

В знаменитой «самиздатовской» брошюре академика А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе» (июнь 1968) автор «вынужден коснуться позорных тенденций, которые проявились в последние годы»:

... Вновь усилились цензурные рогатки, калечащие советскую художественную и политическую литературу. Десятки глубоких, блестящих произведений не могут увидеть света, в том числе лучшие произведения А. Солженицына... Разве это не позор? Большое возмущение вызывает принятый Верховным Советом РСФСР закон с дополнениями к Уголовному кодексу, которые прямо

противоречат провозглашенным в нашей Конституции гражданским свободам. Осужденный прогрессивной общественностью у нас и за рубежом (от Луи Арагона до Г. Грина), компрометирующий коммунистическую систему процесс Даниэля и Синявского до сих пор не пересмотрен, сами они томятся в лагере строгого режима и подвергаются (особенно Даниэль) тяжелым издевательствам и испытаниям. Разве не позор арест, 12-месячное заключение без суда и осуждение на 5—7 лет Гинзбурга, Галанскова и других за деятельность, реальное содержание которой была защита гражданских свобод и персонально... Даниэля и Синявского? Автор этих строк 11 февраля 1967 г. обратился в ЦК КПСС с просьбой о прекращении дела Гинзбурга и Галанскова. Однако он не получил никакого ответа на свое обращение, никаких разъяснений по существу дела. Лишь много позднее ему стало известно, что была предпринята (по-видимому, по инициативе бывшего председателя КГБ Семичастного) попытка оклеветать его и ряд других лиц при помощи инспирированных ложных показаний одного из обвиняемых по делу Галанскова-Гинзбурга (впоследствии показания именно этого обвиняемого — Добровольского — были использованы обвинением на процессе Гинзбурга-Галанскова для доказательства связи этих обвиняемых с зарубежной антисоветской организацией, что вызывает невольные сомнения). Разве не позор осуждение (на 3 года лагерей) Хаустова и Буковского за участие в митинге в защиту своих товарищей? Разве не позор преследование в лучшем стиле охотников за ведьмами десятков представителей русской интеллигенции, выступивших против произвола судебных и психиатрических органов, попытка заставить честных людей подписать лживые, лицемерные «опровержения», увольнения с работы с занесением в черные списки, лишение молодых писателей, редакторов и других интеллигентов всех средств к жизни? Вот типичный пример этой деятельности. Женщина, редактор литературы по кинематографии т. В., вызывается в райком. Первый вопрос: Кто дал вам подписать письмо в защиту Гинзбурга? — Разрешите мне на этот вопрос не отвечать. — Хорошо, выйдите, мы посоветуемся. — Решение: исключить из партии, рекомендовать снять с работы с запрещением

работать в области культуры. Партия с такими методами убеждения и воспитания вряд ли может претендовать на роль духовного вождя человечества... Разве не величайший позор и опасность участвовавшие попытки публичной прямой или косвенной (с помощью умолчания) реабилитации Сталина, его соратников и его политики, его лжесоциализма, террористической бюрократии, социализма лицемерия и показного роста — в лучшем случае, количественного и одностороннего роста с потерей многих качественных характеристик?

... На сегодня ключ к прогрессивной перестройке государственной системы в интересах человечества лежит в индивидуальной свободе. Это поняли, в частности, в Чехословакии, и мы, без сомнения, должны поддержать их смелую и очень ценную для судеб социализма и всего человечества инициативу... Положение с цензурой... в нашей стране таково, что вряд ли можно устойчиво, надолго исправить при помощи тех или иных «либеральных» инструкций... Очень важно всемерно усиливать обмен информацией в международном масштабе (печать, туризм и т. д.), очень важно знать самих себя, не жалеть денег на социологические, общеполитические, экономические исследования и обследования, в том числе не только по государственно контролируемым программам...

ДЕЛО ЮРИЯ ГАЛАНСКОВА,
АЛЕКСАНДРА ГИНЗБУРГА,
АЛЕКСЕЯ ДОБРОВОЛЬСКОГО И ВЕРЫ ЛАШКОВОЙ

11 декабря 1967 года в Москве должен был начаться судебный процесс по делу Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга, Алексея Добровольского и Веры Лашковой. Но процесс был отложен и начался только 8 января 1968 г. Всем четверым предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация), а Галанскову дополнительно по ст. 88 ч. 1 УК РСФСР (незаконные валютные операции). Все четверо арестованы в январе 1967 г. и провели в Лефортовской тюрьме почти год — в нарушение ст. 97 УК РСФСР, по которой максимальный срок содержания под стражей не может превышать 9 месяцев.

Юрий Галансков, 1939 г. рожд., перед арестом работал рабочим в Государственном литературном музее и учился на втором курсе вечернего отделения Историко-архивного института. Составил и выпустил машинописный литературный сборник «Феникс-66». Стихи Галанскова печатались в первом «Фениксе» (1961) и ходили отдельно в списках.

Александр Гинзбург, 1936 г. рожд., также работал рабочим в Гослитмузее и учился на первом курсе вечернего отделения Историко-архивного института. Составил сборник по делу Синявского и Даниэля (так называемую «Белую книгу»), отправленный им в ноябре 1966 г. депутатам Верховного Совета СССР и в Комитет государственной безопасности при СМ СССР. В 1960 г. привлекался органами КГБ в связи с выпуском поэтических сборников «Синтаксис» (три номера), а осужден был по ст. 196 ч. 1 УК РСФСР (подделка документов), получил по этой статье 2 года исправительно-трудовых лагерей — максимальный срок, несмотря на незначительность преступления (поддел-

ка справки для сдачи экзамена за товарища) и полное отсутствие корыстных мотивов в его действиях. Отбывал наказание в лагерях Коми АССР. В 1964 г. КГБ снова предпринял попытку возбудить против Гинзбурга дело по ст. 70, инкриминируя ему хранение «антисоветской» литературы, но дело было прекращено за отсутствием состава преступления.

Алексей Добровольский, 1938 г. рожд., работал переплетчиком в Государственном литературном музее, учился на первом курсе Московского института культуры. В 1957 г. был осужден по ст. 58/10 УК РСФСР (нынешняя 70) на 6 лет исправительно-трудовых работ. Отбывал наказание в Потье, Мордовской АССР. Освобожден из лагеря в 1961 г. В 1964 г. снова был привлечен к уголовной ответственности, судебно-психиатрической экспертизой был признан невменяемым (с диагнозом — шизофрения) и отправлен в специальную тюремную психиатрическую больницу в Ленинграде. В сборнике «Феникс-66» опубликована статья Добровольского «Взаимоотношения знания и веры».

Вера Лашкова, 1945 г. рожд., перед арестом работала машинисткой в МГУ и училась на первом курсе института культуры.

Судебный процесс продолжался пять дней (8—12 января), было допрошено 25 свидетелей, суду были предъявлены вещественные доказательства (книги и брошюры НТС, деньги и шапирограф, найденные у Добровольского, два экземпляра сборника «Феникс» — у Галанскова и Гинзбурга). «Белая книга», выпущенная за границей в 1967 г. в марте, несколько машинок, на которых печатались материалы «Белой книги» и «Феникса». Процесс формально был открытым, но вход на него был по пропускам. В ноябре 1967 г. в Мосгорсуд было отправлено письмо со 116 подписями, авторы которого, ссылаясь на существующую практику закрытого доступа на открытые процессы, заранее просили обеспечить им возможность присутствовать на этом процессе. Ни одному из подписавших письмо такой возможности не было предоставлено... Кроме большого числа работников КГБ и членов комсомольских оперотрядов, немногих представителей юридической общественности (так, на Московскую коллегия адвокатов было

выдано всего 2 пропуска), — остальная часть публики в основном получила пропуска в райкомах КПСС. Ближайшие родственники (родители, сестра и жена Галанскова, невеста Гинзбурга, мать Добровольского, мать Лашковой . . .) присутствовали в зале суда. Сестра Галанскова на 2-й день суда была не допущена в зал, после того, как вышла на несколько минут подышать свежим воздухом . . . — якобы за общение с недопрошенными свидетелями. Большое число людей, несмотря на мороз, собиралось около здания суда . . . Наибольшее количество — человек 100 (не считая иностранных корреспондентов и огромного количества «стукачей») собралось в последний день, к объявлению приговора.

Суд (прокурор Терехов, судья Миронов) приговорил Юрия Галанскова к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в лагерях строгого режима, Александра Гинзбурга — к 5 годам, Алексея Добровольского — к 2 годам, Веру Лашкову — к 1 году . . . Кассационное разбирательство в Верховном суде РСФСР (прокурор Терехов, судья Остроухов) состоялось 16 апреля 1968 г. Приговор Мосгорсуда оставлен в силе. Лашкова освобождена 17 января 1968 г., отбыв полный срок наказания. Остальные подсудимые до самого кассационного суда содержались под стражей в Лефортовской тюрьме (таким образом ст. 97 УК РСФСР продолжала нарушаться).

Московский процесс вызвал широкие отклики в кругах советской общественности. Первым из них было написанное еще во время процесса обращение Ларисы Богораз и Павла Литвинова «К мировой общественности», рисующее атмосферу беззакония на процессе и вокруг него и требующее публичного осуждения этого позорного процесса, наказания виновных, освобождения подсудимых из-под стражи и повторного разбирательства с соблюдением всех правовых норм и в присутствии международных наблюдателей. После вынесения приговора и окончания процесса в советские судебные, государственные и партийные инстанции а также в органы печати . . . был направлен ряд коллективных и индивидуальных писем. Общее число людей, подписавших эти письма . . . составляет около 700 человек . . . Описание важнейших писем:

1. Письмо генеральному прокурору СССР и в Верховный суд РСФСР об отсутствии гласности на процессе, о вмешательстве органов ГБ в обстановку суда и о том, не явилось ли обвинение в связи с НТС прикрытием расправы за легальные, но неугодные КГБ действия подсудимых [далее — аналогично письму Л. Богораз и П. Литвинова] ... 80 подписей. 2. Письмо генеральному прокурору СССР и в Верховный суд РСФСР, с приложением обращения Богораз и Литвинова, к которому подписавшиеся полностью присоединяются... 224 подписи... 3. Письмо Л. И. Брежневу, Н. В. Подгорному, А. Н. Косыгину, Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко об отсутствии гласности во время процесса и о туманных, противоречивых газетных статьях в «Известиях» и «Комсомольской Правде», о том, что «открытые» процессы последних лет напоминают «открытые» процессы тридцатых годов. Письмо требует нового, гласного и объективного рассмотрения дела... 24 подписи, в основном, членов Союза писателей. 4. Письмо 10 ленинградцев в редакции газет «Правда», «Известия», «Морнинг Стар», «Юманите» и «Унига», содержащее поддержку обращения Богораз и Литвинова... 5. Письмо Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину, Н. В. Подгорному, Председателю Верховного суда СССР А. Ф. Горкину и Генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко о несправедливости суда над Гинзбургом, дело которого воспринимается, как прямое продолжение суда над Синявским и Даниэлем, а приговор и обвинение в связи с НТС — как попытка расправиться с составителем сборника материалов по их делу. Письмо требует немедленного пересмотра дела. 120 подписей. 6. Письмо Генеральному прокурору СССР и в Верховный суд РСФСР от группы научных работников, инженеров, аспирантов из Новосибирска. [Аналогичного содержания — см. письмо 3-е]... 46 подписей. 7. Письмо Л. И. Брежневу, А. Н. Косыгину, Н. В. Подгорному от группы украинских интеллигентов и рабочих. В письме осуждается практика нарушений законности и гласности. 139 подписей. 8. Письмо родственников и друзей подсудимых главному редактору и в партком газеты «Комсомольская Правда» о лживости статьи Ф. Овчаренко «В лакеях» (18 января 1968), с требованием открытого обсуждения статьи в редакции или в Союзе

журналистов. 29 подписей. 9—10. Письма в редакцию газеты «Комсомольская Правда» О. Тимофеевой (жены Галанскова) и Л. И. Гинзбург (матери Гинзбурга) [о клевете на Галанскова и Гинзбурга в статье Овчаренко]. 11. Письмо 10 друзей и знакомых Гинзбурга главным редакторам газет «Правда», «Известия» и «Комсомольская Правда» с опровержением статей в «Известиях» [16 января 1968: Т. Александров и В. Константинов, «Затянутые одним поясом»] и «Комсомольской Правде» [18 янв. 1968: Ф. Овчаренко, «В лакеях»; 28 февраля 1968: «Без снисхождения!» (Обзор писем читателей)]. 12. Письмо 18 свидетелей, выступавших на процессе, о нарушении ст. 283 УПК РСФСР, которая требует присутствия свидетелей в зале заседания до конца судебного следствия, в то время, как судья и «комендант суда» грубо удаляли свидетелей сразу после дачи показаний. Письмо адресовано председателю Мосгорсуда, председателю Верховного суда РСФСР, председателю Верховного суда СССР, прокурору РСФСР и Генеральному прокурору СССР. 13—14. Письмо Л. И. Брежневу, А. Ф. Горкину, Р. А. Руденко и президенту АМН СССР Блохину, написанное З. М. Григоренко [женой генерала], в котором она протестует против отклонения вызова на суд свидетелем ее мужа П. Г. Григоренко, которое мотивировалось фальшивой справкой о его психической невменяемости. Письмо самого П. Г. Григоренко в Верховный суд РСФСР с изложением показаний, которые он не мог дать на суде, и содержанием которых было происхождение денег, найденных у Добровольского . . .

Кроме этих писем существует большое количество индивидуальных и коллективных писем (до 8 подписей)-протестов. В качестве особенно содержательных можно назвать обращение И. Габая, Ю. Кима, П. Якира «К деятелям науки, культуры и искусства», в котором политические процессы последних лет ставятся в прямую связь с другими явлениями ресталинизации «в нашей стране»; заявление председателю Верховного суда РСФСР А. Э. Левитина (Краснова), выступавшего свидетелем на этом процессе и на процессе Буковского, — он указывает на ограничение свободы слова и совести, как на причину действий Галанскова и Гинзбурга и требует освободить обоих молодых людей; письмо в ЦК КПСС

председателя колхоза «Яуна гварде» Латвийской ССР, члена КПСС И. А. Яхимовича об огромном вреде подобных судебных процессов и преследования инакомыслящих для нашей страны; письмо члена КПСС, члена Союза писателей Л. В. Копелева в Секретариат ЦК КПСС о том, что прошедший процесс — новая попытка «подкрепить» идеологическую борьбу и политико-воспитательную работу репрессиями, что наносит вред нашей культуре, престижу и, в конце концов, самой государственной безопасности. Копелев требует пересмотреть вредные судебные решения, отстранить от работы лиц, ответственных за эти процессы, предать гласности материалы процессов, отстранить ведомства охраны общественного порядка, госбезопасности, прокуратуру и суд от вмешательства в культурную жизнь; письмо В. М. Воронина из Арзамаса главному редактору газеты «Известия» о безнравственности и бездоказательности статьи Т. Александрова и В. Константинова, об искажении в ней одних фактов и замалчивании других; письмо переводчика А. Якобсона, который доказывает лживость [газетных] статей . . . ; письмо инженера-математика Л. Плюща из Киева в редакцию газеты «Комсомольская Правда», в котором он объясняет, почему он верит «самиздатовским» документам, а не официозным статьям о процессе. Ни на одно из писем не последовало ответа.

Движение протеста вызвало ряд мер репрессивного характера. 1. В начале февраля 1968 г. Л. И. Гинзбург, Ирина Жолковская (невеста А. Гинзбурга) и Ольга Тимофеева (жена Ю. Галанскова) были вызваны в прокуратуру г. Москвы (. . . О. Тимофеева на вызов не явилась). С Л. И. Гинзбург и И. Жолковской была проведена «профилактическая» беседа о том, что они, якобы, распространяют ложные сведения о процессе. В конце беседы была высказана угроза применения ст. 190¹ УК РСФСР. Вслед за этим, для таких же «профилактических» бесед, но уже в КГБ, были вызваны Л. Богораз, П. Г. Григоренко, П. Литвинов, П. Якир (Литвинов не явился ни по первому, ни по повторному вызову, после чего, уже в марте, был вызван в прокуратуру г. Москвы) . . . Всех вызванных предупреждали о том, чтобы они прекратили «свою общественную деятельность». Петру Якиру, сыну расстрелянного в 1937 г. командарма

Ионы Якира, заявили: «Не вы духовный наследник вашего отца! Мы — его духовные наследники». Ларисе Богораз, сказавшей, что она не будет разговаривать, пока ей не дадут сделать заявления о грубых и незаконных преследованиях по отношению к бывшему политзаключенному Анатолию Марченко, сказали, что это заявление — еще одно проявление ее «антиобщественной деятельности». П. Г. Григоренко изложил проведенную с ним длинную, полную угроз беседу в письме на имя председателя КГБ Ю. В. Андропова: на это письмо он тоже не получил ответа. 2. 14—15 февраля двое из активных участников протестов, кандидат физико-математических наук Александр Вольпин и переводчица Наталья Горбаневская, были подвергнуты принудительной госпитализации в психиатрической больнице... 3. Следующая... волна репрессий коснулась членов партии, подписавших те или иные письма... Мера почти ко всем применялась одна и та же — исключение из партии, вне зависимости от решения первичной организации и от того, рассматривалось ли вообще данное дело на собрании парторганизации.

Исключены из партии... : 1. Людмила Алексеева, редактор издательства «Наука»... По рекомендации райкома уволена с работы. 2. Людмила Белова, кандидат философских наук, участница... войны, орденосец, научный сотрудник Института истории искусств... 3. Борис Биргер, художник, член МОСХ... 4. Пиам Гайденко, кандидат философских наук, научный сотрудник Института международного рабочего движения... 5. Александр Огурцов, кандидат философских наук, научный сотрудник того же института... 6. Леонид Пажитнов, кандидат философских наук, научный сотрудник Института истории искусств... По рекомендации райкома уволен с работы. 7. Валентин Непомнящий, критик, член Союза журналистов, зав. отделом советской литературы в журнале «Вопросы Литературы»... Снят с должности зав. отделом. 8. В. М. Родионов, доктор биологических наук (Институт биомедхимии)... 9. Федот Сучков, критик, член Союза писателей, был репрессирован в сталинские времена... 10. Моисей Тульчинский, кандидат исторических наук, участник... войны, орденосец

носец, сотрудник издательства «Наука»... 11. Исаак Фильштинский, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института народов Азии, был репрессирован в сталинские времена... 12. Сергей Фомин, доктор физико-математических наук, профессор МГУ... 13. Арон Хануков, главный инженер домостроительного завода... Снят с должности главного инженера. 14. Борис Шрагин, кандидат философских наук, научный сотрудник Института истории искусств... По рекомендации райкома уволен с работы. 15. Григорий Яблонский, физик (Новосибирск). 16. Иван Яхимович, председатель колхоза «Яуна гварде» Краславского района Латвийской ССР... Снят с должности председателя колхоза. 17. Валерий Павленчук, физик (Обнинск)... уволен «по сокращению штатов»... Исключен из партии и адвокат Б. А. Золотухин, защитник Гинзбурга, — «за непартийную, несоветскую линию защиты»... После исключения из партии Б. А. Золотухин снят с должности зав. юридической консультации... Все исключения сопровождались нарушениями Устава партии (вплоть до того, что некоторых исключили заочно).

Со многими людьми (не членами партии), подписавшими различные письма, проведены «беседы» по месту работы, нередко с предложением уволиться «по собственному желанию». Некоторые лишены уже намеченных зарубежных командировок. В редакциях и издательствах появились новые списки «нежелательных авторов». Отклонены некоторые рукописи, уже намеченные к публикации. Уволены с работы учителя Юрий Айхенвальд и его жена Валентина Герлин... оба в сталинские времена были репрессированы. Уволен из Института народов Азии кандидат исторических наук Юрий Глазов... Уволены «по сокращению штатов» младший научный сотрудник Института теоретической и экспериментальной физики Ирина Кристи... и Александр Кронрод, зав. лабораторией того же института, доктор физико-математических наук... Исключен из комсомола редактор издательства «Советская Энциклопедия» Сергей Воробьев, выразивший на собрании свое недовольство методами обсуждения: осуждают людей, подписавших письма, а писем этих из присутствующих никто не читал.

Из письма политзаключенного из колонии особого режима. «История одной голодовки (май-июнь 1969)»:

... В читанных мною книгах, статьях, кодексах, в слышанных мною лекциях, беседах, посвященных проблемам «преступления и наказания», чуть ли не в каждой фразе я встречал такие слова, как «исправление», «воспитание», «перевоспитание» и т. п. Я даю Вам честное слово, что за то время, что я провел за проволокой, я ни разу не видел ничего, что хотя бы отдаленно напоминало мне «исправление» или «воспитание». То есть, слова эти употреблялись ежечасно, это самые ходовые термины в не слишком обширном лексиконе нашего начальства, но содержание их... Здесь кажется, что те слова и термины, которые мы привыкли употреблять раз и навсегда согласившись об их значении, — эти слова переведены на какой-то особый лагерный, нерусский язык. При таком... переводе голодный паек может, разумеется, звучать как «воспитание», а наручники как «перевоспитание»... Вот, например, ошибаетесь, если думаете, что я сидел в тюрьме — я «содержался в следственном изоляторе», и меня не бросали в карцер, а «водворяли в штрафной изолятор», а занимались этим не надзиратели, а «контролеры», и это письмо я пишу Вам отнюдь не из концлагеря, а из «учреждения» (таков наш почтовый адрес...) Сами понимаете, что пробыть 5 лет (или 15, или 25) в «учреждении» — совсем не то, что «просидеть 5 лет в лагере». Равно как и «отказ от приема пищи» переносится значительно легче, чем «голодовка».

Да, вот голодовка. Не знаю, слышали ли Вы, что было у меня и у моих товарищей такое развлечение? Было год с лишним назад, и это, мягко выражаясь, не лучший эпизод в моей жизни. Вот сейчас снова приходится сталкиваться с этим... Что же еще остается делать, когда использованы все мыслимые и немыслимые способы добиться справедливости — и все безрезультатно? Причем, не думайте, что я говорю о некоей «справедливости» лишь в нашем «арестантском» понимании. Речь идет о том, запрещение чего законом и не предусмотрено и, стало быть, не является нарушением каких-то норм и правил... Вот в двух словах ситуация. У меня здесь есть товарищ... — это Александр Гинзбург. Алик, как зовут его все знакомые... У меня к

нему особое отношение, вполне объяснимое, если знать, что единственной причиной его ареста была книга «Процесс Синявского и Даниэля», составленная им... И вот что происходит с ним и еще с одним человеком, которого я знаю лишь по письмам, фотографиям и рассказам, — с Ириной Жолковской. Алик Гинзбург и Ирина — муж и жена; они были, выражаясь казенным языком, в «фактическом» браке... Оказывается, кроме любви и близости... еще нужно «совместно проживать» и «вести общее хозяйство». И проживали они совместно, и общее хозяйство вели (и это подтверждено документами), и любили и любят друг друга, и были близки... Не было лишь штампа на паспорте, не было регистрации брака. И вот им сейчас отказывают в праве быть мужем и женой... А они, к несчастью, немного опоздали, или КГБ несколько поторопился: Алика арестовали за шесть дней до ЗАГС'а, до регистрации, до свадьбы... Они, как полагается, подали заявление в ЗАГС, чтобы стать мужем и женой не только по существу, но в глазах домоуправления.

И вот — арест. Ладно, арестовали, судили, осудили. Не будем говорить о соответствии всего этого закону и правосудности... Но вот вопрос: что же им мешает завершить юридические процедуры по оформлению брака? Закон? Нет, закон не предусматривает запрещения оформления брака между тем, кто в заключении, и тем, кто на воле... Ведь даже дореволюционные, царские власти дали возможность обвенчаться В. И. Ленину и Н. К. Крупской, чтобы они могли быть вместе в ссылке. А вряд ли у царских властей было меньше претензий к Ленину, чем у советской власти к Гинзбургу!... Может быть... «фактический брак» [Гинзбурга и Жолковской] подвергается сомнению в «соответствующих инстанциях»? Нет, не подвергается. Более того, он признан официально: осенью 1968 г. у Ирины и Алика было так называемое «личное свидание» — в отдельной комнате и без посторонних глаз, в отличие от «общего свидания», где в присутствии надзирателя вы можете провести от часу до четырех... но недавно вышла инструкция, рожденная в верхах МООП: свидания «личное» и «общее» разрешаются лишь по предъявлении свидетельства о браке.

Значит, конец. Значит, они не увидят друг друга до конца заключения Алика... Ирина Жолковская бежит из ведомства в ведомство... Ее сочувственно выслушивают — может быть, такая регистрация будет в принципе разрешена, но критерием для разрешения и отказа в каждом случае будет... наличие или отсутствие детей... А у вас деток нет? Ах, не успели... Очень, очень жаль... [Гинзбург в лагере] любую работу делает ловко и умело, ниже 100-процентной выработки у него еще ни разу не было; сдержан, безупречно вежлив... ни одного взыскания у него нет. И все начальство в один голос: «Поведение безукоризненное!» [Но] ничего не помогает... Он-то ведь не может бегать по заветным кабинетам и объяснять, как он любит Ирину. А он говорит просто: «Если они не дадут мне возможности увидеться с Ириной, я объявлю голодовку и не буду есть до тех пор, пока не получу свидания или не сдохну»... А Ирина пишет: «Пусть меня тогда тоже сажают, раз не дают встречаться» (а тем временем ее выгоняют с работы. И выгоняют, как жену Гинзбурга, не пожелавшую почему-то одобрить приговор своему мужу!)...

Ваш Юлий Даниэль

1969 г., март.

Начальнику Участка 17-а
майору Анненкову
от Гинзбурга Александра Ильича

З а я в л е н и е

Настоящим уведомляю, что с сегодняшнего дня я держу голодовку. Причина голодовки — фактическое лишение возможности видеть близких. Все подробности и требования я изложил в письме в президиум Верховного Совета СССР, отправленном 12 мая. К местной администрации претензий по этому поводу не имею. Беседовать на эту тему с теми, кто не вправе положительно решить вопрос, считаю бессмысленным.

16 мая 1969 г.

Александр Гинзбург

Из письма А. Гинзбурга члену Президиума Верховного Совета СССР

Академику Петровскому И. Г.

... Насколько мне известно, на днях под Вашим председательством состоится заседание Ученого Совета уни-

верситета, на котором утверждают увольнение моей жены — преподавателя подготовительного факультета И. С. Жолковской. Пока мое письмо до Вас дойдет (если дойдет вообще), обо всем этом можно будет говорить в прошедшем времени — заседали, утвердили, уволили... Пишу же я вот почему. Хоть и выгоняют с работы мою жену, как жену Гинзбурга, а увидеть меня ей не дают, поскольку, говорят, фактическая жена — это еще не совсем жена, то есть жена, конечно, но свидания со мною ей «не положено». Под лагерным забором ходить, письма писать, книжки посылать — это пожалуйста. А вот, скажем, деньги от меня получать, здесь заработанные, — это только «ближайшим родственникам», а никак не ей. Ну, с деньгами мы уж как-нибудь поладим, вот со свиданиями...

Прожили мы с женой, не регистрируя брак, полтора года... А в декабре 1966 г. мы подали заявление в ЗАГС... В январе нас должны были зарегистрировать. Один раз пришлось регистрацию отложить, мать у меня в это время болела. А за неделю до второго назначенного дня меня арестовали... Знай я, что меня арестуют, так или поторопился бы с регистрацией, или еще что-нибудь сделал. Но ощущение возможности ареста было у меня только в октябре-ноябре 66 года. Отнес я тогда свой сборник в КГБ и вовсе не был уверен, что меня не заберут — организация такая, что никогда не знаешь, что ей в голову взбредет. Но прошел месяц, другой, я успокоился, стал устраивать свое будущее. Мне бы, дураку, подумать тогда, что обязательно постараются посадить. За это нельзя, так что-нибудь еще подберут, опыт у них есть. Мне вот подобрали НТС, другому — «нарушение паспортного режима». Кому-то там, говорят, даже самоповарение... Пока мне подбирали обвинение и судить меня готовились, моя жена обивала пороги самых разных инстанций, чтобы нам разрешили зарегистрировать брак. По ее словам, написала она больше 15 заявлений с просьбой о регистрации... и даже на некоторые из них получила ответы. [Постоянные отказы в регистрации брака, в свиданиях с женой и близкими, несмотря на хорошую работу и безукоризненное поведение в лагере, заставляют объявить голодовку]...

Я понимаю, что длительная голодовка — это уже предпоследний способ протеста, но бесполезность в данном случае всех предшествующих ему для меня очевидна. На что я рассчитываю? На то, что у кого-нибудь, кому это станет известно, проснется совесть и захочется ему вспомнить некоторые заложенные в основе нашего государства принципы. Человечность — не последний из них . . .

1—11 мая 1969 г.

А. Гинзбург

А. И. Гинзбург голодал 21 день, при этом выходил на работу. Искусственное питание ему прекратили давать в первые же дни голодовки. В знак солидарности с А. Гинзбургом ряд заключенных направил письма-протесты в отдел надзора над местами заключения Прокуратуры СССР, Генеральному прокурору СССР, в Президиум Верховного Совета СССР, в Министерство здравоохранения. Ю. Даниэль написал 4 заявления, Ю. Галансков — 5, В. Ронкин — 4, Л. Бородин — 4, С. Сорока — 3, С. Мошков — 3, В. Платонов — 4, Д. Верхоляк — 2, Б. Гаяускас — 2, В. Калниньш — 2. Кроме того, в разные дни голодовки А. Гинзбурга, в знак солидарности с ним, объявили голодовку Ю. Галансков, В. Ронкин, Л. Бородин, В. Платонов. Видя, как голодовка подрывает и без того слабое здоровье его товарищей, Гинзбург прекратил голодовку.

21 августа 1969 г. в зоне лагеря состоялась регистрация брака Ирины Жолковской и Александра Гинзбурга.

ДЕЛО ВСЕРОССИЙСКОГО СОЦИАЛ-ХРИСТИАНСКОГО СОЮЗА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДА

С 14 марта по 5 апреля 1968 г. в Ленинградском городском суде слушалось дело 17 ленинградских интеллигентов. В процессе участвовали: судья Исакова (зам. председателя Ленгорсуда), прокурор Гусева. Всем обвиняемым были предъявлены статьи 70 и 72 УК РСФСР. Суть обвинения — участие во Всероссийском социал-христианском союзе освобождения народа. Краткое изложение программы союза: Установление демократического строя. Глава государства избирается всенародно, подотчетен парламенту. Контрольный орган — Собор (представители духовенства) обладает правом «вето» по отношению к главе государства и парламенту. Земля — собственность государства, сдается в надел частным лицам или коллективам (эксплуатация запрещена), наемный труд только на паритетных началах. Предприятия — большинство в собственности рабочих коллективов, главные отрасли — транспорт, электроника и т. п. — государственные. Основной принцип экономики — персонализм. Устав союза: Строгая конспирация с делением на «тройки», каждый знает своего старшего по тройке и второго ее члена. Кроме того, каждый вербует новых членов, создает новую тройку, где становится старшим. Главу организации члены ее не знают — если нужно, обращаются к нему письменно через старшего по тройке. Организация практически занималась только: 1) вербовкой новых членов и 2) распространением литературы (при обысках изымались книги и копии книг Джиласа, Бердяева, Вл. Соловьева, Рауха «История Советской России», Тибор Мераи «13 дней, которые потрясли Кремль» — о Венгрии в 1956 г., Горького «Несвоевременные мысли» и т. д., в том числе даже «Крутой

маршрут» Гинзбург). Организация сформировалась примерно в 1964 г. К середине 1965 г. в ней было около 10 членов. В то время ленинградское УКГБ уже знало о ее существовании, но не пресекло ее деятельности, а дало ей развиваться и расширяться (на суде выступал свидетель Александр Гидони, который в 1965 г. донес об организации в КГБ и ему там посоветовали продолжать контакт с ее членами). В феврале-марте 1967 г. было арестовано или задержано около 60 человек (не только в Ленинграде, но и в Томске, Иркутске, Петрозаводске и др.). В ноябре 1967 г. Ленгорсуд судил 4 руководителей организации (статьи 64, 70 и 72) и приговорил: Игоря Огурцова (переводчик с японского языка, 30 лет) — к 15 годам; Михаила Садо (востоковед, 30 лет) — к 13 годам; Евгения Вагина (литературовед из Пушкинского дома, 30 лет) — к 10 годам; Аверочкина (юрист, 28 лет) — к 8 годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии строгого режима.

С 14 марта по 5 апреля 1968 г. происходил данный процесс. Разница между людьми, привлеченными в качестве обвиняемых и в качестве свидетелей, в основном, состояла в том, что судили тех, кто завербовал в организацию хоть одного человека. Все обвиняемые признали себя виновными (очевидно, в смысле признания фактов обвинения), но не все раскаялись (в частности, Ивойлов, Иванов, Платонов, Бородин). Список осужденных (в конце указан срок лишения свободы; в скобках — срок, которого требовал прокурор): 1. Вячеслав Платонов, 1941 г. рожд., востоковед — 7 (7); 2. Николай Иванов, 1937 г. р., искусствовед, преподаватель ЛГУ — 6 (7); 3. Леонид Бородин, 1938 г. р., директор школы в Лужском районе Ленинградской области — 6 (6); 4. Владимир Ивойлов, экономист (Томск), окончил ЛГУ — 2 (2); 5. Михаил Коносов, 1937 г. р., слесарь Ленгаза, заочник Литературного института им. Горького — 4 (5); 6. Сергей Устинович, 1938 г. р., окончивший ЛГУ — 3 года 6 мес. (4); 7. Юрий Бузин, 1936 г. р., инженер, окончил сельхозинститут — 3 (4); 8. Валерий Нагорный, 1948 г. р., инженер в ЛИТМО (Ленинградском институте точной механики и оптики) — 3 (4); 9. Александр Миклашевич, 1935 г. р., инженер, окончил сельхозинститут — 3 (8); 10. Юрий Баранов, 1938 г. р., инженер, окончил институт кинорежиссеров

— 3 (4); 11. Георгий Бочеваров, 1935 г. р., окончил ЛГУ — 2 года 6 месяцев (3); 12. Анатолий Сударев, 1939 г. р., переводчик, окончил ЛГУ — 2 (2); 13. Анатолий Иевлев, 1937 г. р., химик, окончил ЛГУ — 2 (3); 14. Владимир Веретенков, 1936 г. р., химик, окончил ЛГУ — 2 (3); 15. Ольгерд Зобак, 1941 г. р., механик ЛИТМО — 1 год 2 месяца (по фактически отбытому сроку на предварительном следствии — 1 год); 16. Олег Шувалов, 1933 г. р., ЛИТМО — 1 год 2 месяца (по фактически отбытому сроку — 1 год); 17. Станислав Константинов, работник библиотеки — 1 год 2 месяца (по фактически отбытому сроку — 1 год).

Процесс проходил с нарушениями законности, подобными московскому процессу: 1. Превышение сроков содержания под стражей для части обвиняемых. 2. Вход по пропускам на «открытый» процесс (при полупустом зале). 3. Удаление большинства свидетелей из зала сразу после дачи ими показаний. Непонятно также, почему руководителей организации судили отдельно и почему их судили, кроме статей 70 и 72, еще и по ст. 64 (измена родине). Была ли квалифицирована составленная ими программа, как «заговор с целью захвата власти»? Если это так, то это явно незаконно. В условиях суда над первой четверкой могло произойти любое беззаконие, так как о суде стало известно только после его окончания и он, видимо, был вовсе закрытым. Достоверно известно, что никто не обвинялся ни в связи с НТС, ни в валютных операциях, ни в хранении оружия.

Краткие сведения о некоторых участниках этого движения в какой-то мере имеются.

Михаил Юханович Садо. Один из основателей и руководителей Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа. Союз был создан около 1964 г. Арестован Садо в феврале 1967 г. и в ноябре того же года приговорен к 13 годам лишения свободы по статьям 64 (измена родине), 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и 72 (организация) УК РСФСР. Согласно приговору, первые 5 лет должен был находиться на тюремном режиме, но, в отличие от руководителя Всероссийского социал-христианского союза Игоря Вячеславовича Огурцова, который и поныне содержится во Владимирской тюрьме, в конце 1969 г. был переведен в 3-й лагпункт, а затем на лагпункт 17-а Дубровлага.

Из выступления М. Ю. Садо на суде:

...Граждане судьи! Я обвиняюсь в очень тяжком преступлении — в измене родине. Эту измену я совершил, как следует из материалов следствия, организовав вместе с сидящими здесь моими соратниками заговор с целью свержения советской власти и установления буржуазного режима. Для этого была организована антисоветская организация «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа». В чем, на мой взгляд, особенность нашего дела, и где ключ к разгадке преступления? Если все, что мы делаем, можно назвать преступлением. Возрастной ценз лиц, привлеченных к уголовной ответственности по данному делу, от 18 до 43 лет. Ни один из нас не судим ранее. Из 28 участников организации — 20 имеют высшее образование и 1 среднее. Всё это дети советских рабочих, служащих, интеллигенции, офицеров. Все родились в России, учились в советской школе, в советских вузах. Что же случилось с нами? Что заставило нас, каждого в отдельности, стать на путь борьбы с советской властью?

Я думаю, что прежде всего мне надо рассказать о себе... Родился в 1934 г. в Ленинграде в семье чистильщика обуви. Родители мои были безграмотными. По национальности я ассириец. Вы, конечно, знаете, что ассирийцы осели в России, в основном, в период первой мировой войны 1914—18 гг. и, тесно связанные, как христиане, с единоверцами-русскими, обрели здесь для себя родину. И я, как в свое время Пушкин, ведущий свой род из Эфиопии, не представляю себя без России, без русского языка, без культуры русской... Россия для нас, ассирийцев, стала второй, а скорее всего, единственной родиной. К сожалению, родина эта подчас оборачивалась для нас злой мачехой. Распространившиеся по стране в 1937 г. необоснованные репрессии захватили и ассирийцев. Почти вся интеллигенция и большинство мужчин свыше 30 лет были арестованы и, в основном, истреблены. Были закрыты наши школы, прекратилось издание книг, даже газеты, между прочим, единственной. Репрессии коснулись и нашей семьи. Был арестован отец, два маминых брата и мой дед. Остался жив только отец, отсидевший 16 лет. В 1956—57 гг. все они были реабилитированы за отсутствием состава преступления.

Я опущу рассказ о тяготах своей жизни, о смерти матери, ибо задача моя — не разжалобить суд, а обнажить перед вами . . . одни только факты. В школу я поступил поздно. Причина — война, ленинградская блокада. В 1-й класс я пришел только в 1944 г., в 7-м — вступил в комсомол . . . К концу школьного образования почувствовал повышенный интерес к истории и литературе. К остальным наукам был равнодушен, тем более, что всё ведь тогда было более просто. По биологии, например, нас учили, что вся эта наука держится на четырех столпах: Тимирязев, Вильямс, Мичурин, Лысенко. Помню также, что ветвистая пшеница академика Лысенко обещала нам сказочные урожаи с гектара. Но я этих урожаев так и не видал, хотя часто бывал в колхозах Кубани и Украины. На уроках литературы нас кормили Сталиным в огромных порциях, и знакомство с литературой народов сводилось к изучению произведений безграмотного акына Джамбула и такого же ашуга Сулеймана Стальского. На уроках истории нас уверяли, что без Сталина Октябрьская революция победить не смогла бы, и всем, буквально всем, даже жизнью, мы обязаны только Сталину. Поэтому, когда Сталин умер, я был уверен, что . . . произойдет что-то невероятное . . . С несколькими школьниками-товарищами я сбежал из дому, уехав на похороны вождя в Москву. Впечатление от этих похорон, где люди давили друг друга, как в преисподней, осталось у меня на всю жизнь. Осенью 1954 г. я был призван в армию и попал в парашютно-десантные войска . . . Был поднят по тревоге во время венгерских событий. Видел атомный взрыв . . . Часто бывал в деревнях, и всегда поражался безвыходной бедностью, нищетой их. Церкви, часовни, монастыри были в запустении, разваливались. Во многих церквях размещались склады горючего, различные кладовые, мастерские. У меня это выливалось в нестерпимую боль за поругание русской культуры. В 1956 нам, солдатам, было прочтено Постановление ЦК о культе личности Сталина, в 1957 г., когда я уже вернулся в Ленинград, повсюду только и говорили об антипартийной группировке Маленкова, Молотова, Кагановича и других . . . На душе было беспокойно: ведь анафеме предавались люди, которые долгие годы были рядом со Сталиным, имена которых составили нашу историю.

Что же происходит? — задавал я себе вопрос. Но разобраться было некогда. Надо сдавать экзамены в университет. В студенческой среде все новое, происходящее в стране после разоблачения культа, воспринималось эмоционально и проявляло себя в бурном самовыражении. Тогда взахлёб читались Ремарк и Хемингуэй, книга Дудинцева «Не хлебом единым», диспуты по которой носили очень бурный и острый характер. Насколько студенты болезненно воспринимали культ личности, свидетельствует то, что любой диспут в конце концов сводился к проблеме культа, к его критике и очень часто выливался в требование: сурово наказать виновников репрессий. Такая литература, как «Письмо к Сталину» Раскольниковца, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и т. д., не могла не производить впечатления. Лично я был захвачен этой трагедией . . . эпохи. К сожалению, мы все скоро увидели, что это не конец трагедии, а только ее начало. Вслед за культом Сталина уже начинался культ Хрущева. И положение в стране еще более ухудшилось. Рабство, авантюризм, бесхозяйственность, несправедливость так и кричали на каждом углу. Промышленные производства были захламлены . . . Хищение, взяточничество приняли колоссальные размеры. В реках гибла рыба, в лесах — зверье, сельское хозяйство являло картину полнейшего разгрома. Колхозники зарабатывали в месяц 25—30 рублей, а труд их был ужасающим. Я сам видел, как эти бедные люди с утра до ночи ползали на четвереньках под дождем, убирая картофель. А в это время Хрущев со своей семьей разъезжал по миру, произносил идиотские речи, которых не мог не стыдиться ни один уважающий себя русский. Недовольство росло. Произошло повышение цен на мясо и молочные продукты, пшеница стала покупаться за рубежом. Это Россией-то! Последовали авантюры с денежной реформой, государственными займами. В стране создавалась напряженная обстановка, приведшая к массовым выступлениям против советской власти в Новочеркасске, Караганде, Тбилиси, Краснодаре и других местах. Я был уверен, что мы стояли тогда накануне внутренней катастрофы, которая могла разразиться стихийно в любой момент и бросить страну во внутренний

хаос. Скажите, граждане судьи! Что в этой ситуации должен был делать сын своего отечества? Россия — мое отечество. Моя мать. Мог ли я спокойно смотреть, как гибнет моя мать?

«И Садо, разумеется, не стал смотреть... — пишет в своей статье, посвященной Садо и Социал-христианскому союзу («Россия, которой не знают»), писатель, тоже заключенный, Александр Петров-Агатов: — К этому времени он уже отлично знал о двух линиях русской культуры: о линии философа-мистика Владимира Соловьева и о линии философа-материалиста и атеиста Николая Чернышевского... — Человек возрождается, когда верит в Бога, — то и дело повторял Михаил Юханович... слова Достоевского... Христианство, православие — высшая духовная ценность русской культуры... Вместе с Игорем Вячеславовичем Огурцовым, другом своим, окончившим также восточный факультет университета, он создает Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа и первым... принимает в нем присягу».

Вячеслав Платонов родился в семье рабочего в 1941 г. в г. Ленинграде. В 1958 г. поступил на восточный факультет Ленинградского университета. В 1962 г. — в учебной командировке в Эфиопии (в университете им. Хайле Селасие I), а в 1963 г., окончив университет, поступает в аспирантуру. Работал над диссертацией «Эфиопская историография. Хроники XIV—XV вв.». Защита была намечена на весну 1967 г., но не состоялась, так как 17 февраля того же года Вячеслав Платонов был арестован и 5 апреля 1968 г. осужден на 7 лет лагерей строгого режима. К моменту ареста занимал должность ассистента кафедры африканистики. Имеет печатные труды. В Ленинграде, Петрозаводске, Иркутске, Томске и других местах было почти одновременно произведено по делу Социал-христианского союза около 60 арестов...

Леонид Иванович Бородин родился в 1938 г. в Иркутске в семье потомственных учителей. Первый арест в 1956 г. за участие в нелегальном кружке студентов «Свободное слово». Исключен из университета и комсомола. Окончил педагогический институт. Историк. Работал над диссертацией «Философские взгляды Бердяева». Был

директором средней школы и там же преподавал. В 1964 г. создал Демократическую партию. В 1965 г. вступил во ВСХСОН (Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа). Арестован в 1967 г. и осужден на 6 лет лагерей строгого режима. На суде отказался высказать «раскаяние». Поэт. В советской печати не публиковался

Из материалов «Самиздата»:

Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. 5 апреля 1968 г. в Ленинграде завершился судебный процесс над членами нелегальной военно-политической организации, именовавшей себя «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа». 29 членов организации предстали перед судом, 21 был приговорен к лишению свободы на сроки от 10 месяцев до 15 лет. Впервые с момента окончательного утверждения режима, в зале судебных заседаний прозвучала суровая формула обвинения — «Заговор с целью захвата власти»; до сих пор органы госбезопасности сталкивались с явлением нелегального марксистско-оппортунистического движения, выражавшегося в периодическом возникновении немногочисленных групп, не имевших ни четкой самостоятельной политической ориентации, ни законченной организационной структуры... Парадоксальным может показаться факт рождения политической организации, утверждающей в качестве позитивного решения диаметрально противоположные нравственные ценности, порвавшей... со всей совокупностью, казалось бы, твердо установившейся в России разновидности материалистического социально-исторического мировоззрения. Парадоксальным оно кажется в силу того, что в обществе не только провозглашена победа атеизма, но функционально испытана и перспективно обоснована. В этом случае важно было бы выяснить: есть ли это лишь исторический анахронизм и рецидив отживающего, или же это первое, но уверенное заявление о себе определенной национальной тенденции. Некоторым ключом к пониманию данной проблемы может послужить социальный состав организации. 26 из 29 членов ВСХСОН прошли полную школу обучения и овладения марксизмом (18 имеют высшее образование, 8 незаконченное высшее). 5 из 18 были допущены к преподаванию обще-

ственных дисциплин в вузах, что само по себе подразумевает определенную качественность усвоения марксистской идеологии. Кроме того, почти все члены организации — выходцы из ортодоксальных советских семей, не могущих служить почвой для возникновений даже просто инопозитивных взглядов. Существенно при этом то обстоятельство, что каждый из участников этой организации почти в одно время (1952—1956) индивидуально пережил в себе состояние религиозного восприятия марксистских догм. При ознакомлении с материалами следствия и суда, обращает на себя внимание факт, что степень экстремизма каждого участника организации находилась в прямой зависимости от глубины и качественности его прошлой веры в идеалы коммунизма... Все это [и многое другое] исключает возможность характеристики «Социал-христианского союза» как исторического анахронизма или социальной случайности.

«Союз освобождения народа есть секретная надпартийная военно-политическая организация, основанная единомышленниками ради освобождения отечества от тиранического тоталитарного режима и установления социал-христианского строя» (Устав ВСХСОН). Особенность Программы организации — полный и бескомпромиссный разрыв со всеми известными и возможными вариантами коммунистических и соц-демократических идей, схем и иллюзий. Негативная часть Программы, рассматривая большевизм в целом как трагический этап в национальном развитии, квалифицирует все его практические проявления как безнравственные, антигуманные и антинациональные, а то, что в большевизме именуется моральным кодексом, признается не чем иным, как возведением в нравственный закон самых темных и пагубных инстинктов и побуждений человеческой природы вообще и специфически национальных в частности... «Если с экономической точки зрения коммунистическая система есть разновидность государственно-монополистического капитализма, то с политической — представляет собой крайний тоталитаризм, вырождающийся в деспотию. Коммунисты, пользуясь преимуществами, которые давала партии захваченная безраздельно власть, посредством закулисных махинаций захватили Советы в свои руки и превратили их в демо-

кратическую ширму своей диктатуры! Даже фашизм, являющийся разновидностью тоталитарной системы, не представляет собой столь всеобъемлющей тирании, как коммунизм! Государственные органы, от местных до Верховного Совета, являются косвенно партийными и ни в какой мере не представляют народ!»

Понимая большевизм как явление, противоречащее нравственному принципу истории, Программа делает вывод о неизбежности краха существующего режима. Исходя из христианского понимания морали, Программа провозглашает антикоммунистическую активность человека высшим нравственным действием... и рекомендует совершенно конкретные способы ее проявления... «Освобождение народов от коммунистического ига может быть достигнуто только вооруженной борьбой. Для полной победы народу необходима своя подпольная армия освобождения, которая свергнет диктатуру и разгромит охранные отряды олигархии». «Государственная власть после свержения коммунистической диктатуры должна перейти к временному правительству!» «Коммунистический госаппарат должен быть распуцен!»...

Каким же должно быть то новое общество, которое в Программе именуется социал-христианским? Сама по себе идея христианского государства и предназначенность России для осуществления этой идеи не нова. Она является стержневой в том направлении русской религиозно-философской мысли XIX—XX вв., которая представлена именами А. Хомякова, В. Соловьева, Вяч. Иванова, Н. Бердяева. В Программе ВСХСОН делается попытка построения конкретной национальной модели христианского государства, полагая в ее основание три главных, определяющих принципа:

1. Христианизация политики.
2. Христианизация экономики.
3. Христианизация культуры.

Христианизация политики — подчинение всех социальных институтов этическим требованиям христианского вероучения, действительное отделение церковного института от государства, участие представителей Церкви в законодательных и исполнительных органах на всех уровнях с правом вето по этически спорным вопросам. Христианизация экономики — признание человеческой

личности высшей ценностью, гарантирование ее экономической независимости, в первую очередь от государства (с учетом природных возможностей), путем персонализации земельной собственности законодательными средствами, что практически должно обеспечить право каждого на полное и вечное владение землей. В перспективе этого права — предупредить возможность безработицы и образование люмпен-пролетариата. Законодательное недопущение крупного землевладения... Сохранение за каждым человеком права на землю, даже в случае отказа от своего участка по личным соображениям. Предоставление свободы всем формам кооперации, с обеспечением льготных субсидий как отдельным лицам, так и кооперативам. Обеспечение экономической самостоятельности промышленным предприятиям, рациональное совмещение в структуре управления предприятий коллективного и единоличного принципов. Персонализация в форме акций части прибылей, свободное применение частного капитала в сфере обслуживания. Сохранение за государством лишь тех экономических функций, которые связаны с обороной, внешней торговлей, транспортом и связью; сведение государственных налогов до необходимого минимума, обеспечивающего функционирование государственного аппарата. Христианизация культуры — возвращение народу изъятых революцией из обращения духовных ценностей; переосмысление на христианской основе всех форм социальных отношений, а равно истории культуры, истории нации и самой сущности современной цивилизации; гуманизация права, нормализация культурных связей с другими государствами; поощрение институтов христианства.

ДЕЛО О ДЕМОНСТРАЦИИ 25 АВГУСТА 1968 ГОДА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

21 августа 1968 г. войска 5 стран — участниц Варшавского пакта — совершили вероломное и неспровоцированное нападение на Чехословакию. Агрессивные действия СССР и его союзников встретили резкий отпор мирового общественного мнения... Наиболее значительным выступлением (в СССР) против агрессии в Чехословакии явилась сидячая демонстрация протеста, состоявшаяся 25 августа 1968 г. в 12 часов дня на Красной площади. 9 октября в Москве начался судебный процесс по уголовному делу Бабицкого К. И., Богораз-Брухман Л. И. (жена Ю. М. Даниэля), Делоне В. Н., Дремлюги В. А. и Литвинова П. М., «обвиняемых в нарушении общественного порядка на Красной площади 25 августа с. г.».

Судебное заседание Московского городского суда 9—11 октября 1968 г. в помещении народного суда Пролетарского района г. Москвы. Состав суда: председательствующий — В. Г. Лубенцова, народные заседатели — П. И. Попов и И. Я. Булгаков. Государственный обвинитель — помощник прокурора г. Москвы В. Е. Дрель. Защитники: адвокаты Д. И. Каминская, С. В. Каллистратова, Ю. Б. Поздеев, Н. А. Монахов. Секретарь суда — В. И. Осина.

Из обвинительного заключения:

... 25 августа 1968 г. Следственным Управлением УООП Мосгорисполкома было возбуждено уголовное дело по факту учинения групповых действий на Красной площади, грубо нарушивших общественный порядок. По делу арестованы и привлечены к уголовной ответственности Богораз-Брухман Л. И., Делоне В. Н., Литвинов П. М., Бабицкий К. И., Дремлюга В. А. и Файнберг В. И. Материалы в отношении Файнберга выделе-

ны в отдельное производство. Активной участницей групповых действий на Красной площади была Горбаневская Н. Е., уголовное дело на которую, в связи с признанием ее судебно-психиатрической экспертизой невменяемой, прекращено. Расследованием установлено: Богораз-Брухман, Делоне, Литвинов, Бабицкий и Файнберг, будучи несогласны с политикой КПСС и Советского правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, вступили в преступный заговор с целью организации группового протеста против временного вступления на территорию ЧССР войск пяти социалистических стран. Для придания своим замыслам широкой гласности, они заранее изготовили из белой материи плакаты с текстами: «Руки прочь от ЧССР», «Долой оккупантов», «За вашу и нашу свободу», «Свободу Дубчеку», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (последний на чешском языке), то есть содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Затем, после предварительной договоренности, [означенные лица] 25 августа с. г. в 12 часов дня прибыли к Лобному месту на Красной площади, доставив с собой спрятанные указанные плакаты, где во исполнение своего преступного сговора приняли активное участие в групповых действиях, развернули плакаты и, обращаясь к находившейся на площади публике, стали выкрикивать аналогичные с плакатами призывы, чем грубо нарушили порядок и нормальную работу транспорта. Этими действиями [означенные лица] вызвали возмущение находившихся на Красной площади граждан... Обвиняемая Богораз-Брухман, еще до участия в названных групповых действиях, проявляя недовольство, 22 августа 1968 г. направила заявление на имя директора института и в профсоюзную организацию по месту своей работы с выражением протеста по вышеназванному решению Советского правительства...

Обвиняемые Литвинов, Дремлюга, Делоне последнее время общественно полезным трудом не занимались, Богораз-Брухман в августе 1968 г. уволена с работы за прогул. Литвинов и Дремлюга в быту характеризуются отрицательно. Бабицкий к служебным обязанностям от-

носился добросовестно, но в коллективе допускал нездоровые антиобщественные суждения. На основании изложенного обвиняются: Богораз-Брухман Лариса Иосифовна, 1929 г. р., уроженка г. Харькова, еврейка, беспартийная, замужняя, на иждивении сын 1951 г. р., образование высшее, работала старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института технической информации... ранее не судима... в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 190¹ и 190³ УК РСФСР. Делоне Вадим Николаевич, 1947 г. р., уроженец г. Москвы, русский, беспартийный, образование среднее, холост, без определенных занятий, осужден Мосгорсудом 1 сентября 1967 г. по ст. 190³ УК РСФСР к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком на 5 лет... в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 190¹ и 190³ УК РСФСР. Литвинов Павел Михайлович, 1940 г. р., уроженец г. Москвы, русский, беспартийный, на иждивении один ребенок 8 лет, образование высшее, по профессии физик, без определенных занятий, ранее не судим... [далее повторена предыдущая формулировка]. Бабицкий Константин Иосифович, 1929 г. р., уроженец г. Москвы, еврей, беспартийный, образование высшее, женат, имеет на иждивении трех детей — 1953, 1955 и 1958 гг. р., младший научный сотрудник Института русского языка АН СССР, ранее не судим... [далее в точности та же формулировка]. Дремлюга Владимир Александрович, 1940 г. р., уроженец г. Саратова, русский, беспартийный, образование среднее, женат, без определенных занятий, ранее судим в 1963 г. нарсудом Ждановского р-на г. Ленинграда по ст. ст. 174 и 154 ч. 1 УК РСФСР, осужден к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года... [далее в точности та же формулировка].

На суде, якобы открытом, но фактически закрытом для публики и для близких обвиняемым лиц, как и на процессах Синявского-Даниэля и других (были заявления Генеральному секретарю ЦК КПСС т. Брежневу от имени 56 лиц, протестовавших против закрытого фактически ведения суда, против того, что в зале суда и на подступах к нему много агентов КГБ, и т. д.; были и другие заявления), выступили с ходатайствами обвиняемые.

Богораз: ... Первое. Прошу вызвать дополнительных свидетелей. Следствие предложило для вызова в суд только тех свидетелей, которых сочло нужным, и не включило никого из тех, чьи показания совпадают с объяснениями подсудимых ... Второе. Я заранее решила, что на суде буду защищаться сама ... Третье. Знакомясь с делом, я прочла ходатайство Делоне о проведении дополнительного следствия и поддерживаю его, так как считаю необходимым установить личность и привлечь к ответственности тех, кто действительно нарушал порядок на площади и применял к нам физическое насилие. На основании ст. 18 УПК я прошу допустить в зал суда наших друзей.

Делоне: Заявляю ходатайство о направлении дела на дополнительное следствие с целью выявить лиц, своими хулиганскими действиями действительно нарушивших порядок на Красной площади 25 августа 1968 г. Я имею в виду лиц, которые избивали у Лобного места Файнберга, меня и Литвинова, оскорбляли демонстрантов выкриками: «Хулиганы! Бандиты! Антисоветчики!», провоцируя толпу на необдуманные действия. В том числе я имею в виду лиц, которые на предварительном следствии показали, что они вырывали лозунги у мирных демонстрантов и мешали проведению демонстрации, т. е. осуществлению конституционного права, предусмотренного ст. 125 Конституции СССР. Эти люди были в штатском и не имели, либо не предъявляли, никаких полномочий — если же у них и были какие-то полномочия, то они их превысили, применяя к нам физическую силу. Я считаю необходимым потребовать объяснения их незаконных действий и решить вопрос об их уголовной ответственности ... Кроме того, я прошу допустить в зал суда моих друзей.

Литвинов: Я полностью присоединяюсь к ходатайствам Богораз и Делоне ...

Дремлюга: Я прошу о том, чтобы в зале суда присутствовали мои друзья. Друзья, а не собравшиеся здесь «товарищи» ...

Богораз говорит также, что уволили ее после ареста ...

Прокурор: Если вы читаете газеты, если слушаете радио ... вы должны знать, как советские трудящиеся относятся к политике партии и правительства ...

Богораз: Я тоже советская трудящаяся, но отнеслась к этому совсем по-другому... И я вовсе не уверена, что все, что было написано в газетах, отражает мнение всех граждан. Скорее наоборот...

Адвокат Монахов: Скажите, вы сидели на проезжей части или на тротуаре?

Богораз: На тротуаре. Вплотную к стенке Лобного места.

Монахов: Могли вы мешать проезду машин?

Богораз: Нет, не могли. Да там и машин не было...

Литвинов: Вкратце я остановлюсь на мотивах моего поступка. 21 августа советские войска перешли границы Чехословакии. Я считаю эти действия советского правительства грубым нарушением норм международного права и нарушением статьи Конституции о праве наций на самоопределение. Как советский гражданин я считал необходимым протестовать — так или иначе. Демонстрация — это законная форма выражения протеста... Сразу, как только мы сели, к нам бросилась группа людей. Они бежали быстро, с разных сторон. Подбежав, они вырвали плакаты. Первыми ко мне подбежали мужчина с портфелем и женщина с сумкой. Мужчина портфелем нанес мне несколько ударов, в том числе по голове. Возможно, удары наносила и женщина. Раздался треск, и, оглянувшись, слева от себя я увидел окровавленное лицо Файнберга — у него были выбиты зубы. На нас бросились сначала 5 или 6 человек, потом их стало больше... Остальная толпа недоумевала. Некоторые граждане задавали вопросы. Практически они не могли понять, в чем дело: они не успели увидеть содержание плакатов. Люди задавали вопросы, зачем мы здесь, мы спокойно отвечали, объясняя причину демонстрации. Кричали и шумели только те граждане, которые напали на нас. После этого нас стали затаскивать и впихивать в машины эти же граждане. Сопротивления мы не оказывали, хотя они не имели никаких знаков отличия и ничем не могли доказать свое право арестовывать нас. Мы не видели никого в форме, никто не предъявлял нам документов... Мы провели целый день в 50 отделении милиции, где сразу потребовали произвести судебно-медицинскую экспертизу по поводу выбитых зубов Файнберга...

Судья: В материалах дела отмечено, что вы нигде не работаете. На какие же средства вы живете? . . .

Литвинов: Я был уволен в начале этого года формально за прогул, но фактически не за это, так как никаких замечаний по работе у меня не было [см. запись «беседы» Литвинова с работником КГБ Гостевым — на стр. 63] Однако меня уволили. Существовал я на переводы и частные уроки. Имена лиц, которым я давал частные уроки, я называть не собираюсь . . . В августе я устраивался на завод. Разные люди пытались мне помочь, но безуспешно . . .

Бабицкий: Полагая, что ввод советских войск в Чехословакию наносит прежде всего большой вред престижу Советского Союза, я считал нужным довести это свое убеждение до сведения правительства и граждан. Для этого в 12 часов 25 августа я явился на Красную площадь, сел на тротуар около Лобного места и поднял плакат . . . Через полторы-две минуты около нас оказалось 5—6 человек в штатском, которые очень грубо и резко вырвали у нас плакаты. Никто из нас не оказал сопротивления. При этом люди в штатском выкрикивали грубые оскорбления. Один из них выкрикивал: «У, сука, антисоветчик» . . . Тот человек, который вырвал плакат у меня и Файнберга, два раза ударил его по лицу, по зубам, в результате чего зубы были выбиты и пошла кровь . . . Я решительно отрицаю, что содержание лозунгов порочит общественный и государственный строй. Ни один лозунг не содержит ни клеветы, ни измышлений. Ни один человек в СССР не стал бы спорить с требованием свободы и независимости Чехословакии . . .

Делоне: Я не признаю себя виновным. Обвинение должно быть объективным и базироваться на фактах. Я считаю предъявленное мне обвинение несостоятельным, юридически безграмотным и недоказанным . . . Во-первых, я протестовал не против братской помощи, а против ввода войск в Чехословакию . . . Ни в какой преступный сговор я не вступал, да и не было преступного сговора, так как нет состава преступления . . . Я не считаю, что тексты плакатов содержат заведомо ложные измышления, порочащие действия советского правительства. Мы в текстах плакатов не сообщали никаких фактов, а лишь наше отношение к ним, следовательно лож-

ными, тем более заведомо ложными, они быть не могут и никого не могут дезинформировать... В обвинительном заключении говорится про возмущение ряда граждан, а в чем оно выражено? В явно хулиганских и заведомо провокационных действиях нескольких лиц... Как только мы подняли плакаты, к нам бросились несколько человек: трое мужчин, а затем еще двое. Они бежали со стороны ГУМ'а со всех ног, было видно, что они стояли наготове, по-видимому, специально подготовленные к тому, чтобы спровоцировать сопротивление... Я не могу утверждать, но предполагаю, что это были сотрудники КГБ. В отделении милиции эти люди в штатском показали книжечки — по-моему, удостоверения госбезопасности. Один из них в приказном тоне заявил милиционерам: «Никого не выпускать»... Я не считал и не считаю, что действия, которые мы совершили на Красной площади, нарушают общественный порядок. И предыдущий приговор я считаю несправедливым. Буковского осудили неправильно.

Судья: Приговор вступил в законную силу, и обсуждать его вы не имеете права...

Делоне: ... По тексту обвинительного заключения. Там сказано, что я не занимался общественно полезным трудом. Но ведь я задержался в Новосибирске потому, что у меня была там литературная работа. В Москве меня долго не прописывали, 7 августа я был прописан, а паспорт получил только 12-го. Поэтому я не мог устроиться на постоянную работу...

Дремлюга: ... Как все было, здесь уже рассказывали. Свидетель Долгов из воинской части 1164 ударил Литвинова два раза сумкой и ногой по ноге, ругался. Литвинов продолжал сидеть. Стоявший с Долговым рядом кричал Литвинову: «Давно я за тобой охочусь, жидовская морда»...

Прокурор: Вы были членом ВЛКСМ?

Дремлюга: Да, с 1955 по 1958 г.

Прокурор: Почему выбыли?

Дремлюга: Исключили... за усы.

Судья: Подсудимый, я уже вас предупреждала. Что это значит?

Дремлюга: Я говорю правду, так и было сказано: «за разрушение советской семьи, неуплату членских взно-

сов и за усы» . . . [Когда подсудимые задают вопрос свидетелям обвинения — в какой организации они работают? — судья немедленно снимает этот вопрос, потому что почти все они — работники КГБ] . . .

Богораз [свидетелю Давидовичу, работнику лагерей МВД]: Охарактеризуйте мои действия. Что я говорила, сопротивлялась ли я и т. д.?

Давидович: . . . Обращались к толпе с речью. Говорили, просьба группы членов ЦК КПЧ о вводе войск — вымысел, фальсификация, так как не были опубликованы фамилии; что была совершена несправедливость, агрессия . . .

Литвинов (к Давидовичу): На предварительном следствии вы говорили, что вышли из ГУМ'а, а ГУМ в воскресенье закрыт. Чем вы это объясните?

Давидович (вызывающе): Это не имеет значения. Я рассказываю о том, что я видел . . .

Прокурор напоминает свидетелю Ударцеву его показания, что Файнберг сам себя ударил . . .

Из речи прокурора: . . . Подсудимые говорили, что некоторые граждане нанесли им оскорбления. Может быть, некоторые граждане и допустили оскорбление . . . Разве мог быть спокоен человек, видя, что грубо клеветуют на партию и правительство? . . .

Из последнего слова Ларисы Богораз:

. . . В последнем слове я не имею возможности . . . обосновывать свою точку зрения по чехословацкому вопросу. Буду говорить только о мотивах своих действий. Почему я, «будучи несогласна с решением КПСС и Советского правительства о вводе войск в Чехословакию», не только подала заявление об этом в своем институте, но и вышла на демонстрацию на Красную площадь? . . . Мой поступок не был импульсивным. Я действовала обдуманно, полностью отдавая себя отчет в последствиях своего поступка. Я люблю жизнь и ценю свободу, и я понимала, что рискую своей свободой и не хотела бы ее потерять. Я не считаю себя общественным деятелем. Общественная жизнь — для меня далеко не самая важная и интересная сторона жизни. Тем более, политическая жизнь. Чтобы мне решиться на демонстрацию, мне пришлось преодолеть свою инертность, свою неприязнь

к публичности. Я предпочла бы поступить не так. Я предпочла бы поддержать моих единомышленников — известных людей. Известных своей профессией или по своему положению в обществе. Я предпочла бы присоединить свой безымянный протест к протесту этих людей. Таких людей в нашей стране не нашлось. Но ведь мои убеждения от этого не изменились. Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать — значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать — значило для меня солгать. Я не считаю свой образ действий единственно правильным, но для меня это было единственно возможным решением. Для меня мало было знать, что нет моего голоса «за», — для меня было важно, что не будет моего голоса «против». Именно митинги, радио, сообщения в прессе о всеобщей поддержке побудили меня сказать: я против, я несогласна. Если бы я этого не сделала, я считала бы себя ответственной за эти действия правительства, точно так же, как на всех взрослых гражданах нашей страны лежит ответственность за все действия нашего правительства, точно так же, как на весь наш народ ложится ответственность за сталинско-бериевские лагеря, за смертные приговоры . . .

У меня было еще одно соображение против того, чтобы пойти на демонстрацию . . . Это соображение о практической бесполезности демонстрации, о том, что она не изменит ход событий. Но я решила в конце концов, что для меня это не вопрос пользы, а вопрос моей личной ответственности . . . Прокурор закончил свою речь предположением, что предложенный им приговор будет одобрен общественным мнением. Суд не зависит от общественного мнения, а должен руководствоваться законом. Но я согласна с прокурором. Я не сомневаюсь, что общественное мнение одобрит этот приговор, как одобряло оно аналогичные приговоры и раньше, как одобрило бы любой другой приговор. Общественное мнение одобрит три года лагерей молодому поэту, три года ссылки талантливому ученому. Общественное мнение одобрит обвинительный приговор, во-первых, потому, что мы будем представлены ему как тунеядцы, отщепенцы и проводники враждебной идеологии. А, во-вторых, если

найдутся люди, мнение которых будет отличаться от «общественного», и которые найдут смелость его высказать, вскоре они окажутся здесь (указывает на скамью подсудимых). Общественное мнение одобрит расправу над мирной демонстрацией, состоящей из нескольких человек... Я... не сомневаюсь, что единственно правильным и единственно законным был бы оправдательный приговор. Я знаю закон. Но я знаю также и судебную практику, и сегодня, в своем последнем слове, я ничего не прошу у суда.

Из последнего слова Павла Литвинова:

... Я виновным себя не признаю. Наша невиновность в действиях, в которых нас обвиняют, очевидна. Тем не менее, мне так же очевиден ожидающий меня обвинительный приговор. Этот приговор я знал заранее — еще когда шел на Красную площадь. Я совершенно убежден в том, что в отношении нас была совершена провокация сотрудниками органов государственной безопасности. Я видел слезку за собой. Свой приговор я прочитал в глазах человека, который ехал за мной в метро. Я видел этого человека в толпе на площади. Того, который задержал и бил меня, я тоже видел раньше. Почти год я подвергаюсь систематической слезке... Там не менее, я вышел на площадь. Для меня не было вопроса, выйти или не выйти. Как советский гражданин, я считал, что должен выразить свое несогласие с грубейшей ошибкой нашего правительства, которая взволновала и возмутила меня — с нарушением норм международного права и суверенитета другой страны. Я знал свой приговор, когда подписывал протокол в 50 отделении милиции, уже в этом протоколе было сказано, что я совершил преступление по ст. 190³. «Дурак, — сказал мне тогда милиционер, — сидел бы тихо, жил бы спокойно»... Он уже не сомневался в том, что я человек, потерявший свободу... Следствие тоже предвосхитило решение суда. Следователь собирал только то, что могло послужить материалом для обвинения. Вопрос о том, верил я или нет в то, за что выступал, никого не интересовал, он передо мной даже не ставился. Но ведь если я верил, то ст. 190³ — о заведомо ложных измышлениях автоматически отпадает. А я не только верил, я был убежден!... В речи прокурора тоже говорится, что мы выступали

против п о л и т и к и партии и правительства, а не против общественного и государственного с т р о я. Может быть, некоторые люди считают, что вся наша политика, в том числе и ошибки правительства, определяются нашим общественным и государственным строем. Я так не думаю. Этого, вероятно, не скажет и прокурор, иначе ему пришлось бы признать, что все преступления сталинских времен определяются нашим общественным и государственным с т р о е м . . . Я считаю чрезвычайно важным, чтобы граждане нашей страны были по-настоящему свободны. Это важно еще и потому, что наша страна является самым большим социалистическим государством и — плохо это или хорошо — но все, что в ней происходит, отражается в других социалистических странах. Чем больше свободы у нас, тем больше ее будет там, а значит и во всем мире.

Вчера, приводя ст. 125 Конституции, прокурор допустил некоторую перестановку в ее тексте — возможно, и умышленную. В Конституции сказано, что в интересах трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется: свобода слова, свобода печати, свобода собраний, митингов и демонстраций. А у прокурора получилось, что эти свободы гарантируются постольку, поскольку они служат укреплению социалистического строя . . . Но если бы даже принять такое толкование, то кто определяет, что в интересах социалистического строя, а что — нет? Может быть, гражданин прокурор? Прокурор называет наши действия сборищем, мы называем их мирной демонстрацией. Прокурор с одобрением, чуть ли не с нежностью, говорит о действиях людей, которые задержали нас, оскорбляли и избивали. Прокурор спокойно говорит о том, что, если бы нас не задержали, нас могли бы растерзать. А ведь он юрист! Это-то и страшно. Очевидно, именно эти люди определяют, что такое социализм и что такое контрреволюция. Вот что меня пугает. Вот против чего я боролся и буду бороться всеми известными мне законными средствами.

Из последнего слова Вадима Делоне: . . . Здесь, в зале суда, прокурор обратился ко мне и к Литвинову с вопросом: «Какой свободы вы требуете? Свободы клеветать? Свободы устраивать сборища?» Нет, мне не нужна

«свобода клеветать». Я понимаю этот лозунг так: от нашей свободы зависит не только демократия в нашей стране, но и свобода развития другого государства и свобода граждан другой страны . . .

Из последнего слова Владимира Дремлюги: Не знаю, принято ли к последнему слову брать эпитафию, но если принято, то я взял бы эпитафией слова Анатоля Франса . . . : «Неужели вы думаете прельстить меня обманчивой химерой этого правительства, состоящего из честных людей, которые возводят такие укрепления вокруг свободы, что вряд ли ею можно будет пользоваться». С 17 лет я активно участвовал в протестах против политики партии и правительства (в том числе против некоего Никиты Сергеевича), если я был несогласен с нею . . . Всю свою сознательную жизнь я хотел быть гражданином, т. е. человеком, который спокойно и гордо выражает свои мысли. Десять минут я был гражданином. Я знаю, что мой голос прозвучит диссонансом на фоне общего молчания, имя которому — «всемирная поддержка политики партии и правительства». Я рад, что нашлись люди, которые вместе со мною выразили протест. Если бы их не было, я вышел бы на Красную площадь один . . .

Из последнего слова Константина Бабицкого: . . . Я уважаю закон и верю в воспитательную роль судебного решения. Поэтому я призываю вас подумать, какую воспитательную роль сыграет обвинительный приговор и какую — оправдательный. Какие нравы хотите вы воспитать в массах: уважение и терпимость к другим взглядам, при условии их законного выражения, или же ненависть и стремление подавить и уничтожить всякого человека, который мыслит иначе ? . . .

Суд признал всех подсудимых виновными по ст. 190¹ и 190³ УК РСФСР и приговорил: Делоне к 2 годам 6 месяцам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима; Богораз-Брухман — к ссылке сроком на 4 года; Литвинова — к ссылке сроком на 5 лет; Бабицкого — к ссылке на 3 года.

Сразу же после ареста демонстрантов, в тот же вечер, было произведено 8 обысков: у 6 демонстрантов-москвичей и у 2 задержанных с ними — у Т. Боевой и М. Рукавской. Брали, как всегда, всякий «Самиздат», записные книжки, клочки бумаги с адресами, телефонами,

личными записями. У Дремлюги изъяли Уголовный кодекс. У [Горбаневской] взяли машинописного Мандельштама. У Дремлюги и у Майи Русаковской — американское издание Мандельштама. Впервые за долгое время снова брали на обысках стихи [Горбаневской]. Стихи Делоне изымали и прежде, изъяли и сейчас. У Делоне изъяли крест.

Наталия Горбаневская написала 28 августа 1968 г. письмо главным редакторам газет «Руде Право», «Унита», «Морнинг Стар», «Юманите», «Таймс», «Монд», «Вашингтон Пост», «Нойе Цюрхер Цайтунг», «Нью-Йорк Таймс». В нем, рассказав о демонстрации и ее разгоне, она заявляла: «Мои товарищи и я счастливы, что смогли принять участие в этой демонстрации, что смогли хоть на мгновение прорвать поток разнузданной лжи и трусливого молчания и показать, что не все граждане нашей страны согласны с насилием, которое творится от имени советского народа . . .»

Из рассказа Н. Горбаневской о психозэкспертизе:

. . . Комиссия состояла из 3 человек . . . Третьим был — и руководил экспертизой — небезызвестный профессор Лунц. Я прекрасно знала, кто такой Лунц, и прекрасно знала, что ни от каких моих ответов не будет зависеть результат экспертизы, но вела себя лояльно, отвечала на все вопросы — и о давней своей болезни, и о Чехословакии, и о том, нравится ли мне Вагнер. Вагнер мне не нравится. Какое значение этот вопрос может иметь для экспертизы? Кого можно считать вменяемым — кому нравится Вагнер или кому не нравится? Нет, это я сейчас задаю вопросы. Лунцу я просто сказала: нет, не нравится. — А кто нравится? — Моцарт, Шуберт, Прокофьев. — Через неделю, 12 сентября, в день окончания следствия, я узнала результат экспертизы и свою странную судьбу. Заключение экспертизы, подписанное профессором Лунцем, гласит, что у меня «не исключена возможность вяло протекающей шизофрении», — замечательный диагноз! . . . И после этого проблематического диагноза той же бестрепетной рукой написано, что я «должна быть признана невменяемой и помещена на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа» . . . Пока что я дома.

Прокуратура г. Москвы прекратила возбужденное против Н. Горбаневской дело и передала ее на попечение матери. Наталия Евгеньевна Горбаневская родилась в 1936 г. В военный 1943 г. она пошла в школу, сразу во 2-ой класс. В 1952 г. окончила среднюю школу и вскоре поступила в МГУ, на филологическое отделение. Училась в университете, начала писать стихи... В 1960—61 гг. приняла участие в журнале «Феникс-1». Окончила заочно филологический курс университета и некоторое время работала в одном из московских институтов в качестве редактора, занимаясь переводами. В 1965 г. несколько ее стихотворений были напечатаны в журнале «Знамя» и в газете «Московский Комсомолец». До участия в демонстрации на Красной площади она еще перед процессом Галанскова-Гинзбурга — и после него — выступала с требованием гласного и справедливого суда, выступала и в защиту осужденных.

Н. Горбаневская была арестована 24 декабря 1969 г. у себя на квартире. Незадолго до ареста у нее был произведен обыск и изъяты стихи, личные письма, документы «Самиздата». В день ареста также был произведен обыск и снова были изъяты стихи, личные письма и «Самиздат». После ареста Горбаневскую отправили в Бутырскую тюрьму. Следствие по ее делу вела Л. С. Акимова, ст. следователь по особо важным делам прокуратуры г. Москвы, по ст. 190¹ УК РСФСР. По делу Горбаневской были произведены обыски у уже сосланных в Сибирь после демонстрации Л. Богораз и П. Литвинова. Были изъяты при этом личная переписка и «Самиздат». В конце января 1970 г. — также по делу Горбаневской — были произведены обыски в г. Тарту (Эстонская ССР), в том числе у профессора, доктора филологических наук Ю. Лотмана. Вызывались в тартуское отделение КГБ Л. Л. и Я. Я. Габовичи — оба математики и кандидаты физико-математических наук. Задавались обычные вопросы о связях Горбаневской в г. Тарту. Большую роль в трагической судьбе поэтессы сыграла выпущенная ею в «Самиздате» (и напечатанная на Западе в 1970 г.) книга «Полдень» — Дело о демонстрации 25 августа 1968 г. на Красной площади — сборник документов и воспоминаний.

7 июля 1970 г. Московский городской суд приговорил Горбаневскую к принудительному «лечению» в психиат-

рической больнице особого типа, подчиненной КГБ. Дело рассматривалось в отсутствие подсудимой. Не были, по обыкновению, допущены в зал суда и иностранные журналисты, и пришедшие друзья Горбаневской. Ее, участницу демонстрации 25 августа 1968 г. на Красной площади, обвиняли в активной антисоветской агитации и клевете на советский строй, а также в том, что она — один из издателей «Хроники текущих событий», выходящего в СССР «самиздатовского» журнала. Горбаневскую осудили на принудительное «лечение», хотя Московский городской суд, под председательством Богданова, осудивший поэтессу, имел в своем распоряжении и экспертизу медицинской комиссии под председательством психиатра И. К. Янушевского. Комиссия эта, изучив историю всех прежних заболеваний Горбаневской за последние 10 лет и тщательно освидетельствовав ее, пришла к выводу, что Горбаневская никаким душевным заболеванием не страдает и в направлении в психиатрическую больницу не нуждается. Комиссия же экспертов Института имени Сербского [под председательством проф. Д. Р. Лунца] нашла, что Горбаневская страдает вялотекущей шизофренией, невменяема и нуждается в принудительном «лечении» в психиатрической больнице специального типа.

Наталью Горбаневскую защищала адвокат С. В. Каллистратова, указавшая, что акт экспертизы Института им. Сербского вызывает у нее обоснованные сомнения в правильности выводов, в акте не приводится ни одного симптома расстройства психической деятельности и составлен акт с нарушением закона... Представитель комиссии экспертов Института им. Сербского (... сам Д. Р. Лунц) защищался тем, что «вялотекущая шизофрения не характеризуется грубо очерченными психотическими явлениями», «болезнь протекает с сохранением трудоспособности и прежнего интеллектуального уровня», «яркая симптоматика отсутствует», «отмечается сохранность памяти, прошлых знаний и навыков». Даже литературная продукция поэтессы и переводчицы Горбаневской «не обязательно непосредственно отражает болезненные расстройства психики». Тогда адвокат Каллистратова задала Лунцу вопрос, зачем же, в таком случае, нужна больница специального типа. Профессор-

чекист ответил, что у Н. Горбаневской нарушена эмоционально-волевая сфера мышления. В больницу специального типа ее надо направить, потому что там «установлен режим, соответствующий задачам последующей адаптации больных к условиям, в которые они попадут, выписываясь из больницы. Сочетание патологических изменений психики с отдельными сохранными ее сторонами повышает общественную опасность больного при отсутствии у него критики к своему поведению и сознания болезни»... В своей книге «Полдень» сама Н. Горбаневская описала, каким образом главный врач лунцевского «диспансера» Шостак определила у нее «нарушение эмоционально-волевой сферы»: «Сразу после суда над демонстрантами меня вызвали в диспансер. Главный врач диспансера Шостак, не спросив даже, как я себя чувствую, задала мне один-единственный, весьма медицинский вопрос: считаю ли я правильным свое поведение. — Да, — сказала я. — И ваш поступок в августе? — слово ‚демонстрация‘ она произнести не решалась. — Да, — сказала я. — Ну, вам нельзя оставаться дома».

А что представляет собой «режим, соответствующий задачам последующей адаптации больных к условиям, в которые они попадут, выписываясь из больницы», то этот режим достаточно ярко описал В. Буковский в своем интервью с корреспондентом американского телевидения... 28 июля 1970 г.:

Режим этой больницы напоминал тюремный режим. Один час в день прогулки, запертые камеры, один раз в месяц свидания, одно письмо в месяц родственникам, одна передача в месяц... В случае, если больной вел себя недостаточно правильно, он мог быть наказан... Сульфазин применяется в том случае, если заключенный этой больницы, допустим, грубо ответил врачу или заявил, что врач в данной больнице — это палач в белом халате... Человек чувствует лихорадку, он не может встать, он не может пошевелиться... Вторым наказанием применяется аминозин. От него пациент чувствует сонливость, оупение... Третьей мерой наказания была «укрутка», это — использование влажной парусины, в которую заматывался пациент от пяток до головы. Заматывался настолько плотно, что было трудно

дышать, и когда эта парусина начинала сохнуть, она садилась, она сжималась, и человек чувствовал себя еще хуже... Достаточно было проявить веселость или, наоборот, грусть, некоторое недовольство или слишком большую спокойность, любое отклонение было достаточно для того, чтобы такие средства начали применять...

Политические, находясь в здравом рассудке, содержатся в общих камерах с тяжелыми психическими больными; при нежелании отказаться от своих убеждений, они, под предлогом лечения, подвергаются физическим истязаниям... иногда вводится внутривенно амитал натрия, сильное снотворное, расслабляющее человека, а после инъекции допрашивают. Персонал состоит из надзирателей войск МВД в белых халатах поверх мундиров, санитаров из числа заключенных уголовников (воров, бандитов-рецидивистов) — тоже в белых халатах, и, наконец, старшего и среднего медицинского персонала — у многих из них под белыми халатами офицерские погоны. Ограждены эти больницы-тюрьмы еще более внушительными кирпичными заборами, чем любые другие тюрьмы...

А вот из рассказа генерала П. Г. Григоренко, к слову сказать, инициатора сбора подписей под протестом против того, что суд над демонстрантами на Красной площади был фактически закрытым: ...Начать надо с истока, т. е. выяснить — действительно ли туда попадают психически больные люди. И не заложены ли в самой системе условия для грубейшего произвола. Человек попадает на психиатрическое обследование в скандально знаменитый «Институт судебной психиатрии имени проф. Сербского» на основании постановления следователя. Институт этот номинально входит в систему Минздрава СССР, но я лично неоднократно видел зав. отделением, в котором проходил экспертизу, проф. Лунца, приходящим на работу в форме полковника КГБ. Правда, в отделение он всегда приходил в белом халате. Видел я в форме КГБ и других врачей этого института...

Признав Горбаневскую «невменяемой», суд осудил ее, мать двоих маленьких детей, на бессрочное заключение в «лечебницу» КГБ...

7 июля 1970 г., во время слушания дела Н. Горбаневской, перед зданием суда собрались ее друзья. Из-за жаркой погоды окна были открыты, и собравшиеся могли слышать, что происходит в суде. Милиция стала разгонять собравшихся, причем произошла потасовка, в результате которой были арестованы Юлия Вишневская и Владимир Тельников.

Судьба Виктора Файнберга: Виктор Файнберг, 1931 г. рождения, до окончания университета работал слесарем на заводе. В 1968 г. он окончил английское отделение филологического факультета Ленинградского университета, на «отлично» защитил дипломную работу по Сэлинджеру, летом 1968 г. до самой демонстрации работал экскурсоводом во дворце-музее в Павловске. Из-за травмы головы Виктор когда-то 6 лет был на инвалидности, но на психиатрическом учете не состоял и в психбольницах не лежал. В 1957 г. он попал под следствие: подрался с милиционером — за «жида». Экспертиза признала его вменяемым, и он получил год условно. [На демонстрации] . . . его били: по лицу и по голове, и ногами, не меньше шести ударов. Ему выбили 4 зуба — все резцы верхней челюсти, и, конечно, в этом виде он не годился для суда, на котором следовало доказать, что демонстранты нарушили общественный порядок, а те, кто бил [их], отнимал лозунги, кто пытался провоцировать толпу, — они-то и действовали в согласии с законом и в интересах закона . . . Самый простой путь не выпустить человека на суд — это признать его невменяемым . . . Насколько [известно] . . . в диагнозе у Виктора значатся «остаточные явления шизофрении», «остаточные явления сотрясения мозга», «базедова болезнь». Это последнее отнюдь не психиатрическое заболевание — то, чем Виктор действительно болен. В условиях Лефортовской тюрьмы болезнь его обострилась. Одним из оснований диагноза шизофрении в экспертизе указан «бред реформ». Итак, всякое частное несогласие с существующей системой, всякое высказывание о необходимости изменить ее и улучшить — если вас захотят объявить невменяемым, будет истолковано как «бред» . . . Суд по назначению Виктору Файнбергу принудительных мер медицинского характера состоялся 2 декабря 1968 г., председательствовал судья Монахов . . . Суд происходил без Файн-

берга... Может быть, судьи боятся увидеть перед собой не бумажку, а реального — и вдруг здорового? — человека? ... Суд, как и следовало ожидать, полностью повторил выводы экспертизы, признал Файнберга невменяемым и назначил ему принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа. В начале 1969 г. Виктор помещен в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу на Арсенальной улице... 15-летнего сына не пускают к Виктору на свидания как несовершеннолетнего... Виктора ограничивают в получении денег, так как он тратит их на выпуск газет и журналов...

В Москве передается — уже в марте 1971 г. — из рук в руки призыв, авторство которого приписывается двум заключенным в психиатрическую лечебницу при ленинградской тюрьме инакомыслящим. Они пишут, что их заставляют принимать лекарства для перемены их политических убеждений. Насчитывающий 1 000 слов документ, датированный 13 марта 1971 г., был передан оппозиционными кругами. К документу приложен текст телеграммы известного физика и борца за гражданские права, академика Андрея Сахарова, обвиняющего власти в «нарушении прав человека и медицинской этики». Телеграмма адресована министру внутренних дел, генерал-полковнику Николаю Щелокову. Два ленинградских узника — Владимир Борисов и Виктор Файнберг — пишут, что объявили голодную забастовку протеста против применения к ним лекарства «методон». Борисов и Файнберг заявляют, что, кроме использования этого лекарства, предназначенного для психического воздействия, тюремные власти производят давление на политических заключенных и другими методами. Им не позволяется ни читать, ни писать, размещают их с душевнобольными пациентами с преступными наклонностями и угрожают применить лечение электрошоком. «Медицина, одна из наиболее гуманных профессий, — говорится в призыве Борисова и Файнберга, — превращена в раблепную служанку исправительных учреждений режима при выполнении ими функций палача». «Таким образом, — говорится далее, — применением химических и физических средств воздействия нормальных людей превращают в сумасшедших, если они отказываются принять стандарт-

ные нормы режима или не желают провести всю свою жизнь с маской вполне удовлетворенного, смеющегося раба на лице». Борисов и Файнберг в своем призыве утверждают, что, противно закону, который ограничивает принудительное психиатрическое лечение двумя годами, людей держат в тюремных больницах по 15 лет. Политических заключенных держат «до тех пор, пока они не откажутся от своих убеждений». «Иначе говоря, люди, которые отказываются пойти на сделку со своей совестью, осуждаются на вечное заключение».

Присоединившись к этому протесту, академик А. Д. Сахаров потребовал от министра внутренних дел, чтобы он «тотчас же вмешался для спасения здоровья и достоинства этих людей». «Прошу вас, — помогите покончить с этим нарушением прав человека и медицинской этики в деятельности психиатрических учреждений».

ПРОЦЕСС КВАЧЕВСКОГО, ГЕНДЛЕРА И СТУДЕНКОВА

(Из письма Л. П. Нестора)

26 декабря 1968 г. Ленинградский городской суд, рассмотрев дело в открытом судебном заседании, вынес приговор по делу Квачевского, Гендлера и Студенкова. Так как вместимость зала суда была ограниченной, некоторые лица, желавшие получить информацию о ходе правосудия, не имели к тому возможности. До настоящего времени ленинградские газеты не нашли места на своих страницах рассказать об этом процессе... Подсудимые — люди в возрасте от 30 до 35 лет. Арестованы между 1 и 17 августа 1968 г. Квачевскому инкриминировалась ст. 70 УК РСФСР, т. е. антисоветская агитация и пропаганда; он приговорен к 4 годам лишения свободы. Гендлеру инкриминировалась ст. 70 и ст. 158, т. е. незаконное изготовление спиртных напитков (самогона); он приговорен к 3 годам лишения свободы. Студенкову инкриминировались ст. ст. 70, 158 и 196, т. е. подделка документов; он приговорен к 1 году лишения свободы. Квачевский виновным себя не признал; Гендлер и Студенков признали и раскаялись. Квачевский от защитника отказался; Гендлера защищал адвокат В. Б. Ромм; Студенкова — Г. М. Шафир. Председатель суда — Карлов. Процесс начался 17 декабря.

В первый день суда сложилось впечатление, что в зал суда могут попасть почти все, кто хочет. Во всяком случае, в зале суда находились и заведомо случайные лица, и специально интересовавшиеся этим частные граждане, и представители, делегированные общественно-официальными органами, и лица в штатском. Но все-таки некоторым, рвавшимся на процесс, не дали туда попасть... Были... случаи непропускания лицами в штатском... На первом заседании суда... подсудимый

Квачевский отказался от своего защитника Линде... Мотивировка была следующая: позиция подзащитного и позиция адвоката существенно расходятся. У Квачевского нет спора со следствием в части фактов («Я признаю [не все] те факты, которые установлены следствием, но совершенно расхожусь со следствием по части выводов, сделанных из этих фактов, поэтому, поскольку обвинение основывается на выводах, сделанных им, обвинением, постольку я ни в какой мере не могу признать себя виновным»; поэтому для оспаривания фактов ему адвокат не нужен). Что же касается защиты своей позиции, то он, Квачевский, полагает, что сумеет защитить свою позицию не хуже, чем адвокат... Суд удовлетворил ходатайство подсудимого Квачевского об отказе от защитника... Второй день суда... [В зал] не пустили также... многих (в том числе... москвичей), приехавших задолго до начала процесса... У двери из коридора в проходную комнату, за которой помещался зал суда... повелевал блондин средних лет в штатском... На требование ответить, почему он не пускает, кто он такой, он внушительно произнес: «Здесь вопросы задаю я!» — и, действительно, всех расспрашивал, не родственники ли они подсудимых, зачем хотят попасть в зал и т. д. ... «Вы же понимаете, зал маленький, всех пустить невозможно. А тут еще приехали из Москвы с целью выразить подсудимым сочувствие и поддержку. Мы не можем создавать такую обстановку, чтобы обвиняемые чувствовали себя героями, ощущая поддержку. Ну, этих из Москвы мы, конечно, не пустили»... В этот день в зале суда люди в штатском вполголоса говорили всякому, пытавшемуся писать, что «это не полагается». Более того, за некоторыми, выходявшими из зала суда и начинавшими рассказывать не бывшим там о происходившем, шли «в штатском» и, отзывая в сторону, объясняли, что «этого делать не следует»...

В этот день заслушивались объяснения подсудимого Гендлера. Первый пункт предъявленного ему обвинения: знакомство с гидом Американской промышленной выставки 1964 г. Екличем, от которого Гендлер получил несколько «антисоветских книг», в частности, «Новый класс» М. Джиласа. Названия других книг, объявленных «антисоветскими», неизвестны в точности, одна назы-

валась что-то вроде «Коммунизм в России». Тогда же ГБ изъяла у Гендлера эти книги, проводила с ним профилактическую разъяснительную беседу, и Гендлер раскаялся, обещал «этим никогда в жизни не заниматься больше». В течение 2 лет Гендлер свято соблюдал ...клятву (весь этот эпизод он полностью признал). В 1966 г. Гендлер вступил в преступную связь с Квачевским, Фридманом, Фрейдиным, Даниловым, Шишенковым и др. Это — инженеры и т. п. средних лет, семейные, сблизившиеся на почве игры в преферанс. Впрочем, сам Гендлер — юрисконсульт, а Данилов — бывший гебист, работавший в Комиссии по реабилитации с 1956 по 1962 год, когда Данилов ушел из ГБ. Так вот, с этими лицами Гендлер устраивал «нелегальные сборища». Термин «нелегальные сборища» Гендлер не признал, пояснив, что никакой конспирации в этих систематических встречах не было, о встречах договаривались по телефону (по вторникам встречались в комнате Гендлера, по пятницам — в комнате Квачевского; оба жили в коммунальных квартирах), на встречи мог прийти любой человек и говорить или слушать что угодно: дверь была открыта. Обвинением утверждалось, что во время «нелегальных сборищ» подсудимые и другие лица (в отношении Владимира Фридмана, Марка Фрейдина и Ефима Барбана вынесено постановление о непривлечении: «Установив, что означенные лица вели антисоветскую деятельность, считать нецелесообразным привлекать их в настоящее время к уголовной ответственности», а в отношении Данилова и Шишенкова суд еще в ноябре вынес определение об их принудительном лечении «как душевнобольных») читали, обменивались и распространяли «антисоветскую литературу», к каковой причислен в основном «Самиздат», «Технология власти» Ибрагима Авторханова, сборник «Мосты», сборник «Новый град» и кое-что еще. Распространялись как типографски изданные книги, так и их микрофильмы, и, кажется, машинописные списки... Обвинением упоминалась также связь с «Русской партией» (она же «Христианско-социалистическая партия») Огурцова-Вагина. Кроме того, во время суда над Огурцовым, Садо, Аверочкиным и Вагиным... Гендлер и Квачевский пытались проникнуть в зал суда... Ближе к 1968 г. в «сборищах» начали принимать

участие Любанский, Барбан, Студенков и др. В этот же период подсудимые приняли участие в получении из Москвы (Литвинов и др.) ряда произведений, в посылке туда же ряда произведений. В частности, инкриминировалось размножение и распространение выпусков «Год прав человека в СССР. Вып. № 2», распространение манифеста Марченко, письма Григоренко, организация сбора подписей под письмами-протестами (в связи с процедурой суда над Гинзбургом и Галансковым): письмо десяти, письмо 170-ти, письмо школьников Литвинову и др. Одно из писем-протестов Гендлер, будучи в Москве, подписал сам и за Квачевского по его уполномочию. Наконец, 30 июля на квартире у Квачевского и 1 августа на квартире у Гендлера они собрались для выработки письма в Чехословакию «в поддержку антисоциалистических стран». Кстати, именно тогда большинство из них и было арестовано работниками милиции, явившимися на квартиру Гендлера с обыском по неподтвердившемуся ... [обвинению] Гендлера в якобы незаконной установке телефонных аппаратов им частным лицам (... Исключая Гендлера, Квачевского и Шишенкова, прочие задержанные на квартире были освобождены 3 августа) ... Кроме того, Гендлеру инкриминировалось то, что он, воспользовавшись самогонным аппаратом оригинальной конструкции, изобретенным Студенковым, доставил для этого аппарата 10 кг. сахара и пил означенный самогон в компании, возил... для личного употребления... (Прокурор Досугов бил в тазик, как в вещественное доказательство). Гендлер признал себя виновным по всем пунктам обвинения. Относительно самогона высказался: «Мы люди бедные, чтобы водку покупать».

После допроса Гендлера в тот же день допрашивался Квачевский. Ему инкриминировалось, что в 1964—65 гг. вел у себя на квартире «антисоветские разговоры», «призывал к свержению советской власти»... Квачевский это обвинение отрицал. В 1965 г. Квачевский возобновил знакомство с Ронкиным и Хахаевым, с которыми виделся за 2 дня до их ареста, получив от них книгу Ронкина «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», журнал ронкинской группы «Колокол» (в нумерации продолжавший нумерацию Герцена), причем материалы эти Квачевский «с целью распространения» от-

правил своему отцу в деревню Рославль. С Ронкиным Квачевский был знаком с 1957 г., учась в Технологическом институте. Далее, в 1966 г., познакомившись через Фридмана с Гендлером, Квачевский принимал участие в описанных «нелегальных сборищах». В этой связи Квачевский отрицал нелегальный характер встреч, равно как и их антисоветский характер. В части «преступных контактов с Москвой», Квачевский настаивал на вызове свидетелей из Москвы, в чем ему было отказано... В 1968 г. Квачевский принимал участие в распространении анкеты, задуманной Литвиновым: анкета, обращенная к бывшим политзаключенным, и состоявшая из вопросов, касавшихся процедуры осуждения, следствия, этапирования, содержания в лагерях и тюрьмах, эффективности «системы перевоспитания» и т. д. Обвинение называло эту анкету «тенденциозной подборкой вопросов»... Кроме того, Квачевскому специально инкриминировалось «Открытое письмо к Чаковскому», посланное им после появления в «Литературной Газете» статьи Чаковского «Ответ ленинградцу». Квачевский в нем довольно резко разбирает моральный и умственный уровень упомянутой статьи. Кроме составления «письма антисоциалистическим силам», Квачевскому вменялся еще призыв к организации демонстрации-протеста, буде советское правительство осмелится ввести войска в Чехословакию. Ему, конкретно, инкриминировалась фраза: «Если войска будут введены, то, если будет демонстрация в Москве, я приму в ней участие. Если же к той демонстрации не удастся примкнуть, то хорошо бы организовать демонстрацию у нас в Ленинграде». Эту фразу Квачевский отрицал. Все остальные факты он признавал, отрицая их антисоветский характер. Наконец, Квачевскому инкриминировалась... «клевета на В. И. Ленина», выразившаяся в «недооценке его философских трудов». Квачевский заявил, что Плеханов — более глубокий философ, нежели Ленин. Эту фразу Квачевский повторил на судебном заседании. В части «попытки проникнуть» на суд группы Огурцова-Вагина Квачевский подтвердил, что, действительно, интересовался процедурой суда. Но, отрицая какую бы то ни было связь с этой группой, заявил, что и цели, и формы борьбы, предлагаемые ими, насколько они ему известны, ему чужды и неприемлемы.

Последним в этот день допрашивался Студенков. Он «вступил в преступную связь» с прочими в 1967 г., «находясь под непрерывным разлагающим влиянием Гендлера»... Участие его было случайным. Он бывал на «сборищах» изредка. Принимал участие в изготовлении микрофильма со сборника «Мосты»... Кроме того, Студенков хранил у себя «Технологию власти» Ибрагима Авторханова, участвовал в подписании одного из протоколов... Наконец, перед поездкой на юг, он переклеил на 5 студенческих билетов и на 1 паспорт фотографии нужных лиц, по этим поддельным документам группа лиц получила билеты с 50% скидки, «нанеся ущерб государству в 540 руб.» Студенков признал себя виновным во всем и выразил глубокое раскаяние...

[Третий, четвертый и пятый дни были посвящены допросу свидетелей (41 свидетель)].

На следующем заседании суда начались уже прения сторон... Прокурор Досугов начал с рассказа о политическом положении в стране и в мире, об идеологической борьбе двух систем. В этой связи он произнес: «Вот опять уже чьи-то нечистые руки передали информацию на Запад, и имена подсудимых звучат в эфире»... Государственный обвинитель выразил надежду, что Гендлер, искренне раскаявшийся и помогший следствию и суду чистосердечными показаниями, возможно, понял свои ошибки: поэтому прокурор полагал бы нецелесообразным назначить длительный срок лишения свободы для Гендлера... Поскольку прокурор считает Квачевского наиболее социально-опасным, поскольку Квачевский не выказал раскаяния и не видно, чтобы следствие или суд оказали на него влияние, поскольку на суде ведет себя Квачевский возмутительно, — постольку государственный обвинитель полагал необходимым лишить Квачевского свободы на срок до шести лет. Что же до Студенкова, то, поскольку участие его было довольно случайным... учитывая научное значение работ Студенкова — постольку государственный обвинитель полагал бы ограничиться для Студенкова полутора годами лишения свободы...

После [защитников] слово для защитительной речи было предоставлено Квачевскому. Он начал с того, что поблагодарил суд за объективное ведение процесса, за-

явил, что следствие велось тоже, в общем-то, вполне объективно, но, к сожалению, следователь сделала из его показаний совершенно не те выводы, которые надлежало сделать... По первому эпизоду обвинения — антисоветские разговоры в 1964—65 гг. — Квачевский сказал, что в это время он готовился к сдаче кандидатского минимума по философии и, поэтому, естественно, разговаривал дома на философские темы. Но высказывался он без навязывания кому бы то ни было своих мнений, пропаганды не вел, а просто выдвигал некоторые тезисы, иногда спорные, иногда бесспорные. Перечисляя тех философов, которых он читал и ценит, как философов, Квачевский сказал: «Плеханов, Кунов, Каутский, Энгельс, да — и Ленин». Подтвердил, что по его мнению Плеханов, как философ, стоит значительно выше Ленина, вообще он Ленина не считает философом высокого класса, но не видит в этом мнении ничего преступного, тем более — антисоветского.

Переходя к эпизоду обвинения относительно выступления на философском семинаре НИИПП, Квачевский разъяснил, в чем состояли его разногласия с официальной точкой зрения. Он указал, что не считает, — вопреки В. И. Ленину, — будто капитализм в настоящее время является гнивающим. «Утверждаю это не я один, а присоединяюсь к мнению акад. А. Д. Сахарова». По эпизоду с получением и передачей произведений группы Ронкина, Квачевский сказал, что знакомство его с Ронкиным было довольно-таки мимолетным, что с программой группы Ронкина он был знаком, согласен с ней не был, считал ее неверной. Однако, получив ее в руки, пожалел уничтожать произведения, которые стоили своим авторам немалого труда... Вторым мотивом сохранения произведений Ронкина явилось убеждение Квачевского в том, что всякие мысли, даже ошибочные, имеют значение и важны в общественно-политическом движении... «В чем меня обвиняют в основном? — задал он вопрос, переходя к следующему эпизоду. — В составлении, распространении документов, протестов и т. д. Прежде всего я хочу подчеркнуть, что я с большим уважением отношусь к моим московским друзьям — Павлу Михайловичу Литвинову, Ларисе Даниэль-Богораз, Делоне, Дремлюге, Бабицкому. Это — люди с чистым сердцем, благородные

и действовавшие на благо стране. Я был убежден, — и остаюсь убежденным до сих пор, — что все протесты, которые я составлял, в основном по делу Гинзбурга-Галанскова, основательны, потому что обвинение не представило ни одного факта, опровергавшего бы мое мнение. Может быть, я неправильно расценил отдельные факты; может быть, судья Миронов, когда он кричал и топал ногами на свидетелей, не кричал, а это просто такая его манера разговаривать. Может быть, когда Перкуненко выталкивал из зала женщину, он не знал, что она в это время ждет ребенка... Но факты эти имели место, и обвинение не представило никаких доказательств, что этих фактов будто бы не было...

Что касается письма Григоренко о крымских татарах, то Квачевский полагал, что, если факты, изложенные в этом документе, соответствуют действительности, то эту политику можно назвать политикой геноцида, как она там и названа. Обвинение же никак не доказало, будто факты, изложенные там, ложны. Аналогично Квачевский отозвался о речи Григоренко, посвященной юбилею Костерина. Квачевский не признал вменяющуюся ему литературу антисоветской. «Может быть, подборка этой литературы в какой-то мере тенденциозна, но я считаю, что человек имеет право читать любую литературу, если это его интересует, и не вижу в этом состава преступления». Признавая факт получения от Гендлера ряда книг, Квачевский не расценивал это как антисоветскую пропаганду и агитацию.

Касательно обвинения в написании письма Чаковскому, Квачевский признал факт написания этого письма, выразился, что «и до сих пор я считаю, что Чаковский своей статьей 'Ответ ленинградцу' унизил звание писателя», и не признал ни содержание письма, ни факт его отправки подпадающим под квалификацию ст. 70 УК. Говоря о намерениях писать письмо о Чехословакии, Квачевский заявил, что «мы, естественно, были очень озабочены событиями в Чехословакии. Мы не считали, что там действуют только антисоциалистические силы. Мы очень беспокоились, чтобы не повторилась трагедия Венгрии, когда произошло кровопролитие, чтобы туда не были введены наши войска. И, естественно, если бы я был на свободе в дату, когда туда были введены наши

войска, я бы тоже вышел на демонстрацию в Москве. Разговор о проведении демонстрации в Ленинграде не было». Он сделал вывод, что его деяния не могут быть квалифицированы по ст. 70 УК. «Я прошу суд оправдать меня. Я прошу не милосердия суда, а справедливого приговора об оправдании».

После речи Квачевского отдельные свидетели в зале суда зааплодировали. Присутствовавшие в штатском выразились: «Ну, эти ничему не научились».

... Складывалось впечатление, что все, интересовавшие следствие, факты были известны следствию уже до допросов и чуть ли не до ареста ...

Суд признал подсудимых виновными во всех обвинениях, предъявленных им, квалифицировал их по тем статьям, по которым квалифицировало их деяния УКГБ... и приговорил: Студенкова к 1 году лишения свободы в лагерях строгого режима, Гендлера — к 3 годам лишения свободы в лагерях строгого режима, Квачевского — к 4 годам лишения свободы в лагерях строгого режима ...

ДЕЛО БОРИСА КОЧУБИЕВСКОГО

В начале декабря 1968 г. в Киеве арестован 30-летний радиоинженер Борис Кочубиевский. В 1967 г. он выступил на лекции о международном положении, которую читали на радиозаводе, где он работал, спорил с лектором и выражал свое несогласие с оценкой действий Израиля в 6-дневной войне как агрессии. После этого его обсудили на завкоме профсоюза и предложили уйти «по собственному желанию». Он отказался, и только после того, как его почти год всякими методами «уходили», ушел в мае 1968 г. В июне 1968 г. он женился на студентке IV курса пединститута, а в августе подал заявление с просьбой выпустить его в Израиль. В сентябре такое же заявление подала его жена, русская по национальности. Ему отказали, ввиду «отсутствия дипломатических отношений», ей — из-за того, что у нее в Киеве «престарелые родители». После этого Ларису Кочубиевскую исключили из комсомола за «сионизм». Из института ее исключили не сразу, долго уговаривали развестись, пуская в ход самые черносотенные аргументы: так, зам. декана Гроза на единственный и искренний аргумент молодой женщины — «я его люблю» — отвечала почти дословно следующее: «У меня подруга замужем за евреем и говорит, что евреи пахнут. Вы его любите, вам ничего, а туда приедете — там вся страна пахнет». Родители Ларисы: отец — работник КГБ, мать — заслуженная учительница — отреклись от нее.

29 сентября в Киеве состоялся официальный митинг в Бабьем яру . . .

Киевские власти заменили официальным фестивалем традиционный митинг у памятника Шевченко. Точно так же они заменили официальным ежегодный митинг в Бабьем яру. Официальные ораторы, в основном, занимались тем, что осуждали агрессию Израиля, а также

говорили достаточно общие фразы о фашистах, которые убивали советских людей, — без указания, что большинство убитых были евреи. К Борису Кочубиевскому подошел знакомый и рассказал о разговоре, который он только что здесь услышал: *Мужчина*: Что здесь происходит? *Женщина*: Здесь немцы убили сто тысяч евреев. *Мужчина*: Мало. Борис вспыхнул, заявив, что они будут так говорить, если с официальных трибун именно в этот день и в этом месте осуждают «израильскую агрессию» и ни слова не говорят о том, что убивали здесь евреев. К нему тотчас подошел человек, желающий поспорить, и сказал, что здесь убиты не только евреи. Борис возразил, что евреи убиты только за то, что они — евреи. Он стал говорить о том, что его не выпускают в Израиль, и рассказал историю своей семьи. Один из его родственников служил в еврейском министерстве при Центральной Раде и был расстрелян как петлюровец. Другой был комиссаром в конце 30-х гг. и расстрелян «как троцкист». Третий, адмирал, расстрелян тогда же в результате одного из процессов над военными. Бабушка и дедушка Бориса уничтожены в Звенигороде националистической бандой после отступления советских войск, еще до прихода немцев. Его отец — убит немцами — может быть, здесь же, в Бабьем яру. «В этой стране, — сказал Борис, — меня никто не считает своим. Я хочу ехать туда, где меня будут считать своим».

В ноябре Борису и Ларисе Кочубиевским дали разрешение на выезд в Израиль. 28 ноября они должны были прийти с документами в ОВИР. Утром этого дня у них сделали обыск и взяли с них подписку о невыезде. В протоколе указано, что обыск произведен «на предмет изъятия документов, писем и т. д.» — без указания содержания документов. При обыске были изъяты только копии писем Кочубиевского в официальные инстанции. Примерно 7 декабря Борис Кочубиевский был арестован по обвинению в распространении в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй — ст. 187¹ УК УССР. Ему инкриминируется: выступления на лекции о международном положении; выступление на завкоме радиозавода; его высказывания в Бабьем яру; «речи» (?), которые он произносил в ОВИР'е. 20 января следствие было за-

кончено, и дело передано в суд, но суд вернул дело на следствие, ввиду недоказанности умысла на распространение. Одним из основных свидетелей по делу является тот самый неизвестный человек, который подошел к Кочубиевскому в Бабьем яру, провоцируя его на спор. Кроме того, показания против Кочубиевского дал ряд свидетелей-евреев, в том числе две жертвы Бабьего яра, действующие лица книги Анатолия Кузнецова [Анатолия] «Бабий яр». Один из них, Давыдов, написал на Кочубиевского донос в КГБ (но на суде не выступал). Многие же из тех, кто присутствовал при «выступлениях» Кочубиевского и мог бы выступить свидетелем защиты, сами хлопчут о выезде в Израиль и не хотят помешать себе.

Кочубиевский... судим 13—16 мая 1969 г. в Киеве, осужден на 3 года лагерей по ст. 187¹ УК УССР, суд происходил при отобранной КГБ публике, прокурор грубо обрывал подсудимого, главным пунктом обвинения было выступление Б. Кочубиевского в защиту Израиля.

ПРОЦЕСС ИЛЬИ БУРМИСТРОВИЧА

Народный суд Тимирязевского района г. Москвы... 21 мая 1969 г. Лаврова Л. И. — судья. Талдыкин и Зазулин — народные заседатели (промолчали все заседание). Бабенко — прокурор. Он же прокурор по надзору за следствием, проводимым органами госбезопасности. Поздеев Ю. В. — адвокат.

Бурмистрович Илья Евсеевич — подсудимый, 1938 г. рожд., еврей, высшее образование (окончил мех. мат. МГУ), кандидат физико-математических наук, в момент ареста (16 мая 1968 г.) работал в Институте методов обучения (название приблизительное) АПН, женат. Жена — Кислина Ольга Семеновна, биолог, работает в Институте вирусологии (название приблизительное). Дочь Яна 2 лет. Бурмистрович был арестован... в момент получения от машинистки копии сокращенной записи процесса над Синявским и Даниэлем... Копия обвинительного заключения была вручена Бурмистровичу 13 февраля 1969 г. 19 февраля 1969 г. был назначен суд. Бурмистрович был уже приведен в зал суда, но в последний момент суд был отложен «по болезни судьи». Свидетели обвинения: Багатурьянц Александр Александрович, химик, кандидат наук, работает в Институте элементоорганических соединений. Багатурьянц Надежда Филипповна, его жена. Турундаевская Ирина Григорьевна, математик, бывшая однокурсница Бурмистровича. Турундаевский Виктор Борисович, ее муж, математик, член КПСС. Свидетели защиты: Кислина Ольга Семеновна, жена Бурмистровича. 9 ч. 20 м. — небольшой зал на 15 мест... почти полностью заполнен специально приглашенными людьми. 9 ч. 55 м. — в зал пустили родственников и друзей Бурмистровича. 10 ч. 37 м. — заседание начинается.

Обвинительное заключение: Установлено, что Бурмистрович, зная антисоветскую направленность произведе-

дений Синявского и Даниэля, распространял их произведения, опорочивающие и осмеивающие советский общественный и государственный строй. Конкретно: 1. В ноябре-декабре 1967 г. на квартире Турундаевской передал ей сборник Даниэля и статью Синявского «Что такое социалистический реализм». На предварительном следствии Турундаевская показала, что с этими произведениями познакомился и ее муж. При обыске на квартире Бурмистровича этот сборник Даниэля был найден. 2. В декабре 1967 г. — январе 1968 г. Бурмистрович на квартире Багатурьянца передал ему тот же сборник Даниэля. 3. В январе-феврале 1968 г. Бурмистрович передал Багатурьянцу статью Синявского «Что такое социалистический реализм» и просил размножить ее в максимальном числе экземпляров. 4. В феврале-марте 1968 г. Бурмистрович передал Багатурьянцу повесть Синявского «Любимов». С этой повестью ознакомилась и жена Багатурьянца. На предварительном следствии Бурмистрович не признал себя виновным, вел себя неискренне, утверждая, что он не понимает, что означает слово «клеветническое», пытался передать на волю записку, в которой было написано: «Я не колюсь» [т. е.: «Я не признаю себя виновным и не даю опорочивающих меня показаний»]. На основании ст. 190¹ УК РСФСР Бурмистрович обвиняется в том, что он, заведомо зная клеветническую, антисоветскую сущность произведений Синявского и Даниэля, систематически распространял эти произведения, порочащие советский общественный и государственный строй, а также передал для размножения статью Синявского «Что такое социалистический реализм».

Судья: Вам понятно обвинение?

Бурмистрович: Нет.

Судья: Вы признаете себя виновным?

Бурмистрович: Я могу ответить на этот вопрос только если мне разъяснят обвинение: что такое «клеветнические измышления»... Я хочу объяснить, что мне непонятно в обвинительном заключении...

Судья: По закону правом требовать разъяснения обвинительного заключения могут пользоваться малограмотные, а вы кандидат наук. Значит, вы согласны отвечать суду? ... Подсудимый, объясните суду ваши действия. Где брали произведения Синявского и Даниэля, у

кого их брали, кому и когда передавали? Нас интересуют только факты.

Бурмистрович: Почему мне непонятно обвинение? Во-первых, означает ли обвинение, что я хотел обмануть своих знакомых насчет советского общественного и государственного строя?

Судья: Вопросы суду вы задавать не имеете права...

Бурмистрович: Во-вторых, как известно, существуют утверждения, которые не являются ни истинными, ни ложными. Правильно ли, что распространение таких утверждений не подлежит ответственности по ст. 190¹? В-третьих, мне неясно, какие утверждения порочат, а какие не порочат советский общественный и государственный строй. Я прошу указать мне критерий для решения этого вопроса. Эта моя просьба вызвала возмущение на предварительном следствии. В-четвертых, в обвинительном заключении говорится об измышлениях, содержащихся в произведениях Синявского и Даниэля. Я прошу разъяснить мне, что означает, что то или иное утверждение содержится в данном произведении. Целый ряд утверждений, о которых говорится в приговоре по делу Синявского и Даниэля, не содержится в их произведениях. Например, в приговоре говорится о том, что в рассказе Даниэля «Искушение» содержится утверждение, что у нас в стране несправедливо обвиненный не может добиться своего оправдания. Прошу указать, в каких словах этого рассказа содержится это утверждение? В-пятых, прошу про каждое из произведений, распространение которых ставится мне в вину, указать — отдельно про каждое — какое в нем содержится измышление. Кроме того, Синявский и Даниэль обвинены по ст. 70 УК РСФСР. В приговоре по их делу сказано, что их произведения написаны с антисоветских позиций, но ни о каких измышлениях ничего не говорится... В июле-августе 1967 г. в Москве происходил Пятый кинофестиваль... Около кинотеатра «Россия» я познакомился с человеком по имени Петр... Осенью 1967 г. он дал мне прочитать несколько произведений Синявского и Даниэля, напечатанных на машинке... Встречались мы чаще всего у метро «Киевская»...

Судья: Что вы получили от Петра?

Бурмистрович: Были произведения Синявского и Даниэля, письмо Якубовича, политическая биография Сталина, материалы по процессу Гинзбурга и Галанскова . . .

Судья: Знали ли вы, что эти произведения [Синявского и Даниэля] были изданы за рубежом?

Бурмистрович: Знал . . .

Судья: Думали ли вы, почему у нас не были изданы эти произведения Синявского и Даниэля?

Бурмистрович: Не думал. Считаю, что многие из этих произведений могли бы быть изданы у нас, а если по совести, то все произведения . . .

Судья: Были ли те произведения, о которых вы читали, осуждены на процессе?

Бурмистрович: Я не знаю, не помню. Я не знаю, за что именно осудили Синявского и Даниэля. Я хотел выяснить, за какие произведения их судили.

Судья: Вы что — считали, что приговор неправилен?

Бурмистрович: Я хотел сам выяснить и убедиться, правилен ли он.

Судья: Следовательно, нашей печати вы не доверяете?

Бурмистрович: Я помню, что авторы статей не договаривали свои мысли до конца, неясно их излагали . . .

Судья: Просили ли вы [Багатурьянца] размножить «Что такое социалистический реализм»?

Бурмистрович: Эту статью — нет. Другие материалы — да . . . Материалы по процессу Гинзбурга и Галанскова; стихи Цветаевой, Манделъштама . . .

Судья: Известно ли вам, что эти материалы [Синявского и Даниэля] печатались на Западе, передавались по зарубежному радио?

Бурмистрович: Западное радио я не слушал. Были ли напечатаны на Западе — не знал.

Судья: Этот экземпляр [«Любимова»] вы получили от Петра? (Показывает).

Бурмистрович: Кажется, этот.

Судья: Здесь есть предисловие. Вы читали его?

Бурмистрович: Да.

Судья: Вы этот сборник Даниэля передавали Турундаевской?

Бурмистрович: Кажется, да. Но предисловие, к которому вы сейчас подбираетесь, я не читал, так как, по-

лучив сборник, я открыл его на повести «Говорит Москва», прочитал ее и лишь потом начал читать сначала. Дойдя вторично до этой повести, я думал, что я уже все прочел. С предисловием я ознакомился уже в ходе предварительного следствия.

Судья: Кто такой Филиппов?

Бурмистрович: Не знаю.

Судья: Как он оценивает «Говорит Москва»?

Бурмистрович: Хвалит. Точно не помню . . .

Судья: Сейчас, когда вы ознакомились с приговором, как вы считаете: они [произведения Синявского и Даниэля] содержат клевету на советской строй?

Бурмистрович: Думаю, что нет . . .

Судья: В приговоре их произведениям дана оценка. Сегодня вы согласны с этим приговором?

Бурмистрович (после паузы, с жаром): Нет ! . .

Судья: . . . Что вам печатала Лашина?

Бурмистрович: Повесть Булгакова «Собачье сердце», воспоминания Цветаевой о Волошине «Живое о живом», обзор писем «Как читают ,Ивана Денисовича'», запись суда над Синявским и Даниэлем . . .

Адвокат: Почему произведения Кафки, Джойса, Киплинга, Экзюпери, Горького, Короленко, Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой и других интересовали вас в «Самиздате», а не в обычном виде?

Бурмистрович: Я с удовольствием бы читал и в обычном виде . . .

Адвокат: У вас есть научные труды? Сколько?

Бурмистрович: Есть. По-моему, шесть.

Адвокат: Девять. Видите, Бурмистрович плохо помнит. У него 9 научных трудов . . .

Судья: Запишите Бурмистровичу замечание в протокол за то, что он оглядывается на публику . . .

[Допрос свидетелей. Свидетель обвинения А. А. Багатурьянц, говоривший, между прочим, о том, что он перепечатывал произведения Синявского и Даниэля, потому что ему «понравились эти произведения. Я хотел их иметь у себя. Поэтому я оставил себе 2 экземпляра. Один экземпляр я собирался передать Гамбарян. Она дала мне почитать ,Говорит Москва'», — был тоже допрашиваем о предисловии к книге Даниэля. Багатурьянц, бывший член комитета ВЛКСМ института, хотя на суде,

в результате давления на него судьи и прокурора, и называет произведения Синявского и Даниэля «вредными», но — по словам его жены, свидетельницы обвинения Н. Ф. Багатурьянц, «много печатает», в том числе и произведения «Самиздата». А Бурмистрович «одержим идеей распространения 'Самиздата', считая, что люди должны 'знать все'». Свидетельнице произведения Синявского и Даниэля понравились. Она не считает их антисоветскими. Даже донесшая в КГБ на Бурмистровича свидетельница Турундаевская говорит, что ей понравились произведения Синявского и Даниэля].

Прокурор: Вы писали в КГБ?

Турундаевская: К сожалению, да.

Судья: «К сожалению?»

Турундаевская: Меня несколько раз оскорбили там. Сказали, что если я не напишу, то никогда не выйду оттуда... [Свидетель обвинения, член КПСС Турундаевский, тоже не считает произведения Синявского и Даниэля прямо антисоветскими: «Так нельзя судить произведения. Смотря кто их читает»... «Некоторые моменты в этих произведениях неправильно освещаются... Краски в них сгущаются». Но не больше.] ...

Последнее слово Ильи Бурмистровича:

Граждане судьи! Вы судите меня за распространение лжи, а я больше всего на свете хотел знать правду. Я вообще интересовался историей литературы и захотел узнать правду о процессе Синявского и Даниэля, и сам прочесть произведения, за которые их судили. Я давал произведения Синявского и Даниэля Турундаевской и Багатурьянцу не потому, что я хотел распространять клевету, а потому, что они, как и я, хотели знать правду. Допрос свидетелей показал, что я не принес им вреда. Вы и сами знаете, что судите меня не за те преступления, которые вменяются мне в вину. Дело, которое вы сегодня рассматриваете, очень незначительно, оно затрагивает непосредственно всего 2—3 человек, но решение ваше не становится от этого менее важным. Граждане судьи! Вы меня оправдаете! Сейчас мне вменяется в вину распространение 5 «клеветнических» произведений. Во время следствия их было 6. Поводом для ареста послужили не произведения Синявского и Даниэля, а попытка напечатать запись про-

цесса над ними. Очень характерно, что эту запись, на которую здесь ссылались, как на достоверную, следователь Сергеев назвал клеветнической. Получается страшное недоразумение. Основное противоречие я вижу в том, что, под видом борьбы с распространением произведений Синявского и Даниэля, борются с распространением всех произведений вообще. Под видом борьбы с распространением клеветы, борются с тем, чтобы люди знали правду. Я бы еще понял, если бы прямо сказали, что это правда, но она вам вредна, а не приклеивали бы ярлыки «идеологически невыдержанный», «идеологически вредный». Возникает вопрос: может ли правда быть идеологически вредной? Этот вопрос сейчас является основным. Я уверен, что наше государство достаточно сильно, чтобы выдержать любую правду. Граждане судьи, вы меня оправдаете! Вам нелегко будет оправдать меня, прежде всего потому, что год, который меня держали в тюрьме, придется объяснить, по меньшей мере, ошибкой, и потому еще, что следствие вело КГБ и обвинение поддерживал прокурор Союза.

Граждане судьи! От вас сейчас многое зависит. От вас зависит, будете ли вы способствовать возрождению атмосферы всеобщего страха. Я уверен, что суровый приговор принесет больший вред нашему строю, чем то, за что меня судят. Вы сейчас удалитесь в совещательную комнату, и там с вами будет только закон. Я много думал, граждане судьи, о том, что вам сегодня скажу. Я целый год готовился к этому дню и, главное, что я хочу сказать: не надо бояться...

22 ч. 45 м. *Из приговора:* ... Суд постановил, что Бурмистрович является виновным по ст. 190¹ УК РСФСР. Учитывая общественную опасность и данные о личности подсудимого, считать необходимым избрать наказание в виде лишения свободы... Суд постановляет приговорить Бурмистровича И. Е., 1938 г. р., ... беспартийного, еврея, ранее не судимого, женатого, имеющего ребенка в возрасте 2 лет, к трем годам исправительно-трудовых лагерей общего режима. Срок исчисляется с момента задержания...

ДЕЛО ВИКТОРА КУЗНЕЦОВА

20 марта 1969 г. в г. Пушкино Московской обл. арестован Виктор Кузнецов. В. Кузнецову 33 года. Его отец был репрессирован и погиб, мать работает продавцом, жена — лаборантка, дети 5 и 8 лет. Кузнецов — художник-полиграфист. В марте 1965 г. он выступил в МГУ на диспуте «Цинизм в общественной жизни»... После диспута оперотрядчики схватили Кузнецова на улице и противозаконно обыскали его, а найденные у него бумаги передали в КГБ, после чего его несколько раз вызывали в КГБ и требовали объяснений на работе. В октябре 1966 г. В. Кузнецов выступил в Доме дружбы на конференции Интернационального студенческого дискуссионного клуба «Время и мысль». Тема дискуссии была «Проблема свободы в современном мире». Кузнецову удалось только рассказать о последствиях его предыдущего выступления, высказаться по теме ему не дали, закрыв диспут. После этого выступления его поместили принудительно в психиатрическую больницу на обследование, где он пробыл 2 месяца... Кузнецов имел обширную библиотеку «Самиздата». 20 марта 1969 г. у него был произведен обыск и изъяты: письмо «Репортаж из заповедника имени Берия», произведения Синявского, Даниэля и др. После обыска Кузнецов был арестован. 21 марта были произведены обыски у соседей и друга Виктора Кузнецова, Бориса Ефимова, у которого были изъяты 16 экз. составленного им, Ефимовым, проекта новой Конституции СССР, письмо за 86 подписями в Верховный Совет СССР с требованием ускорить ратификацию пактов и Декларации прав человека и т. д. Судебно-психиатрическая экспертиза Института им. Сербского в Москве признала невменяемым В. Кузнецова. Ему было предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР. Экспертизой руководил проф. Д. Р. Лунц.

16 июля 1969 г. Московский областной суд в закрытом заседании рассмотрел дело Виктора Кузнецова. Действия Кузнецова квалифицированы следствием по ст. 70 УК РСФСР. Содержание его действий: распространение произведений Синявского, Даниэля, Тарсиса, а также работы акад. Варги «Российский путь перехода к социализму» и письма Мороза «Репортаж из заповедника имени Берия». Стационарная судебно-психиатрическая экспертиза в составе... Лунца, Ландау и Печериной признала Кузнецова невменяемым с диагнозом «вялотекущая форма шизофрении» и рекомендовала направить его на лечение в психиатрическую больницу специального типа... Суд вынес определение о направлении В. Кузнецова в психиатрическую больницу специального типа... Еще до кассации, 23 августа 1969 г., Кузнецов был отправлен в Казанскую спецпсихбольницу.

ДЕЛО КРЫМСКИХ ТАТАР

5 августа 1969 г. в Ташкенте закончился суд над избранными представителями крымско-татарского народа, начавшийся еще 1 июля. Это — суд над ходоками, представителями крымско-татарского народа, которые имели поручение хлопотать в Москве о восстановлении республики крымских татар, уничтоженной Сталиным, и о предоставлении крымским татарам, — народу, находящемуся на спецпоселении в Узбекской ССР с 1944 г., — права возвращения на свою родину в Крым. Ходоки были выбраны демократическим путем и имели от своих избирателей подписанные мандаты. Эти представители выпускали («Самиздатом») в Москве информационный листок. Вот отрывки из *«Информации № 82 (новогодней) находящихся в Москве представителей крымско-татарского народа»*, 1 января 1969:

... Закончился 1968 год, объявленный Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом Прав Человека. Крымско-татарский народ надеялся, что правительство в этом году предпримет, наконец, какие-то шаги в деле решения его национального вопроса, хотя бы из соображений своего престижа. Но надежды наши не оправдались. Наш национальный вопрос не только не решен, но еще более обострился из-за суровых репрессий властей против крымских татар. В застенки КГБ брошены еще несколько наиболее мужественных и принципиальных борцов за народные интересы — Гафаров Ридван, Хаиров Изет, Кадыев Роллан, Баев Гомер, Бариев Айдер и многие другие. За день до начала Международной Конференции по Правам Человека в Тегеране, власти Узбекской ССР учинили жестокий погром над мирными гражданами крымско-татарской национальности в г. Чирчике. Отряды милиции, солдаты войск внутренней службы и

пожарные подразделения под руководством крупных начальников демонстрировали свою силу и ловкость на мирных гражданах — в большинстве женщинах и детях, собравшихся отметить наш национальный праздник весны. Это была попытка властей внушить крымским татарам мысль о том, что любое выражение ими своей национальной самобытности, выражение любви к обычаям и традициям своей родины — Крыма, будет сурово пресекаться. Напрасно представители крымских татар в Москве телеграфировали в ЦК КПСС и в другие высшие органы... КПССовские руководители не вняли голосу народных представителей. Организаторы массового террора не только не были наказаны, но с помощью нескольких судебных фарсов ответственность за все эти события была возложена на 10 жертв этого произвола... Еще не успела Советская делегация вернуться из Тегерана, где она подписала заявление, в котором говорится о необходимости усилить борьбу против расовой дискриминации... как в Москве (16—18 мая) были задержаны, избиты и насильственно вывезены в места принудительного поселения... [много] народных представителей, прибывших в Москву по поручению своего народа на собранные им средства, чтобы просить руководителей правительства ускорить решение крымско-татарского национального вопроса...

Массовые репрессии не испугали крымско-татарский народ. На каждое беззаконие народ отвечал массовыми протестами, многочисленными собраниями и митингами. Именно его сплоченность и твердая воля вызывает откровенную ярость тех, кто хотел бы сохранить порядок мрачных сталинских времен, когда кучка бездарных карьеристов и функционеров с безмерно раздутым идиологом во главе могла диктовать свою преступную волю скованному страхом советскому народу, могла по своему усмотрению распоряжаться имуществом, суверенной территорией и свободой целых наций и народов. Национальное движение крымско-татарского народа за равноправие в последнее время перешло в новую фазу. Мужество и непоколебимость крымских татар привлекло внимание передовой советской общественности, передовых людей Советского Союза, которым не безразлична честь своей страны и судьба ее народа. Все настойчивее

начинает звучать в поддержку нашего движения и голос мировой прогрессивной общественности. Теперь мы не одни. С этим правительству со временем придется считаться... События, происходящие ныне в мире, являются ярким подтверждением того, что никакая, даже сверхмощная сила не может сломить народ, каким бы он ни был малочисленным, если он един в мыслях и делах своих... Свои новогодние поздравления и наилучшие пожелания... шлют крымско-татарскому народу представители демократической общественности СССР — С. П. Писарев, П. Григоренко, П. Якир, В. Красин и многие другие.

Несмотря на то, что — в свое время, на закрытом заседании XX съезда КПСС, в речи «О культуре личности и его последствиях», — Н. С. Хрущев и говорил о сталинском геноциде, — этот геноцид все еще силен, все еще не изжит. Хрущев говорил: «... чудовищны акты, инициатором которых был Сталин, и которые являются грубым нарушением основных ленинских принципов национальной политики советского государства. Мы имеем в виду массовую высылку из родных мест целых народов, вместе с коммунистами и комсомольцами, без каких-либо исключений: эта высылка не была продиктована никакими военными соображениями».

Генерал-майор П. Григоренко, принимавший вместе с покойным писателем А. Костеринным живое участие в борьбе крымско-татарского народа за восстановление своей республики, получал большое количество писем от крымских татар с призывами выступить на защиту подсудимых в Ташкенте. В [начале 1969 г.] у него на руках [были] письма, подписанные более чем 2.000 человек. В связи с этим П. Григоренко направил письмо в прокуратуру УзССР, требуя, чтобы его пригласили на процесс в Ташкент в качестве общественного защитника... КГБ угрожал П. Григоренко немедленным арестом, если он осуществит свое намерение и поедет в Ташкент. *П. Григоренко распространил письмо с документами о депортации крымских татар и ее последствиях — «Суд не за горами»:*

Длительное время вопрос о последствиях зверской депортации крымских татар, о геноцидном характере этой акции, упорно замалчивался. Было негласно запрещено

упоминать, что существовало такое понятие, как спецпоселенец. Власти молча, но жестоко противодействовали стремлению крымских татар к восстановлению своего национального равноправия. Это вынудило их придать своей борьбе максимальную гласность... Международная общественность, особенно мусульманский мир, с возмущением заговорили о том, что в СССР маленькая нация подвергается жестокой дискриминации. В ответ на это последовало усиление репрессий против крымских татар. В тюрьмы и лагеря были отправлены сотни борцов за народное дело, в основном вновь народившаяся национальная интеллигенция. В войну и за время ссылок этот народ лишился почти полностью своей интеллигенции. Теперь она только-только обозначилась, но на нее снова обрушился удар. В настоящее время в тюрьме снова томятся 12 крымских татар, преимущественно молодые интеллигенты. Среди них Роллан Кадыев, недавно совершивший мировое открытие — одно из следствий общей теории относительности, так называемый отрицательный параллакс. Доклад привлек к себе исключительное внимание физиков и астрономов... В первых числах октября Роллан был арестован.

Обвинение обычное, предъявляемое всем крымским татарам, — распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Следствие на всех процессах доказательствами себя не утруждает. В Ташкенте, Ангрене, Чирчике, даже в самой Москве крымских татар подвергали незаконным погромам. Они пожаловались компетентным советским и партийным органам. Им не ответили на их многократные письма, под которыми собраны миллионы подписей. Тогда они начали рассказывать о всех незаконных гонениях общественности. Органы КГБ за это их арестовывают и, не прибегая к расследованию сообщаемых ими фактов, называют их клеветой и передают суду. Суд тоже ничего не расследует. Принимая голословные утверждения КГБ за доказательство, он осуждает ни в чем не повинных людей на длительные сроки заключения. Так обстоит дело и в готовящемся ныне процессе десяти в Ташкенте и подготовляемой расправе над инженером Гомером Баевым в Симферополе. Но на этот раз следствие совершило глупость, и мы по-

лучили возможность поймать преступников, искусственно создающих доказательства преступления, за руку. КГБ на сей раз решило не ограничиться голословным утверждением. Ему захотелось привести «объективные» доказательства, хотя бы по одному частному вопросу. Дело в том, что крымские татары утверждают, что в результате зверской депортации и первых двух лет жизни в условиях невозможности человеческого существования, их нация потеряла 46,3% своего состава. КГБ решил опровергнуть это утверждение «документально». Что из этого получилось — судите сами.

Документ № 1

Копия
Секретно
Экз. № 1

УзССР

Министерство Охраны Общественного Порядка

г. Ташкент

№ 7/3

8 февраля 1968 г.

Председателю Комитета Государственной Безопасности
при Совете Министров УзССР

генерал-майору Киселеву С. И.

Здесь
на № 3/99 от 29 января 1968 г.

Сообщаю, что прибытие в Узбекскую ССР спецпоселенцев — татар из Крыма, началось 29 мая 1944 г. и в основном закончилось 8 июня 1944 г. В архивных документах 9-го отдела КГБ из 4-го отдела МВД УзССР первые данные о численном составе прибывших на спецпоселение крымских татар имеются на 1 июля 1944 г. На эту дату прибыло 35.750 семей в количестве 151.424 человек. На 1 января 1945 г. спецпоселенцев — крымских татар в Узбекистане находилось 36.568 семей, что составляло 134.742 человека, в их числе 21.619 мужчин, 47.537 человек женщин и 65.568 человек детей до 16 лет. По состоянию на 1 января 1945 г. по 1 января 1946 г. умерло 13.183 человека, из них 2.562 мужчин и 4.525 женщин и 6.096 детей до 16 лет. Изменение количества спецпоселенцев — крымских татар объясняется также убытием за пределы республики, снятием с учета, по-

бегом с мест поселения, арестом за совершённые преступления.

п. п. Первый заместитель министра
Охраны Общественного Порядка
генерал вн./сл. III ранга М. Беглов

Документ № 2

УзССР

Министерство Охраны Общественного Порядка

г. Ташкент

Первый спецотдел

15 февраля 1968 г.

№ 7/8-2026

Следственный отдел КГБ при СМ УзССР

Здесь

на № 3/184 от 14/II 68 г.

Отчетных данных об изменении контингента лиц, высланных из Крыма за период с мая-июня 1944 г. по 1 января 1945 г., в архивных материалах 9-го отдела КГБ из 4-го спецотдела НКВД УзССР нет. В одной из докладных записок о хозяйственно-бытовом устройстве спецпоселенцев крымского контингента от 9 апреля 1945 г. указано, что с момента выселения в УзССР спецпоселенцев из Крыма, с мая 1944 г. по 1 января 1945 г. умерло 13.592 человека, что составляет 9,1%.

п. п. Зам. начальника 1 спецотдела МООП (подпись)
Начальник 3-го отделения (Строкова)

Задумаемся — зачем эти документы понадобились в следственном деле? Очевидно, следствие хочет доказать, что обвиняемые, указывая в публикуемых ими документах цифру 46,3% погибших крымских татар во время зверской их депортации в 1944 г., распространяли «заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй»... Выходит, таким образом, что истребить меньше, чем 46,3%, вполне допустимо и справедливо... Получается, в общем, что истреблять крымских татар, как и другие малые нации, можно. Истребление законно, а ошибка в определении численности истребленных является уголовно наказуемым деянием. Это, оказывается, клевета на советский... строй, да еще заведомая, хотя, как увидим, нигде точных данных нет — истребляли безучетно.

До какой же мерзости морального падения надо дойти, чтобы фабриковать подобные обвинения!.. Оба приведенные выше документа должны, по замыслу обвинения, сыграть важную роль в доказательстве «вины» арестованных... Того, что хотят получить от этих документов, в них нет, как бы ни старались обвинители. Но нижеследующее из них вытекает с полной бесспорностью.

1. Отчетных данных об изменении контингента лиц, высланных из Крыма в 1944 г., за период с момента высылки вплоть до 1 января 1945 г., в природе не существует (документ № 2).

2. Докладная записка, на которую ссылается документ № 2, является типичнейшей «липой». Думаю, ни для кого не составит труда установить, что исходная цифра, от которой число умерших (13.592) составило 9,1⁰%, не соответствует ни одной из цифр, приведенных в документе № 1. А те цифры несомненно взяты из документов. Но документ № 1 удовлетворить следствие не мог, т. к. в нем нет ответа на вопрос — не врут ли крымские татары, называя такой процент потерь своей нации, как 46,3⁰%. Именно поэтому понадобился новый документ. И он появился. Документ странный, если не сказать хуже. С одной стороны, в нем совершенно определенно говорится, что нация истреблялась безучетно, а с другой, — при помощи «одной из докладных записок о хозяйственно-бытовом устройстве спецпоселенцев крымского контингента», следствию сообщается процент потерь крымско-татарской нации в пять раз меньше того процента, который сообщают сами крымские татары. И следствие вполне удовлетворено... Ему нет дела до того, что крымские татары, для выяснения истинных размеров постигшего их бедствия, составили полный список всех выселившихся из Крыма и установили, кто из этих людей погиб при выселении, во время перевозки в закрытых вагонах от места выселения до места ссылки и на местах ссылки летом 1944 г. и в страшную зиму 1944—1945 гг. Для следствия важно, чтобы была бумажка и суд узбекский поверит ей и даже не станет слушать доказательств обвинения... А 13.592 человека уничтожить так, просто ни за что — это можно?

3. Документ № 1, помимо воли его авторов, дает все же некоторые данные о массовости потерь крымско-татарского народа. В нем сообщается число семей и численность крымско-татарской национальности, доставленных в Узбекистан — на 1 июля 1944 г. и на 1 января 1945 г. Причем на первое из названных чисел семей меньше, чем на второе, на 818, а людей больше на 16.682. Очевидно, что эта последняя цифра являлась бы цифрой чистых потерь, если бы не было прибытия новых семей. Но так как фактическое прибытие было, то к потерям надо отнести еще и численность всех 818 прибывших после 1 июля семей. Численность (средняя) одной семьи, по данным на 1 июля 1944 г., как нетрудно установить, составляет 4,24 человека. Следовательно, к цифре 16.682 надо добавить 3.468 (818 x 4,24). Таким образом, общие потери крымских татар, по данным документа № 1, на 1 января 1945 г. составляют 20.150 человек. В 1945 г., по данным того же документа, умерло 13.183 чел. (умирали главным образом в период до первого урожая). Следовательно, общий итог потерь народа только на месте ссылки 33.333 чел., или 22% от числа прибывших в Узбекистан на 1 июля 1944 г.

4. Но приведенные потери не исчерпывают потерь названного многострадального народа. Глубоко уверен, что еще бóльшие потери понесены во время переезда в закрытых, битком набитых голодными людьми, вагонах, в которых дышать нечем было... Документ № 1 указывает, что прибывать в Узбекистан крымские татары начали 29 мая, а закончилось прибытие («в основном», как указывает документ) 8 июня 1944 г. Выселение же было произведено, как известно, на рассвете 18 мая. Значит, люди ехали, вернее, медленно умирали без еды в спертom и пропитанном запахом испражнений воздухе, в течение 11—12 суток. Сколько, какой процент выселенных выжил и доехал до места ссылки, предположить очень трудно...

5. О том, что потери не могли не быть потрясающе большими, свидетельствуют и те данные, которые приводит документ № 1 о составе спецпереселенцев крымских татар. На 1 января 1945 г. мужчин в составе спецпоселенцев было всего 16%. Остальные — женщины и дети. Причем последние в группе женщин и детей состав-

ляют почти 60% . . . Но нам важно специально разобраться с тем, почему так мало оказалось мужчин среди спецпоселенцев, и что это за мужчины. Оказывается, это старики и инвалиды. А весь призывной контингент, всё способное встать под ружье, находилось на фронтах войны. Значит, с кем же воевали эти подлюги — здоровые и сытые лбы, организовывавшие и осуществлявшие выселение и охрану в местах спецпоселения крымских татар? . . . С женщинами, детьми, стариками и инвалидами. И вот теперь, через четверть века после того, как совершено величайшее преступление против малого, но честного и трудолюбивого народа, весь колоссальный аппарат насилия УзССР обрушивается на выживших в те годы детей, обрушивается, чтобы заткнуть им рот и спасти от морального наказания преступников — тех, кто участвовал в совершении зверской акции против крымско-татарского народа. Именно в этом истинный смысл готовящейся судебной расправы. . . В этом же смысл всех ранее вынесенных неправосудных приговоров крымским татарам. Ожидать, что сейчас будет не так, как было в предыдущих процессах над крымскими татарами, что на сей раз суд будет разбираться в обстоятельствах дела и искать истину, есть величайшая наивность, если не хуже. Суд исходит из неправосудной установки. Он априори считает, что массовое убийство ни в чем не повинных женщин, детей, стариков и нетрудоспособных инвалидов, если это совершено людьми, стоящими у власти, является законным, а требование наказать виновников таких преступлений и ликвидировать ненормальное положение, созданное в результате государственного произвола — уголовно наказуемым преступлением. Как же такой суд может вынести правосудный приговор? Сами эти судьи будут совершать заведомое преступление, причем тяжчайшее преступление против человечности — геноцид. Как же можно относиться к такому суду? Только с презрением! Пусть судят, но пусть знают, что всё честное и благородное, что есть в человечестве, презирает их за прислужничество убийцам и истязателям многих малых народов нашей страны. Пусть судят, но пусть знают, что суд над ними, неумолимый суд истории, не за горами. И на том суде им придется от-

ветить — кому служили? Сегодняшние подсудимые служили своему народу. Они были посланы народом и в точности выполняли его волю. Поэтому они вообще не подлежат суду. Не подлежат даже в том случае, если бы их действия с точки зрения законов нашей страны были действительно преступными. Не подлежат потому, что в этом случае потребовалось бы выяснить не их преступление, а причины, приведшие целый народ к тому, чтобы дать своим представителям полномочия на нарушение действующих законов. Но дело в том, что именно состава преступления и нет в действиях ни одного из арестованных. И это прекрасно знает следствие, привлекая к уголовной ответственности заведомо невиновных... Именно поэтому суд будет проводиться в таких условиях, чтобы как можно меньше людей попало на него. Судьи примут все меры, чтобы спрятаться от народа. Но это у них не выйдет! Истину народ узнает! И, самое главное, когда дело дойдет до суда над судьями неправыми, им придется ответ держать перед лицом всего народа.

10 марта 1969 г.

П. Григоренко

П. Якир передал иностранным корреспондентам обращение в Комиссию прав человека при ООН, скрепленное 55 подписями. В обращении говорится, что его авторы неоднократно обращались в правительственные и судебные органы СССР, протестуя против возрождения сталинских методов управления, и, не получив ответа, решили обратиться в ООН. В обращении указывается на целый ряд незаконных преследований лиц, борющихся за национальное равенство малых народов, евреев, преследуемых за свое желание выехать в Израиль, верующих, преследуемых за свои убеждения...

В Ташкенте судили следующих депутатов:

1. Светлана Аметова, род. 1941, медицинская сестра, арестована 14. IX. 1968 (мать 6-летнего сына).

2. Айдер Бариев, род. 1938, техник-механик, тракторист из Чирчика, арестован 19. IX. 1968 (отец 2 детей).

3. Решат Байрамов, род. 1943, электромонтажник из Мелитополя, арестован 22. IX. 1968.

4. Ридван Гафаров, род. 1915, электромонтер, пенсионер, инвалид войны, арестован 13. IX. 1968.

5. Роллан Кадыев, род. 1937, физик-теоретик, из Самарканда (отец 3 детей), арестован 12. X. 1968.

6. Риза Умеров, род. 1920, рабочий-электросварщик, участник войны, арестован 27. IX. 1968 (отец 2 детей).

7. Иззет Хаиров, род. 1938, инженер-метролог, член КПСС (отец 2 детей), арестован 13. IX. 1968.

8. Мунире Халилова, род. 1945, акушерка, арестована 14. IX. 1968.

9. Руслан Эминов, род. 1939, инженер-строитель (отец 2 детей); взята подписка о невыезде с места жительства (Самарканд).

10. Исмаил Ясыджиев, род. 1920, педагог, уволенный со службы по идеологическим причинам и работавший каменщиком в Булунгуре (отец 2 детей). Арестован в сентябре 1968, но через 3 дня выпущен, после того, как рабочие его завода организовали в знак протеста забастовку. Вторично арестован 27. XII. 1968 в Самарканде.

В Ташкент вылетели из Москвы для ознакомления с делом трое известных адвокатов: София Каллистратова, Дина Каминская и Николай Монахов, взявшие на себя защиту обвиняемых. На суде опрошено около 500 свидетелей, обвинительный материал составляет 20 томов.

В связи с тем, что процесс в Ташкенте неоднократно откладывался, в конце мая представители крымско-татарского народа выпустили «Информацию об отложенном судилище над 10-ю представителями крымских татар». Документ этот помечен: «Ташкент, 22 мая 1969 г.».

Авторы документа прежде всего указывают, что цель процесса — обелить преступников, виновных в преследованиях крымско-татарского народа. Преследования, начавшиеся выселением крымских татар и ликвидацией Крымской автономной республики, продолжаются по сей день. Предстоящий в Ташкенте процесс — одно из звеньев в этой цепи преследований. Обвиняемые действовали в соответствии с законами, по поручению своего народа. Они требовали только одного: полного восстановления крымских татар в их правах, прекращения дискриминации, противоречащей конституции. Далее обрисовываются провокационные действия КГБ. В частности, ложный телефонный вызов генерала П. Г. Григоренко в Ташкент. Приезд генерала был использован для его ареста. Цель этого ареста — не допустить выступления П. Г. Григоренко на

предстоящем процессе. А он на это выступление был уполномочен представителями крымско-татарского народа, которые, в числе 2.000 человек, подписали соответствующий документ, дававший П. Г. Григоренко права общественного представителя.

Назначенный на 22 мая суд был снова отложен. «Рано утром 22 мая перед зданием суда — сотни крымских татар, приехавшие из Ферганы, Ангрена, Андижана, Самарканда, Краснодарского края, Крыма, Херсонской области и других мест, ждали начала суда. Из Москвы приехали 4 адвоката. В этот день перед зданием суда было непривычно. Не было милиционеров, не было видно агентов КГБ. Как будто изменилось отношение к крымским татарам. Сомнение развеяла секретарь суда объявлением — суд отложен». Авторы информации указывают, что причина — болезнь судьи — была вымышленной. Настоящей причиной неоднократного откладывания процесса было стремление властей провести процесс тайком, запутать людей, затруднить работу защиты. «Четверть века тому назад на основании лжи и клеветы обвинили наш народ. отобрали нашу родину. До 1955 г. держали на режимных условиях... Более 100 тысяч людей погибли в результате этих преступлений... В Крыму уничтожили наши кладбища и исторические памятники. На местах ссылки мы не имеем права обучать своих детей на родном языке, изучать свою историю — все это ведет крымских татар к исчезновению как нации... Как дорог каждой нации свой язык, свои обычаи, своя история, своя родина — так дорого всё это для нас — крымских татар, по конституции тоже наделенных одинаковыми правами со всеми народами. Мы требуем эти права. Мы говорим о несправедливостях открыто. Десять наших представителей, которых обвиняют, выражали волю народа, его несгибаемое стремление к организованному возвращению в Крым и восстановлению национальных прав»...

Между тем в Крыму не прекращались чекистские расправы над татарами, вернувшимися на свою родину после опубликования Указа от 5 сентября 1967 г. (о реабилитации крымских татар). С этого времени из Крыма выселено около 12 тысяч татар, произведены аресты, [многие] осуждены на различные сроки заключения, милиция

производит избиения вернувшихся, а высшие чины КГБ угрожают татарам еще более жестокими мерами, вплоть до расстрела.

6 июня 1969 г., на второй день Международного совещания коммунистических и рабочих партий, состоялась демонстрация крымских татар [в Москве] на площади Маяковского. В демонстрации участвовало 5 человек: Зампира Асанова, Энвер Аметов, Решат Джемилев, Айдер Зейтулаев, Ибрагим Холопов. В 12 час. 15 мин. около памятника Маяковскому они развернули свои лозунги: «Да здравствует ленинская национальная политика», «Коммунисты, верните Крым крымским татарам», «Прекратить гонения на крымских татар», «Свободу генералу Григоренко». На последнем плакате была фотография генерала П. Г. Григоренко. Вокруг демонстрантов собралась большая толпа, человек 300, окружившая их кольцом, но не решавшаяся подойти совсем близко.

... Демонстрантам никто не предлагал разойтись. Постовые милиционеры ушли со своих постов и, посоветовавшись, пробрались в толпу, из толпы они выбрали человек 10 по каким-то известным им признакам. И уже эти люди пробились через толпу к демонстрантам и, изображая народный гнев, хватали их с применением физического насилия. Они весьма профессионально заламывали демонстрантам руки, а две женщины из их числа били демонстрантов зонтиками. Демонстранты не сопротивлялись. Решат и Айдер кричали: «Да здравствует свобода!» — «Ишь ты, — сказал милиционер, — свободы тебе захотелось». Вместе с демонстрантами была задержана стоявшая около них Ирина Якир.

[Наконец,] с 1 июля по 5 августа [1969 г.] в Ташкенте [состоялся] суд: — заседание Верховного суда УзССР: судья Сайфутдинов, народные заседатели — Самойлова, Исфандиаров, прокурор — Енкалов, защитники — Монахов, Заславский, Сафонов... Подсудимые заявили ходатайства: — о вызове на процесс корреспондентов «Правды», «Известий» и крымско-татарской газеты «Ленин байрагы» [орган ЦК КП УзССР, Ташкент]; — об освещении процесса в печати и трансляции его по телевидению; — о вызове на процесс экспертной комиссии для решения существа вопросов, поставленных в инкриминируемых документах; — о вызове на процесс наблю-

дателей от ЦК КПСС и Советского правительства; — о выдаче подсудимым необходимой литературы для подготовки к процессу; — об изменении условий содержания в тюрьме: подсудимые находятся в камерах, переполненных уголовниками, и не могут готовиться к защите; — об оказании необходимой медицинской помощи; — о передаче смены белья и одежды.

Из всех ходатайств были удовлетворены только два последние. В знак протеста против отказа судебных и тюремных инстанций предоставить необходимую юридическую и политическую литературу, Роллан Кадыев с 20 июня держал голодовку, в таком состоянии он прибыл и на суд. Он снял голодовку только тогда, когда появилась угроза, что его дело будет выделено в особое. Подсудимые заявили отвод прокурору, уже известному по другим крымско-татарским процессам, и не отвечали на его вопросы. Роллан Кадыев заявил отвод также и судье. Отводы приняты не были. Поведение прокурора на суде отличалось грубостью, пренебрежением к закону и неуважением к личности подсудимых. Прокурор заявил, что подсудимые — никакие не политические, а уголовные преступники, поэтому и содержатся в условиях, положенных для уголовных преступников. Прокурор усиленно стремился оказать давление на защиту, указывая адвокатам, как они должны консультировать своих подзащитных, обрывая адвокатов, требуя, чтобы суд делал адвокатам замечания.

Во всем ходе судебного следствия ни суд, ни обвинение не ставили вопроса о подтверждении или опровержении фактов, инкриминированных как клеветнические измышления. Обвинение занималось лишь доказыванием фактов изготовления и распространения, — но подсудимые и не отрицали многих из этих фактов, тем не менее, они полностью отрицали клеветнический характер документов и не признали себя виновными.

Прокурор потребовал по три года лагерей для Байрамова, Бариева, Хаирова, Кадыева, по полтора — для Умерова и Гафарова, по году — для Аметовой, Халиловой, Ясыджијева, и год исправительно-трудовых работ — для Эминова. Защитники требовали оправдательного приговора.

Суд вынес обвинительный приговор, признал подсудимых виновными по предъявленным им статьям 190¹ УК РСФСР и аналогичным — республиканских кодексов Украины и Туркмении и приговорил: Решата Байрамова и Роллана Кадыева — к 3 годам лагерей общего режима, Айдера Бариева и Иззета Хаирова — к полутора, Ридвана Гафарова и Исмаила Ясыджиева — к году, для Светланы Аметовой, Мунире Халиловой и Ризы Умерова суд нашел достаточным срок, отбытый в предварительном заключении (около 10 месяцев), Руслан Эминов получил полгода исправительно-трудовых работ.

5 августа, после вынесения обвинительного приговора, толпа крымских татар, собравшаяся около суда, человек 500—700, организованно двинулась к зданию прокуратуры, а затем к зданию ЦК КП Узбекистана. У прокуратуры была устроена сидячая демонстрация. За два квартала до здания ЦК на идущую демонстрацию напал большой отряд милиции. Часть демонстрантов была рассеяна, часть задержана. После суточного пребывания в отделениях милиции почти все были освобождены, кроме четырех человек, получивших по 15 суток.

ДЕЛО АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО

[В своей книге «Мои показания» автор пишет о себе:]

Меня зовут Анатолий Марченко. Я родился в небольшом сибирском городке Барабинске. Мой отец, Тихон Акимович Марченко, всю жизнь проработал на железной дороге помощником машиниста. Мать, Елена Васильевна, работала уборщицей на вокзале. Оба они совершенно неграмотные... Я, проучившись 8 лет, бросил школу и уехал по комсомольской путевке на строительство Новосибирской ГЭС. С этого началась моя самостоятельная жизнь. Я получил специальность сменного бурового мастера, ездил по всем новостройкам ГЭС в Сибири, работал на рудниках, в геологоразведке. Последняя моя командировка была на Карагандинскую ГРЭС. Здесь я попал под суд... В этом же поселке жили сосланные с Кавказа чеченцы. Они были страшно озлоблены: ведь их выселили из родных мест в чужую Сибирь... Между чеченской молодежью и нашей все время возникали потасовки... Однажды случилась большая драка в нашем общежитии. Когда она как-то сама кончилась, явилась милиция; похватали всех, кто был в общежитии (большинство участников успело бежать и скрыться), арестовали и судили. Среди арестованных оказался и я. Нас увезли из поселка, где все знали, как было дело. Судили всех в один день, не разбираясь, кто прав, кто виноват.

Так я попал в страшные Карагандинские лагеря (Карлаг)... Я решил бежать за границу. Я просто не видел для себя другого выхода. Со мной вместе бежал молодой парень Анатолий Будровский. Мы пытались перейти иранскую границу, но нас обнаружили и взяли в 40 метрах от границы. Это было 29 октября 1960 г. Пять месяцев меня держали под следствием в следственной тюрьме ашхабадского КГБ. Все это время

я сидел в одиночке, без посылок и передач, без единой весточки от родных... КГБ предъявило мне обвинение в измене родине... 2—3 марта 1961 г. Верховный суд Туркменской ССР рассматривал наше дело. Суд был закрытым. ... Показания всех 40 свидетелей были в мою пользу. Я спросил, почему суд не обращает на них внимания, и получил ответ: «Суд сам решает, каким показаниям верить». Третьего марта суд вынес приговор: ... мне 6 лет по статье за измену родине... Мне было тогда 23 года...

[В тюрьме и лагере Марченко получил «законченное политическое образование», и стал горячим борцом за социальную справедливость и свободу. Он написал замечательную книгу о хрущевских лагерях «Мои показания», распространявшуюся в «Самиздате», изданную в 1969 г. дважды по-русски — за рубежом, в Париже и во Франкфурте, переведенную на иностранные языки. Он участвовал в ряде общественных протестов и демонстраций. 17 апреля 1968 г. он написал открытое письмо «грузчика, бывшего политзаключенного» и послал его председателю общества Красного креста Митиреву Г. А., министру здравоохранения СССР Петровскому Б. В., директору Института питания АМН Покровскому А. А., Патриарху всея Руси Алексию, президенту Академии наук СССР Келдышу М. В., президенту Академии медицинских наук Тимакову В. Д., директору Института государства и права Чикваидзе, ректору МГУ Петровскому И. Г., председателю правления Союза журналистов Зимянину, председателю правления Союза писателей СССР Федину К. А., писателям: К. Симонову, Р. Гамзатову, Р. Рождественскому, Е. Евтушенко; копии: в ООН, Комитет по защите прав человека, Международной конференции ООН по защите прав человека. В этом письме он говорит, что пять месяцев назад ... закончил книгу «Мои показания» — книгу о шести годах, проведенных во Владимирской тюрьме и в лагерях для политзаключенных. Во вступлении к книге говорится:]

... сегодня лагеря для политзаключенных так же ужасны, как сталинские. Кое в чем лучше. А кое в чем хуже. Надо, чтобы об этом знали все. И те, кто хочет знать правду, а вместо этого получает лживые благо-

получные газетные статьи, усыпляющие общественную совесть. И те, кто не хочет ее знать, закрывает глаза и затыкает уши... Я хотел бы, чтобы это мое свидетельство о советских лагерях и тюрьмах для политзаключенных стало известно гуманистам и прогрессивным людям других стран — тем, кто выступает в защиту политзаключенных Греции и Португалии, Южно-Африканской Республики и Испании. Пусть они спросят у своих советских коллег по борьбе с антигуманизмом: «Что вы сделали для того, чтобы у вас, в вашей собственной стране, политзаключенных хотя бы не воспитывали и голодом?..» Я сделал все, что мог, чтобы эта моя книга стала известна общественности. Однако до сих пор на нее нет никакого отклика (если не считать беседы со мною сотрудника КГБ о моей «антиобщественной деятельности»). Положение в лагерях остается прежним.

[Марченко подробно описывает в письме произвол и незаконные лагерного начальства, голодный паек и непосильный труд заключенных, издевательство над человеческой личностью политзаключенных, — и призывает всех, к кому обращено открытое письмо:]

Требуйте гласного расследования положения политзаключенных. Требуйте широкого опубликования «Положения о лагерях и тюрьмах», добивайтесь установления специальных правил по содержанию политзаключенных. Требуйте опубликования норм питания политзаключенных. Требуйте немедленного отстранения от «воспитательной» работы кадров сталинских концлагерей и лиц, которые в настоящее время проявили жестокость и бесчеловечность в отношении заключенных. Требуйте гласного суда над ними. Наш гражданский долг, долг нашей человеческой совести — остановить преступления против человечности. Ведь преступление начинается не с дымящих труб крематориев и не с пароходов на Магадан, переполненных заключенными, — преступление начинается с гражданского равнодушия.

[Весьма характерен, может быть, единственный ответ на это письмо, полученный Марченко от Исполнительного комитета Красного креста СССР, подписанный зам.

председателя Исполкома В. Захаровым, где, между прочим, говорится:] «Исполком считает необходимым кратко отметить, что наше законодательство и наше советское правосознание рассматривает людей, которые подняли руку на завоевания Октября, как совершивших самое тяжкое преступление перед своим народом и заслуживших суровой кары, а не каких-либо поблажек и послаблений. В свете сказанного делается очевидной вся несостоятельность и всех других ваших утверждений».

21 августа [того же] 1968 г. суд приговорил [Анатолия Марченко] к году лагерей строгого режима за «нарушение паспортных правил». Заявление друзей Марченко о том, что обвинение против него сфабриковано, подтвердилось всем ходом судебного разбирательства. Как дополнительное доказательство, можно привести рассказ о том, как инструктировали народных заседателей. Им сказали, что это такой хитрый и коварный преступник, что он не нарушает закон, и вот эта статья — единственный способ его посадить.

Анатолий Марченко — очень больной человек. В Мордовских лагерях он перенес менингит, оглох. После выхода из лагеря ему делали трепанацию черепа. У него были тяжелые желудочные кровотечения, угрожающая потеря гемоглобина, он был спасен благодаря целой серии переливаний крови. Медицинские справки о состоянии здоровья Марченко имелись в его деле. Несмотря на это, он был отправлен в условия сурового климата, на крайний север Пермской области. В лагере Марченко работал в строительной бригаде. В апреле 1969 г. он попал на 15 дней в шизо (штрафной изолятор), так как отказался работать в подвальном помещении без особой спецодежды, положенной для этого вида работ. Срок заключения Марченко кончался 29 июля [1969 г.], но в мае Пермская областная прокуратура возбудила против него новое дело — на этот раз по ст. 190¹ УК РСФСР. Анатолий Марченко был переведен из лагеря в Соликамскую тюрьму. Своей книгой, разоблачающей порядки в лагерях и тюрьмах для политзаключенных, Марченко вызвал к себе личную вражду органов КГБ и МВД, и не исключено, что те, по чьему указанию [было] организовано новое дело, делают ставку на его физическое унич-

тожение. Три года лагерей строгого режима, при состоянии здоровья Марченко, могут убить его.

30 июня [1969 г.] инициативная группа [по защите прав человека] направила [в Комиссию прав человека ООН] ... письмо с сообщением о «новых, особенно болезненных фактах нарушения прав человека»: о новом деле, возбужденном против Анатолия Марченко, о предстоящих судах, задача которых — упрятать инакомыслящих в стены тюремных психиатрических больниц. [В инициативную группу входят, письмо подписали:] Г. Алтунян, инженер (Харьков), В. Борисов, рабочий (Ленинград), Т. Великанова, математик, Н. Горбаневская, поэт, М. Джемилев, рабочий (Ташкент), С. Ковалев, биолог, В. Красин, экономист, А. Лавут, математик, А. Левитин (Краснов), церковный писатель, Ю. Мальцев, переводчик, Л. Плющ, математик (Киев), Г. Подъяпольский, научный сотрудник, Т. Ходорович, лингвист, П. Якир, историк, А. Якобсон, переводчик.

В пользу Марченко выступили многие представители советской общественности (например, Лариса Богораз-Даниэль и Павел Литвинов), за распространение воззваний в пользу Марченко была арестована и осуждена Ирина Белгородская.

Суд над Марченко состоялся ... в лагерной зоне, в поселке Ныроб Пермской области, название которого в свое время было использовано для наименования целого комплекса лагерей, расположенных к северу от Воркуты-Ныроблаг. Суд над Марченко закончился 26 августа [1969 г.], и он приговорен [был] к 2 годам строгого режима — обвинение по ст. 190¹ УК РСФСР. Свидетелями были заключенные, осужденные за тяжкие преступления или как рецидивисты, и члены лагерной администрации. Они засвидетельствовали, что Марченко клеветал на политику Советского Союза в отношении Чехословакии, в отношении китайско-советского конфликта, а также по поводу положения писателей в СССР.

После осуждения А. Марченко ... на 2 года лагерей ... срок которых исчисляется с сентября 1969 г., он три с половиной месяца содержался в тюрьме г. Соликамска, а о его местопребывании на запросы родных и друзей не отвечали. С февраля 1970 г. А. Марченко находил-

ся в лагере по адресу: Пермская область, Соликамский р-н, П/о Красный берег... Несмотря на имеющиеся в деле Марченко справки врачей о тяжелом состоянии здоровья и предписание к легкой работе, в феврале и марте в 45—50-градусный мороз его поселили в палатку и определили на работу по разгрузке дров для паровозов. Затем его перевели на строительные работы — рытье котлована на территории лагеря. В результате этого Марченко... заболел гипертонией.

По постановлению лагерной администрации, Марченко лишен свиданий с матерью. Адвокату, приезжавшему в лагерь для составления жалобы в порядке надзора, было отказано во встрече с подзащитным. Марченко не передают письма родных и друзей. Посылки с книгами... вернулись в магазин. У Марченко были отобраны бумага, ручка и учебник физики, «как не имеющие политико-воспитательного значения», — так сказано в «акте об изъятии».

ДЕЛО ВЛАДИМИРА БОРИСОВА

(Ленинград)

Владимир Е. Борисов (Ленинград), после подписания письма в защиту П. Г. Григоренко и обращения в ООН, принудительно помещен в психиатрическую больницу. Его жене, Джемме Квачевской, было сказано, что если она не перестанет добиваться его освобождения, с ней сделают то же самое. 19 ноября 1969 г. состоялся суд, осудивший В. Борисова по ст. 190¹ УК РСФСР. Он признан невменяемым и ему назначено принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа (т. е. больнице-тюрьме).

Борисов В. Е., 1943 г. рожд., электрик, член Инициативной группы по защите гражданских прав в Советском Союзе. С 1964 по 1968 г. находился в психиатрической больнице-тюрьме в Ленинграде (Арсенальная, 9) ... 12 июня 1969 г. за Борисовым на работу прислали санитарную машину с двумя врачами из диспансера, отобрали у него имеющийся при нем «Самиздат» и увезли в диспансер ... Один из врачей подошел к Борисову и сказал: «Послушайте, Борисов, вы же нормальный парень, неужели вам в сумасшедшем доме хочется быть? Смените свои политические убеждения». Другой врач стал просматривать изъятую у Борисова литературу ... Его окликнул коллега: «Оставь, а то окажешься там же, где и он» ... 13 марта 1971 г. Владимир Борисов и Виктор Файнберг написали в психиатрической больнице письмо-протест против медицины — служанки КГБ и объявили голодовку протеста против применения к ним пытки — вливаний методона. Акад. А. Д. Сахаров присоединился к этому протесту и потребовал от министра внутренних дел, чтобы он «тогда же вмешался для спасения здо-

ровья и достоинства этих людей». «Прошу вас, помогите покончить с этим нарушением прав человека и медицинской этики в деятельности психиатрических учреждений».

ДЕЛО ГЕНРИХА АЛТУНЯНА

Алтунян Генрих Ованесович, 1933 г. рожд., армянин. Женат, двое детей. С 1951 по 1968 г. служил в Советской армии. Последняя должность — преподаватель военного вуза в Харькове, инженер-майор. С 1957 по 1968 г. член партии. В августе 1968 г. исключен из партии за «антипартийное поведение», выразившееся в «сборе, распространении и пропаганде тенденциозных сведений демагогического характера по отношению к политике ЦК КПСС и советского правительства». Одновременно за это же уволен из армии по ст. 59 (служебное несоответствие) без выходного пособия. [Из краткой записи Г. О. Алтуняна заседания КПК при ЦК КПСС и двух предшествующих бесед — 30 июня и 1 июля 1969 г. В КПК — Комиссии партийного контроля:] . . .

Мардасов: Изменилось ли что-либо в ваших взглядах за последнее время?

Алтунян: Свои взгляды я изложил вам во всех апелляциях и кратко они сводятся к следующему: исключили меня из партии не в результате каких-либо нарушений устава или других антипартийных действий, а в результате лживого и анонимного доноса КГБ, в поле зрения которого я попал в августе прошлого года после знакомства с П. И. Якиром и П. Г. Григоренко. Меня обвиняют в распространении тенденциозных, клеветнических и антисоветских документов. Я обращаю ваше внимание на тот вопиющий факт, что так квалифицируют эти документы в КГБ. Коммунисты на всех этапах партийного расследования с документами этими ознакомлены не были, а значит собственного мнения о них иметь не могут. А так как никому не было известно мнение вышестоящих партийных инстанций по поводу их содержания, то следует считать, что указанная выше квалификация была навязана коммунистам. Никто не пы-

тался доказать, в чем состоит лживость и клевета письма Сахарова, стенограммы обсуждения книги Некрича в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и др. Я надеюсь, что здесь, в ЦК, мне это объяснят.

Мардасов: У нас нет времени этим заниматься, это и так ясно. Здесь вопросы задаем мы. Вы что, приехали за разъяснениями? . . .

А.: . . . А вы сами читали эти документы?

М.: Читал, но не все. Но из прочитанного понял, что это клевета.

А.: Была ли дискуссия в Институте марксизма-ленинизма по книге Некрича?

М.: Была, но как она к вам попала? А вы знаете, что многие выступавшие, как потом выяснилось, и не читали этой книги?

А.: Кто?

М.: Это не ваше дело. Один работник Министерства иностранных дел раскаивался, когда его привлекли к партийной ответственности, и сказал, что книгу не читал и выступил случайно.

А.: Я не верю, что Якир, Петровский, Болтин, Тельпуховский и др. ее не читали. Они очень уверенно говорили о книге и об обстановке, которая нашла в ней отражение. Скажите, имели ли место факты, о которых говорили выступавшие на этой дискуссии (сговор Сталина с Гитлером, сообщение Шулленбурга и др.)?

М.: Нет, это клевета и ложь. Никакого секретного соглашения между Молотовым и Риббентропом не было. Шулленбург ничего не сообщал накануне войны. Я недавно где-то читал об этом, там прямо сказано, что всё это ложь.

А.: Тогда надо всех выступавших или большинство из них судить как клеветников.

М.: Они все привлечены к партийной ответственности.

А.: Кто?

М.: Ну, это не ваше дело. Исключен из партии Некрич. Знаете ли вы, что Сахаров очень расстроился, когда узнал, что его письмо через зарубежные радиостанции используется против Советского Союза?

А.: Скажите, Сахаров изменил свое отношение к вопросам, поднятым в этом письме?

М.: Это не ваше дело. Откуда вы знаете, что евреев ограничивают? Лично вы испытывали какие-либо ограничения?

А.: Я вижу, что происходит в Харькове. Ограничений не было бы, если бы, например, процент евреев-студентов или евреев-депутатов местных советов примерно бы совпадал с процентом еврейского населения города. На Кавказе я сам был свидетелем ограничений курдов и армян в Грузии.

М.: Наоборот, в Грузии трудно русским . . .

А.: Я считаю, что необходимо срочно решить вопрос о крымских татарах. Они политически реабилитированы, осталось вернуть их в Крым . . . Рано или поздно татары вернутся в Крым и получат автономию.

М.: Им там нечего делать, да они и не стремятся туда. Что вы читали из военных мемуаров?

А.: Горбатов, Баграмян, Штеменко, Кузнецов . . .

М.: Штеменко пишет очень правдиво. Я вообще считаю, что это самые объективные мемуары.

А.: Как вы можете верить человеку, который никогда ничем не командовал, который за связь с Берия был разжалован с генерала армии в генерал-майоры и переведен с должности начальника Генерального штаба на должность начальника штаба дивизии?.. А разгром войск под Киевом, о чем пишет Баграмян, разве Сталин за это не несет ответственности? Да вообще, даже если Сталина не предупреждали о готовящейся агрессии, разве можно забыть его преступную деятельность накануне войны: уничтожение лучших командных кадров, уничтожение укреплений на старой границе, снятие с вооружения старой техники, когда новая еще не поступила, и т. д., и т. д.? Если к этому добавить сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г., станет ясно, как мы готовились к войне.

М.: Мы готовились, заключили договор, чтобы выиграть время, но не успели.

А.: Эта точка зрения была уже партией осуждена.

М.: Кто вас познакомил с Якиром и Григоренко? Когда?

А.: Я еще раз подчеркиваю, что вопрос этот не правомерен. Это честные советские люди, настоящие коммунисты . . .

М.: Вы по всем вопросам расходитесь с партией. Вы неправильно оценили кризис на Ближнем Востоке, одобряя действия Израиля. А Чехословакия?

А.: Я считал и считаю, что кризис на Ближнем Востоке не в последнюю очередь зависел от политики Насера. Нельзя забывать, что Насер — в прошлом офицер СС... Что касается Чехословакии, то мне кажется, что ввод войск больше принес вреда, чем пользы. Нас никто не приглашал.

М.: Это неправда, надо читать газеты.

А.: «Приглашение» не было подписано, сообщение о нем появилось после ввода войск. И кроме того, в начале сентября «Руде Право» писало, что никакого приглашения не было. Вряд ли можно оправдать ввод войск и с военной точки зрения. При современных средствах доставки мы успели бы это сделать и позже, когда такой шаг был бы продиктован не личными соображениями отдельных людей, а реальной угрозой со стороны ФРГ.

М.: Партия так не считает... Почему вы не верите генеральному секретарю т. Брежневу? Нашей прессе? Кому вы вообще верите?

А.: Я впервые выразил политическое недоверие Брежневу в 1964 г., заявив об этом на закрытом партийном собрании. Брежнев в апреле, вручая 4-ю звезду Героя Хрущеву, говорил, примерно, то же, что Молотов в 1945 г. о Сталине («Это наше счастье...» и так далее), а в октябре уже речь шла о каком-то безымянном волюнтаризме. Где же были все, кто окружал Хрущева, когда он допускал ошибки? Что же касается нашей прессы, то я всегда считал ее неинформативной, а иногда и неправдивой. Сказать о какой-либо встрече только то, что она прошла в теплой и дружественной обстановке, — значит ничего не сказать...

М.: На одном из собраний вы говорили, что Троцкий у нас незаслуженно забыт.

А.: Да, я говорил, что роль Троцкого, как председателя Петроградского Совета и Главковерха в первые годы советской власти, несравнима с ролью наркомнаца [Народн. комиссара по делам национальностей, И. Сталина]... В книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», которую Ленин хотел видеть настольной книгой всех рабочих, имя Сталина упоминается один раз.

М.: Сейчас я вам зачитаю справку, которая завтра будет представлена на заседание Комитета. Вы выскажете свои замечания, потом мы пройдем на беседу с членом Комитета т. Денисовым. (Читает справку. Алтунян в своих замечаниях вновь подчеркивает необоснованность обвинений Григоренко и Якира в клевете и недоказанность определения изъятых у него документов как клеветнических, лживых и антисоветских).

М.: У меня такое мнение, а у вас иное. Комитет нас рассудит.

Беседа у кандидата в члены ЦК КПСС Денисова Г. Я.
Денисов: Объясните свою точку зрения.

Алтунян: Меня, как и многих других, беспокоит тенденция реабилитации Сталина, ставшая особенно заметной в последнее время.

Д. (перебивая): Я, кандидат в члены ЦК, не вижу этого, меня это не беспокоит, а его в Харькове (указывает на Алтуняна) это беспокоит!

А.: Для коммуниста должность значения не имеет. Ленин учил...

Д.: Вы подпали под влияние антисоветчиков, у вас нет собственного мнения. Крымские татары никуда ехать не хотят. А если бы и хотели, то это подорвало бы экономику Узбекистана и новые проблемы возникли бы в Крыму.

А.: Прошло несколько политических процессов над татарами. Их судят за то, что они требуют возвращения в Крым. Недавно в Москве была демонстрация крымских татар.

Д.: Это неправда. Откуда вы знаете? Я в Москве живу и ничего не знаю, а вы — в Харькове. По вопросу о Чехословакии вы оказались в одном лагере с нашими врагами.

А.: Я не один. Еще почти все европейские компартии против ввода войск.

Д.: Не все, а всего 4 из 75 — надо читать газеты. Хватит, я не понимаю, чего вы хотите.

Мардасов: У меня в Харькове есть один знакомый троцкист, он тоже все время говорит: «Я ничего не хочу, дайте мне только трибуну».

Заседание КПК при ЦК КПСС. 1 июля 1969 г. Рассмотрение дела Алтуняна заняло 7 минут... Председатель — заместитель председателя КПК, кандидат в члены ЦК КПСС Постовалов С. О. Мардасов начинает скороговоркой читать справку, хотя все члены Комитета имеют ее.

Постовалов (перебивая Мардасова): Алтунян, вам слово.

Алтунян: Товарищи, это мое последнее выступление по этому делу... За время рассмотрения этого дела ни в одной из инстанций ни у кого не нашлось времени объяснить мне по существу, в чем я ошибаюсь, в чем заключается клевета таких документов, как письмо академика Сахарова, стенограмма обсуждения книги Некрича в ЦК...

Постовалов (перебивая): В ЦК обсуждения не было, и вообще хватит перечислять, говорите по существу.

А.: В ЦК действительно обсуждения не было, оно было в Институте марксизма-ленинизма при ЦК. Мне непонятно, почему так изменился тон. Я вижу принципиальную разницу между выступлениями тт. Подгорного, Сердюка, Спиридонова, Демичева и др. на XXII съезде КПСС и тем, что происходит сейчас.

Вопрос: Кто вас познакомил с Якиром и Григоренко?

Алтунян: Какая разница? (Шум). Их взгляды полностью совпадают с моими.

Постовалов: Но не с партией.

Вопрос: Ведь Якир — беспартийный, вы должны были попытаться повлиять на него, а вышло наоборот.

Алтунян: Мне не надо перевоспитывать Якира, мы с ним единомышленники... Неужели вас не настораживает тот факт, что, начиная с XVII съезда, не было ни одного съезда, пленума, сессии Верховного Совета, где бы все решения не принимались единогласно?

Возгласы: На каком съезде или пленуме вы были?

Алтунян: Я читал стенограммы почти всех съездов.

Постовалов: Вся партия, весь народ, ЦК партии доверяет т. Брежневу, нашему генеральному секретарю, а он — нет. Почему?

А.: Я уже объяснил. Для меня советская власть, коммунизм, партия и т. Брежнев — не одно и то же. Он не самокритичен.

Постовалов: Хватит.

А.: Может быть, мне дадут все же высказаться?

Постовалов: Сколько вам надо времени?

А.: Минут 5-7.

Постовалов: Говорите.

А.: Если вас, избранников съезда партии, не волнуют нарушения демократии и свобод в нашей стране, то вспомните хотя бы о трагической судьбе членов ЦК, избранных XVII съездом партии. Если так будет продолжаться...

Постовалов: И он хотел, чтобы ему давали возможность выступать с такими речами! Хватит. До свидания.

А.: Как вас понимать? Буквально?

Постовалов: Конечно, других предложений не было.

Алтунян уходит. *Выкрик вслед:* Если так будете продолжать, можете попасть в тюрьму! *Алтунян (вернулся):* Вот уж никак не ожидал услышать здесь такие угрозы. *(Уходит).* *Выкрик:* А что же вы еще хотели?

[Это заседание КПК при ЦК КПСС было 1 июля 1969 г. А] 11 июля 1969 г. в Харькове [был] арестован Генрих Алтунян. Он обвинялся по ст. 62 УК УССР, соотв. 70 УК РСФСР. Алтунян арестован без предъявления постановления на арест или задержание... [летом 1968 года] у ряда граждан Харькова, в том числе у Алтуняна, были произведены обыски. На обысках изъяты «Самиздат»: «Раковый корпус» [Солженицына], трактат акад. Сахарова, выпуски «Хроники» и т. п. После этого Алтуняна и других вызывали как «свидетелей» по ст. 187¹ УК УССР, не указывая конкретного содержания дела. В это время, по указанию КГБ, Генрих Алтунян [как сказано раньше] был исключен из партии, уволен с работы, а затем — вообще из армии. В формулировке исключения из партии фигурировала «связь с Якиром и Григоренко». Несмотря на примененные к нему репрессии, Алтунян продолжал активно участвовать в движении за демократизацию советского общества. Его подпись стоит под письмами в защиту осужденных участников демонстрации 25 августа, в защиту Ивана Яхимо-

вича, в защиту П. Г. Григоренко. Он входит в число участников Инициативной группы по защите прав человека в Советском Союзе, обратившейся с письмом в ООН... В июне в ряде организаций г. Харькова были проведены собрания с обсуждением тех, кто подписал письмо в защиту Григоренка. Такое собрание проходило в Харьковском участке пусконаладочного управления «Оргэнергоавтоматика», где работал Алтунян. Это было единственное собрание, где «обвиняемому» предоставили слово. Алтунян, прежде всего, объяснил, что письмо в защиту Григоренко не было направлено в ООН, как утверждали представители парторганизации и райкома. Он изложил содержание обоих писем, рассказал о крымско-татарском движении, о Григоренко и Костерине, о политических процессах, о фактах возрождения сталинизма, о Якире, Яхимовиче, Габае, о событиях в Чехословакии. Собрание приняло решение осудить Алтуняна за «аполитичное поведение, выразившееся в обращении в ООН», и сообщить в прокуратуру факт обращения в ООН. Добиваясь восстановления в партии, Алтунян последовательно подавал апелляции во все вышестоящие инстанции [Как уже рассказано выше.] 1 июля его апелляцию разбирала КПК при ЦК КПСС... После ареста Генрих Алтунян был помещен в уголовную тюрьму на Холодной горе в Харькове. Через несколько дней его увезли оттуда в неизвестном направлении, его жене не сообщили его адреса. [Затем] он снова [находился] в Харькове, в следственном изоляторе КГБ. В день его ареста у ряда его друзей были произведены обыски, снова изъяты материалы «Самиздата»... Следствие по делу Алтуняна [вел] начальник следственного отдела Харьковского УКБ майор Н. Е. Бабусенко. Свидетелей [допрашивали] исключительно об участии Алтуняна в составлении и распространении 2-х документов: письма Инициативной группы и письма в защиту Григоренко.

31 июля 1969 г. десять харьковчан (А. С. Калиновский, В. В. Калиновская, Д. Н. Корнилов, О. З. Карасик, А. З. Левин, Т. З. Левина, Д. А. Лившиц, В. Г. Недобора, С. К. Подольский и В. В. Пономарев) обратились к Генеральному прокурору СССР (копии — в Президиум Верховного Совета СССР, в Комитет партконтроля при ЦК КПСС и Харьковскому областному прокурору) «с настоятельным

призывом пресечь незаконие и произвол, свершившиеся на [их] глазах. Вот уже 3 недели под стражей находится человек, который не нарушил ни одного из советских законов! ... Со всей ответственностью заявляем вам, что арест т. Алтуняна не имеет ни малейшего отношения к правосудию, но является актом грубой расправы с человеком за его убеждения, которые он честно и мужественно отстаивал в каждой официальной инстанции...»

26 ноября в Харькове состоялся суд над Генрихом Алтуняном, радиотехником, разжалованным майором, членом Инициативной группы по защите гражданских прав человека в СССР... При аресте Алтуняну было предъявлено обвинение по ст. 62 УК УССР — ст. 70 УК РСФСР — антисоветская пропаганда и агитация. В конце предварительного следствия ст. 62 была заменена на ст. 187¹ УК УССР — ст. 190¹ УК РСФСР — изготовление и распространение документов, содержащих заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. На процессе были допрошены 15 свидетелей, из них — 8 свидетелей защиты. Суду были предъявлены изъятые у Алтуняна при обыске рукописи, письма, черновики. Процесс был открытым, зал заседания, как всегда при подобных процессах, был заполнен специально подобранной публикой до начала судебного разбирательства. Прокурор — Трухин, судья — Ключко, адвокат — Ария. Алтуняну вменялось в вину следующее:

1) Разговор с одним из свидетелей обвинения: в этом разговоре Алтунян осуждал ввод войск Варшавского договора в Чехословакию и приветствовал демонстрацию на Красной площади 25 августа 1968 г., а также говорил, что у нас в стране существует государственный антисемитизм.

2) Неоконченный черновик письма Алтуняна к Московскому совещанию компартий, в котором он протестовал против увольнения с работы людей, подписавших письмо в ООН. Как объяснил Алтунян на суде, он отказался от мысли написать это письмо, проверив факты. В обвинительной речи прокурор ссылался на то, что в иностранной прессе были опубликованы сведения из черновика письма Алтуняна, тем самым косвенно утверждая, что Алтунян передал их западной прессе.

3) Изготовление последней страницы стенографической записи беседы академика Аганбегяна с сотрудниками издательства «Мысль» (написана рукой Алтуняна). На предварительном следствии акад. Аганбегян, вызванный свидетелем, заявил, что он никогда ничего подобного не говорил, и что это действительно — клевета на советский государственный и общественный строй. Аганбегян на суд не явился, хотя был вызван в качестве свидетеля обвинения; суд, посоветовавшись на месте, решил, что судебное разбирательство можно продолжить в его отсутствие. При допросе Алтунян объяснил, что потерял последнюю страницу стенограммы и пытался восстановить ее по памяти.

4) Составление и подписание письма в защиту П. Г. Григоренко.

5) Подписание письма в ООН (Алтунян — член Инициативной группы).

6) Подписание письма к Московскому совещанию коммунистических и рабочих партий, июнь 1969 г.

Обвинительная речь прокурора содержала в себе все обвинения, подпадающие под статью 70, вплоть до того, что Алтунян совершал особо опасные государственные преступления, хотя он обвинялся по ст. 190¹, а не по ст. 70. Прокурор Трухин требовал лишения свободы для обвиняемого на 3 года. Адвокат Ария в своей речи согласился с 4, 5 и 6 пунктом обвинения, но заявил, что документы не являются заведомо ложными, т. к. подсудимый Алтунян искренне верил фактам, изложенным в них. Справедливость трех первых пунктов обвинения адвокат отрицал. В заключительной части речи он обратился к суду с просьбой вынести подсудимому Алтуняну наказание, не связанное с лишением свободы.

Алтунян себя виновным не признал. В последнем слове он сказал, что всегда боролся и будет бороться против проявлений сталинизма в нашей стране.

Суд, основываясь на том, что Алтунян, имея высшее образование, не мог не понимать, что инкриминируемые ему документы носят клеветнический характер, тем более, что его неоднократно предупреждали партийные и государственные органы о незаконных действиях, выразившихся в составлении и подписании документов, вхо-

дящих в обвинение, приговорил Алтуняна к 3 годам лагерей общего режима. Приговор целиком повторил обвинительное заключение.

Суд вынес частное определение для всех свидетелей защиты, подписавших, как и Алтунян, письмо в защиту Григоренко и обращение в ООН: Недоборе, Карасику, Пономареву, Левину, Лившицу, Калиновскому, Подольскому и Корнилову — выделяя их дела в особое судопроизводство. Зато свидетель обвинения Ирха, парт-орг военной академии, где преподавал Алтунян, позволил себе заявить на суде, что еще не известно, правильно ли реабилитирован командарм И. Якир.

23 декабря в Киеве происходило кассационное разбирательство по делу Генриха Алтуняна. Друзья не были допущены в зал заседания, им было заявлено, что заседание секретное. Из обвинительного приговора был исключен 3-й пункт и фраза, что «Алтунян совершал особо опасные преступления». Срок лишения свободы был оставлен без изменения.

ДЕЛО ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ПО ЗАЩИТЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В СССР

Факт обращения группы советских граждан в международную организацию ООН с протестом против нарушения в СССР основных гражданских прав и советских законов стал предметом расследования со стороны КГБ и прокуратуры. Осужден Г. Алтунян . . . В начале сентября 1969 г. на допросы в УКГБ г. Москвы были вызваны члены Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР Великанова, Краснов-Левитин, Лавут, Мальцев, Подъяпольский, Ходорович. Допросы производились следователем Мочаловым с нарушением ст. 158 УПК РСФСР (отказ сообщить дело, по которому вызваны свидетели). Следствие интересовалось причинами и целью создания Инициативной группы. Допросы всех свидетелей сопровождались руганью, криками и угрозами в адрес допрашиваемых: «Шваль!», «Отребье!», «Хватит, поиграли с вами в демократию!», «Пора к ногтю!», «По вас давно тюрьма плачет!», «Посягаете на советскую власть!» . . . Все вызванные на допрос отказались отвечать на вопросы, не относящиеся к делу, заявили, что обращение в ООН не может и не должно быть предметом расследования. Поправки и дополнения свидетелей . . . следователь отказался внести в протокол допроса, в связи с чем большинство из допрашиваемых отказалось подписать протоколы допроса.

12 сентября 1969 г. был арестован церковный писатель Анатолий Эммануилович Краснов (Левитин). 7 лет — с 1949 по 1956 г. — Левитин провел в сталинских лагерях. Впоследствии был реабилитирован. Глубокие религиозные убеждения и деятельность А. Э. Левитина в качестве церковного писателя привели к тому, что его, талантливого педагога-словесника, лишили права

преподавать в школе. А. Краснов-Левитин — автор ряда статей в «Журнале Московской Патриархии». Кроме того, он автор трехтомной истории обновленческой церкви. Начиная с 1959 г., Краснов написал большое число работ, в которых, в частности, выступал против нарушения религиозной свободы в СССР: «В борьбе за свет и правду», «Топот медный», «Огненная чаша», «Натянутая тетива», «О монашестве», «Вольная церковь» и др. В последние годы он написал две крупные философские работы «Строматы» и «Христос и Мастер». О Краснове-Левитине дважды писал журнал «Наука и Религия» (статья Васильева «Богослов-подстрекатель», 1966, № 10, и главка «Современный светский богослов» в статье Н. Смирнова «От анафемы к признанию», 1969, № 8). В течение всех последних лет Краснов-Левитин постоянно выступал также в защиту гражданских свобод, в защиту арестованных и осуждаемых по политическим обвинениям. Его подписи стоят под многочисленными коллективными протестами, в том числе под обращением к Будапештскому совещанию. Он является участником Инициативной группы защиты прав человека в СССР. . . 12 сентября 1969 г. на квартире у А. Э. Левитина следователь прокуратуры Л. С. Акимова произвела обыск. При обыске изъяты работы Краснова-Левитина «История обновленческой церкви», «О монашестве», «Строматы», письмо папе Римскому, письмо патриарху в поддержку письма священников оо. Глеба Якунина и Николая Эшлимана, «Свет в оконце» (отклик на арест П. Г. Григоренко), «Топот медный» и др. Кроме того, были изъяты материалы «Самиздата» и пишущая машинка. Перед обыском у А. Э. Левитина были его друзья Олег Воробьев и Вадим Шавров. Обыск начался, как только они вышли из дома, сами они вскоре были задержаны милицией по подозрению в «краже чемоданов». Шаврова выпустили из милиции после того, как обыск кончился, и А. Э. Краснова-Левитина уже увезли. Воробьева в милиции обыскали — без предъявления постановления на личный обыск — отобрали у него «Письмо к членам Политбюро» В. И. Ленина (о событиях в Шуе) и отправили в буйное отделение психиатрической больницы № 15, откуда он был выпущен только 20 октября. О. Воробьев — один из тех, кто выступил в поддержку обращения Инициативной

группы в ООН. А. Э. Левитина 3 дня продержали в камере предварительного заключения в милиции, затем перевели в Бутырскую тюрьму. Следствие начала вести прокуратура г. Москвы (следователь Акимов). Левитину предъявлено обвинение по ст. 142 УК РСФСР (нарушение законов об отделении церкви от государства) и по ст. 190¹. Свидетелей допрашивали о произведениях Краснова-Левитина, главным образом о «Строматах». 9 октября дело Левитина внезапно было передано в Краснодарскую прокуратуру, и А. Э. Краснова-Левитина отправили в Краснодар.

Вскоре после ареста А. Э. Левитина в «Самиздате» распространилось письмо «К общественности Советского Союза и зарубежных стран», подписанное 32 гражданами СССР, в том числе 6-ю бывшими политзаключенными (Леонид Васильев, Зинаида Григоренко, Александр Есенин-Вольпин, Виктор Красин, Вадим Шаров, Петр Якир). В письме говорится, что А. Э. Левитина «всё больше волновали проблемы гражданской свободы, ибо свобода неделима и не может быть религиозной свободы, если попираются основы права человека. В послесталинские годы он первый религиозный деятель в нашей стране, который утвердил эту истину и поднял свой голос в защиту гражданских прав и в защиту людей, ставших жертвами в борьбе за гражданские свободы». Во Всемирный Совет Церквей (копия патриарху Афинагору, папе Павлу VI и в Международный комитет защиты христианской культуры) направлено письмо 6-ти верующих христиан, посвященное церковно-религиозной деятельности А. Краснова (Левитина). «Мы, — говорится в письме, — глубоко сожалеем о том, что своих защитников Русская Православная Церковь находит в лице мирян и рядовых священников, а не в лице епископата Русской Церкви, многие представители которого... находятся в полнейшем подчинении у Совета по делам религии...» Письмо подписали Ю. Вишневецкая, Б. Дубовенко, В. Кокорев, В. Лашкова, Е. Строева, Ю. Титов.

22 августа 1970 г. в Москву вернулся А. Э. Краснов... освобожденный из-под стражи в г. Сочи. Он пробыл в заключении 11 месяцев, содержался в Армавирской тюрьме вместе с уголовниками... Дело Левитина-Краснова искусственно было связано с делом М. О. Севостьянова

(г. Сочи), у которого при обыске были обнаружены некоторые работы А. Э. Левитина. Следствие располагало экспертизой произведений Левитина-Краснова, проведенной профессиональными антирелигиозниками. Комиссия «экспертов»... произвольно вырывая фразы из произведений Левитина, посчитала клеветой на советский государственный строй такие его высказывания, как: «В Швеции — высокий уровень жизни», «В Англии рабочие не голосуют за коммунистов», «Христианин одинаково не может одобрить ни кровавого воскресенья' в 1905 году, ни убийства пяти невинных детей в Екатеринбургe — в 1918 году». Заключение экспертизы: Левитин является злостным антисоветчиком и должен, подобно некоторым сектантам, находиться в заключении. А. Э. Левитин-Краснов на все обвинения отвечал: «Ни в чем виновным себя не признаю. В моих произведениях есть лишь правда, ничего, кроме правды. Мой арест лишь подтверждает мои утверждения о наличии у нас в стране беззакония и произвола. Я категорически отказываюсь называть имена каких бы то ни было лиц, которым я давал читать свои произведения». В середине января 1970 г. следствие было закончено... Дело передано в Краснодарский краевой суд... Однако краевой суд отказался принять дело и передал его на доследование, мотивируя свое решение тем, что обвинение Левитина не конкретизировано... Прокуратура Краснодарского края обратилась в Верховный суд РСФСР с «частным протестом» против решения краевого суда... Верховный суд РСФСР решением от 9 июня 1970 г. отклонил протест и утвердил решение Краснодарского краевого суда.

11 августа Левитин-Краснов был освобожден из-под стражи, но ему было заявлено, что следствие будет продолжено. Изменена лишь мера пресечения. Вернувшись в Москву, Краснов вскоре описал в очерке «Мое возвращение» («Самиздат») и свое пребывание в тюрьме, и причину своего ареста: «В конце января 1969 г. произошло очередное качание политического маятника, качание вправо — к сталинским временам. Таких качаний после 1956 г. было несколько — все они были кратковременны (... колесо истории не поворачивается вспять), но каждое такое качание стоило какому-то количеству людей свободы... Я никогда не забуду этих дней. Я не

только подписал обращение в защиту П. Г. Григоренко и И. Я. Габая и вошел в Комитет борьбы за права человека, но и сам написал статью о Григоренко «Свет в оконце», хотя и совершенно ясно отдавал себе отчет в том, что меня за это арестуют».

11 сентября 1969 г. арестован — и вскоре осужден участник Инициативной группы Мустафа Джемилев. Дело Джемилева объединено с делом И. Габая [см. «Дело И. Габая и М. Джемилева»]. М. Джемилев отказался от адвоката, мотивируя отказ нежеланием повторения для адвоката судьбы Б. Золотухина [Борис Золотухин, защитник А. Гинзбурга, — исключен из КПСС, снят с заведования юридической консультацией, выведен из президиума Московской городской коллегии адвокатов; апелляция о восстановлении в партии не удовлетворена].

17 октября 1969 г. член Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР Юрий Мальцев был вызван повесткой в военкомат. Там ему сказали, что ему необходимо пройти медицинскую комиссию и сразу же проводили в кабинет невропатолога, где присутствовали два психиатра . . . Ю. Мальцева спросили, просил ли он разрешения о выезде из Советского Союза, почему он в 37 лет не женат, почему, имея высшее филологическое образование, работает разносчиком телеграмм на Центральном телеграфе. Ю. Мальцев в свою очередь спросил, какое отношение все эти обстоятельства имеют к состоянию его здоровья. Психиатры заметили, что эти обстоятельства — признаки странности. Затем офицер проводил Мальцева к военкому, который заявил, что Мальцева хотелось бы использовать как переводчика, а для этого необходима медицинская проверка. В кабинет военкома вошли санитары и увели Мальцева в 5-е отделение психиатрической больницы им. Кащенко. Там Мальцев отказался переодеваться. Дежурный врач отвел его в сторону и сказал: «Выпустить отсюда мы неправомочны, так как вас привезли сюда не по нашему требованию. Ваше сопротивление вынудит меня обратиться к помощи санитаров, которые переоденут вас насильно» . . . Его оставили на месячную экспертизу.

Мальцев Юрий Владимирович, 35 лет, окончил филологический факультет Ленинградского университета в 1955 г. Ряд книг итальянских авторов вышел в СССР

в его переводе. В письме Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций У-Тану [5 февраля 1968] он писал, что в статье 13 пункт 2 подписанной и СССР Всеобщей декларации прав человека говорится, что «каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную». «Орган советского правительства, 'Известия' постоянно высказывается за строгое соблюдение Декларации прав человека... Но, несмотря на все это, меня вот уже четвертый год советские власти насильно удерживают в этой стране... Еще 15 декабря 1964 г. я заявил Верховному Совету СССР о моем отказе от советского гражданства и о намерении эмигрировать из Советского Союза. Я хочу уехать из этой страны, так как, будучи литератором, я лишен возможности заниматься здесь своим делом. Я не приемлю официальной советской идеологии, я не верю в коммунизм — он представляется мне нереальной абстракцией — и потому в стране, где провозглашен обязательный принцип коммунистической партийности в искусстве, я обречен на духовное уничтожение. Без возможности высказывать свои убеждения, мне остается только рабское, чисто животное существование, недостойное человека». Ранее, 15 марта 1966 г., Мальцев, в заявлении председателю Президиума Верховного Совета СССР т. Подгорному, писал тоже о том, что «15 месяцев тому назад» «подал ходатайство... о своем отказе от советского подданства и о желании эмигрировать из Советского Союза, потому что, будучи, как по своему призванию так и по образованию, литератором... я лишен возможности заниматься в этой стране своим делом. Советские редакции отказываются печатать мои рассказы и мои статьи в таком виде, в каком я их пишу, с теми мыслями, теми мнениями и теми настроениями, которые я в них выражаю: их либо вовсе отвергают, либо заявляют мне, что если я хочу их напечатать, то я должен переделать их в соответствии с требованиями официальной советской идеологии и в соответствии с партийными установками. Но я не член этой партии, я не коммунист и не марксист и не желаю выслушивать приказания коммунистической партии или, выражаясь вашим языком, ее 'руководящие указания' и ее 'постановления по вопросам искусства'. Мне противно видеть, как литературу хотят низвести

до уровня примитивной пропаганды, ибо нет ничего более противоестественного для искусства, как заставлять его служить политике и официальной идеологии . . . Всякое уважающее себя правительство обычно высылает прочь из страны всех недовольных и считает, что оно наказывает человека тем, что лишает его своего гражданства, вы же, вопреки всякому понятию о достоинстве, считаете, что наказываете человека тем, что насильно удерживаете его в числе своих подданных» . . .

21 октября 1969 г. у членов Инициативной группы Н. Горбаневской, Т. С. Ходорович, А. Якобсона были проведены обыски работниками Московской городской прокуратуры. В постановлениях на обыск не было указано, по какому делу они производятся. Указана была только статья — 190¹ УК РСФСР . . . У А. Якобсона изъяты рукописи его литературоведческих работ, сборник «Полдень» о процессе над демонстрантами на Красной площади, стихи Ю. Даниэля. У Т. С. Ходорович изъято звание иностранных студентов, проводивших демонстрацию в ГУМ'е, и первое письмо Инициативной группы в ООН. У Горбаневской изъята ее личная переписка, ее стихи, «Хроники».

Н. Горбаневская осуждена судом на принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа [см. «Дело о демонстрации на Красной площади»].

В Киеве был сделан обыск у члена Инициативной группы Л. Плюща по делу Олега Бахтиарова, арестованного по ст. 62 УК УССР (соотв. ст. 70 УК РСФСР). Изъяты при обыске рукописи философских работ Л. Плюща, затем Л. Плющ вызван на допрос. Допрос проводился по делу Г. Алтуняна. Л. Плющ отказался давать показания, т. к. письмо в ООН, о котором его допрашивали, не подлежит следственному разбору. Второй допрос Л. Плюща проводился по делу Бахтиарова, у которого при аресте были изъяты философские работы Бердяева. На этом допросе Л. Плющ также отказался давать показания.

О преследовании члена Инициативной группы Владимира Борисова (Ленинград) — см. выше. О преследовании члена группы В. Красина — см. «Дело В. Красина».

ДЕЛО ВИКТОРА КРАСИНА

Виктор Красин, 1929 г. рожд., бывший узник сталинских лагерей, экономист по специальности, член Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР [возглавляемой акад. А. Д. Сахаровым]. Отец троих детей. 20 декабря [1969 г.] в 23 часа 45 мин. Красин был задержан на квартире своего друга. Сотрудники милиции и агенты в штатском ворвались в квартиру, едва не сорвали дверь с петель. Грубо оттолкнув хозяйку квартиры, распахивая на ходу шкафы в коридоре, устремились в комнату, где был Виктор Красин. Ему предъявили постановление на задержание, подписанное прокурором Перовского района г. Москвы. В той же квартире находились жена Красина с тремя детьми и семеро детей хозяев квартиры, они были разбужены среди ночи. Жена Красина хотела сообщить по телефону друзьям о задержании мужа, но ей не позволили этого сделать и обозвали хулиганкой. Без предъявления ордера на обыск пришедшие хотели обыскать квартиру. Хозяин хотел воспротивиться этому, но у него самого была изъята переводная работа, якобы на экспертизу.

Друзья и жена всю ночь разыскивали Красина по отделениям милиции г. Москвы, но только днем удалось узнать, что он содержится в 57 отделении милиции. Ни друзьям, ни даже жене не сообщили причин задержания. Утром 22 декабря Красин был переведен в 102 отделение милиции, где и находился последующие дни. Михайлов, заместитель начальника уголовного розыска 102 отделения милиции, в разговоре с Анной Красиной, женой Виктора Красина, сказал: «Как прикажут, так и будет — или освободим, или осудим, это от нас не зависит». Пока Красин находился в милиции (3 дня), вход туда строго контролировался, каждого входящего строго спрашивали, куда и к кому идет. Вечером 22 де-

кабря к Красину вызывалась неотложка; диагноз — спазм аорты, и все-таки Красина оставили в той же камере — в ужасных условиях: нет ни окна, ни вентиляции, в камере — пьяницы, хулиганы, душевнобольные, которых больница не принимает на лечение.

23 декабря состоялась медицинская экспертиза, которая обнаружила у Красина болезни сердца, желудка. Экспертиза установила, что Красин не может заниматься тяжелым физическим трудом и рекомендовала работу по специальности.

23 декабря Красин был доставлен на собеседование к прокурору Перовского района, где ему, наконец, сообщили причины задержания и ареста: год и три месяца не работал, не заботился о детях, не посещал родительские собрания в школе, не присутствовал на дне рождения сына.

Красин известен как активный борец против сталинизма. В последнее время Красин заканчивал работу над кандидатской диссертацией, внештатно работал техническим переводчиком во ВНИИТИ.

23 декабря в 18 часов, после беседы с прокурором, состоялся суд. Жене Красина не было сообщено о времени и месте суда, и она случайно оказалась на суде и выступила свидетелем. Красину было предъявлено обвинение (Указ Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г.) в том, что он вел антиобщественный паразитический образ жизни. Обвинение основывалось на характеристике с места работы, где Красин не работал уже год и 3 месяца. Характеристика была подписана В. Михайлевским, зав. лабораторией Центрального экономико-математического института. Обвинение в том, что Красин не посещал родительские собрания и не был на дне рождения у сына, фигурировали и на суде. Судья задал Красину вопрос, почему у его матери фамилия Розенберг. Красин ответил, что мать оставила девичью фамилию.

Анна Красина заявила, что не имеет к мужу никаких претензий, что в течение многих лет семья жила только на зарплату мужа и никого не интересовало, что едят ее дети... что она заинтересована в окончании работы над диссертацией. Анна Красина заявила, что судить ее мужа, как тунеядца, — незаконно.

Судья спросил Красина, что он может сказать суду. Красин ответил, что не считает себя тунеядцем, но если суд вынесет обвинительный приговор, то он обжалует его в порядке прокурорского надзора.

Красина приговорили к 5 годам (максимум по этому указу) высылки. 24 декабря он был этапирован в Красноярский край.

ДЕЛО ИЛЬИ ГАБАЯ И МУСТАФЫ ДЖЕМИЛЕВА

[7 мая 1969 г.] был произведен обыск у Ильи Габая. [При обыске... был изъят архив крымско-татарских документов. 19 мая Илья Габай был арестован и отправлен в Ташкент, в ведение] следователя [сталиниста] Березовского. Илья Габай [33 лет], учитель, поэт, сценарист, последние годы работавший в основном редактором, впервые был арестован в январе 1967 г. за участие в демонстрации на Пушкинской площади. После 4 месяцев пребывания в Лефортовской тюрьме он освобожден ввиду отсутствия состава преступления. После обращения «К деятелям науки, культуры, искусства», которое Илья Габай вместе с Юлием Кимом и Петром Якиром написал после процесса Галанскова и др., Габай был уволен с работы, не мог никуда устроиться и перебивался случайными заработками. Несмотря на то, что 25 августа 1968 г. Илья Габая не было в Москве, — он работал в дальней экспедиции рабочим, следственные органы вызвали его на допрос по делу о демонстрации 25 августа, который фактически был допросом по поводу вышеназванного обращения. С октября 1968 г. до момента ареста в квартире Габая было произведено 4 обыска. Каждый раз изымалось обращение, копии писем советских граждан в правительственные и судебные органы, стихи И. Габая. Среди архива крымско-татарских документов изъятые вырезки из газет о подвигах крымских татар в Великой Отечественной войне, копии писем трудящихся крымских татар, требующих возврата на родину, брошюра акад. Сахарова, сборник «Похороны А. Е. Костерина», крымско-татарские информации и т. п. Илья Габай был арестован без предъявления постановления об аресте старшим следователем прокуратуры г. Москвы Тарасовым и немедленно отправлен в Ташкент самолетом. Следователь Березовский отказался отвечать на любые

вопросы ташкентских друзей Габая, отказался принять от них передачу в тюрьму и вообще заявил, что он такого не знает, никакого Габая в Ташкенте нет. Продуктовая и вещевая посылки и деньги, посланные Илье Габаю его женой, не дошли до него. Они месяц пролежали на Ташкентском почтамте — администрация следственной тюрьмы, обязанная получить их и передать заключенному, не сделала этого, а жене Габая сообщила, что посылки в их адрес не поступали. Почта отправила посылки и деньги обратно... Галина Габай выехала в Ташкент, чтобы лично передать мужу в тюрьму продукты, деньги, вещи. Друзья Ильи Габая написали письмо в его защиту, направленное генеральному прокурору СССР, и выпустили в «Самиздате» небольшой сборник стихов Габая.

Когда жена Ильи Габая, Галина Габай, обратилась к генеральному прокурору с жалобой, в которой она протестовала не только против самого факта незаконного ареста своего мужа, но и против ничем не обоснованной отправки его в Ташкент (по закону следствие ведется по месту совершения преступления, а в Ташкенте Габай никогда не был), ей ответили, что дело поручено вести Ташкентской прокуратуре, так как там находится большинство свидетелей. А Петра Григорьевича Григоренко... обманом заманили в Ташкент, чтобы там арестовать. Однако, в июле начался допрос свидетелей в Москве, сначала — следователями районных прокуратур по поручению Ташкентской прокуратуры, а затем в Москву прибыл следователь Б. И. Березовский. Березовский ведет дело и Габая, и Григоренко. Будет ли это одно дело или два отдельных... [в то время было] неясно. За свое пребывание в Москве Березовский допросил большое количество свидетелей, практически доказав несостоятельность заявления о том, что большинство свидетелей находится в Ташкенте. Свидетелей спрашивают об участии Григоренко и Габая в составлении ряда документов, под которыми стоят их подписи: среди называемых документов обращение к Будапештскому совещанию, обращение Кима, Якира и Габая «К деятелям науки, культуры, искусства», письма в защиту демонстрантов, в защиту Анатолия Марченко, в защиту Ивана Яхимовича, неотправленное письмо граж-

дан города Москвы в защиту крымских татар, сборник «Памяти А. Е. Костерина» и др. Ставятся вопросы также о том, как изготовлялись те или иные документы, в частности, какое участие в их изготовлении и распространении принимали вызываемые свидетели. Насколько известно, ни один из свидетелей не отвечал на вопросы, касающиеся изготовления и распространения документов, указывая, что эти документы не являются клеветническими, не подпадают под действие ст. 190¹, по которой ведется дело, и потому их изготовление не может быть предметом свидетельских показаний. В ответ на провокационные заявления Березовского о том, что «вы же все время утверждаете, что делаете все открыто», ему отвечали, что у карательных органов иное мнение по поводу криминальности этих документов, поэтому свидетели могут лишь подтверждать свои подписи, а не давать следствию сведения о других лицах, которые могут быть использованы против этих людей.

Все или почти все свидетели заявили о том, что считают арест Григоренко и Габая и следствие по их делу незаконными акциями, некоторые из свидетелей на этом основании полностью отказались давать показания. Впрочем, это всё шла речь о свидетелях, которые могут быть отнесены если не к друзьям и единомышленникам, то, по крайней мере, к людям, сочувствующим обвиняемым. Известно, что Березовский вызывал и свидетелей иного рода. В их числе работник КГБ, руководитель центрального оперотряда, известный под именем «Олега Ивановича Александрова», как он назвал себя в милиции, куда привела его возмущенная толпа после того, как он у здания суда над демонстрантами выхватил письмо, написанное людьми, не попавшими на суд. Этого человека с черной бородой хорошо помнят те, кто был около суда над демонстрантами, и те, кто был у суда над Галансковым и Гинзбургом, — в обоих случаях он направлял действия «дружинников без повязок». Вместе с ним там все время находился человек в черной фуражке, видимо, правая рука шефа, — он также пригодился следователю Березовскому. Березовский вызвал свидетелем также небезызвестного Алексея Добровольского. Алексей Добровольский, на судебном процессе оклеветавший Гинзбурга и Галанскова, после выхода из лагеря

в январе 1969 г. живет в Угличе. Не в пример освобожденным политзаключенным, которые месяцами не могут нигде прописаться и устроиться на работу, Добровольский прописался очень быстро и работает заведующим технической библиотекой — это при том, что всё его высшее образование составляет полкурса библиотечного института. Как правило, бывшие политзаключенные и с высшим образованием, с аспирантурой... и с кандидатской степенью... могут рассчитывать лишь на самую неквалифицированную работу, во всяком случае, не на работу с книгами и с людьми. Известно, что Добровольский вскоре после приезда уже утверждал, что он скоро пропишется в Москве. Возможно, его новые лжесвидетельства [могли ему помочь] и в этом... Галина Габай, которая ездила в июле 1969 г. в Ташкент и была принята Березовским крайне грубо, а затем в Москве вызывалась как свидетель, написала и выпустила в «Самиздате» очерк «Две встречи с Березовским».

В Политбюро ЦК КПСС

11 сентября 1969 г. в г. Гулистане арестован Мустафа Джемилев, который в течение ряда лет является активным участником нашего движения за восстановление конституционных и национальных прав крымско-татарского народа. В его доме (без его присутствия) неоднократно делались обыски. Изымались документы национального движения крымско-татарского народа, адресованные в партийные и государственные инстанции, а также к общественности страны. Мы обращаемся в Политбюро ЦК и к прогрессивной общественности с просьбой пресечь произвол и беззакония, творимые против граждан, требующих восстановления справедливости. Свободу Мустафе Джемилеву! Свободу всем, кто борется за равенство людей и равенство наций!

Ахметов, Сейтумеров, Джелядова, Халаджиева, Аппазова, Солядимова, Мустафаева, Ибатулаева, Алимшаева, Аппазова З., Аблаев, Шемсудинова, Бекирова, Хаджиметова, Хаджиметов.

24 сентября 1969 г., Узбекская ССР.

С 12 по 19 января 1970 г. в Ташкентском городском суде слушалось дело Ильи Габая и Мустафы Джемилева. Москвич И. Габай после многочисленных обысков был

арестован дома 19 мая 1969 г. и отправлен в Ташкент, хотя обвинялся он по ст. 190¹ УК РСФСР. Мустафа Джемилев обвинялся по ст. 191⁴ УК УзССР (соотв. ст. 190¹ УК РСФСР). Судья — Писаренко. Заседатели — Орлова и Усманова. Обвинитель — прокурор УзССР — Бочаров. Габая защищал московский адвокат Д. И. Каминская; Джемилев защищался сам.

Габай обвинялся в изготовлении и распространении ряда документов [см. выше]... Джемилеву — в числе прочих документов — инкриминировалась 69-я крымскотатарская информация. Оба подсудимых не признали себя виновными.

В ходе разбирательства подсудимые и адвокат требовали проверки фактов, изложенных в инкриминируемых документах, отрицая наличие в них клеветы. Суд уклонился от проверки фактов, а устанавливал только авторство, обстоятельства составления и распространения документов.

Допросы всех свидетелей касались их убеждений, мировоззрения и личной жизни. Свидетели, допрошенные на процессе, заявили, что документы, инкриминируемые подсудимым, отражают действительное положение вещей и потому не являются клеветническими. Однако это не было принято во внимание судом при вынесении приговора.

Во все дни процесса около здания суда дежурили усиленные наряды милиции. В зале суда постоянно присутствовало 20—30 работников КГБ. Однажды, когда они заняли все места в первых двух рядах, разразился скандал. Подсудимые и их оттесненные к задним рядам родственники потребовали у суда предложить работникам КГБ покинуть зал заседания. Габай и Джемилев заявили протест против такого давления на суд со стороны КГБ, одновременно требуя пропустить в зал тех близких и друзей, которых милиция в то время отгоняла от здания суда. Судья заявил, что товарищи в первых рядах не нарушают порядка, в то время, как один из товарищей в задних рядах нарушает порядок: он сидит в зале суда в головном уборе. Это был 75-летний дядя Мустафы Джемилева, который, по мусульманскому обычаю, не снимал шапки. Судья предложил ему

снять шапку, либо покинуть зал. Старик, заплакав, обнажил голову. В зале поднялся крик, стон. Только первые 2 ряда хранили невозмутимое спокойствие.

Джемилев потребовал, чтобы его увели и судили заочно, если не уберут кагебистов. Габай заявил, что присутствие агентов КГБ рассматривает как личное оскорбление. Всем присутствующим предложили покинуть зал, был объявлен перерыв. После перерыва и до конца процесса работники КГБ занимали в зале последние ряды.

Обвинительная речь Бочарова (ему — как организатору массового избиения крымских татар в г. Чирчике — оба подсудимых дали отвод, но отвод был отклонен) продолжалась час и на $\frac{3}{4}$ свелась к пересказу передовиц о происках буржуазной идеологии. Габай, по словам прокурора, — «человек очень умный, в смысле — хитрый», карьерист, запасшийся к суду блестящими характеристиками с разных мест работы и многочисленными друзьями, готовыми свидетельствовать в его пользу. Также из карьеристских соображений Габай клеветал на советский строй... Джемилев — махровый преступник... Обвинитель просит для Габая 3 года лагерей общего режима, для Джемилева — 3 года лагерей строгого режима.

Д. И. Каминская в защитительной речи отметила, что не собиралась особо говорить о личности своего подсудимого, так как выступления свидетелей, характеристики и письменные заявления, поступившие в суд, не оставляют никакого сомнения в бескорыстности и благородстве Габая, в том, что он — человек исключительных нравственных качеств; но коль скоро этого вопроса коснулся обвинитель... Стыдно... пользоваться положением человека, находящегося под охраной, и бросать ему в лицо ни с чем не сообразные оскорбления. О какой карьере говорит государственный обвинитель? О той, которая привела Габая на скамью подсудимых? Или прокурор не понимает, что, ставя свою подпись под различными протестами, Габай исключил для себя возможность какого бы то ни было преуспевания? Анализируя документы, инкриминируемые Габаю, Д. И. Каминская показала, что факты, изложенные в этих документах, судом не опровергнуты и, следовательно, не доказана объективная сторона преступления; что же касается субъективной

стороны дела (ст. 190¹ УК РСФСР предполагает осознанность, «заведомость» лжи), то И. Габай безусловно верит в правдивость всего, написанного и подписанного им. Защитник просит оправдать Габая.

В последнем слове И. Габай сказал, что одно из самых страшных проявлений сталинизма — это массовое растреление людей. Он, Габай, выступает против политических репрессий, против преследования инакомыслящих, ибо не желает уподобляться представителям того поколения, которое «не заметило» исчезновения 14 миллионов граждан в 30—40-е годы. Его, Габая, обвиняют в клевете, даже не пытаясь по существу возражать против этой «клеветы». Зато безнаказанно клевета делает свое дело в печати. Например, журнал «Крым» обливает грязью крымско-татарскую нацию. А разве понесли наказание те, кто называл евреев-врачей «убийцами в белых халатах»? Расплатились ли за свою клевету такие нагнетатели погромной атмосферы, как, например, Грибачёв и Кононенко? Кто же отделяет у нас истину от лжи? Говорят: народ! Но все преступления, которые творились у нас, все несправедливости, которые творятся сейчас, — всё это делается именем народа. И так будет продолжаться до тех пор, пока механическим поднятием рук будут решаться вопросы жизни и смерти; до тех пор, пока дух мертвящего единомыслия будет подавлять личность, превращая самое понятие «народ» в инструмент демагогии и насилия... В заключение И. Габай сказал, что ничего для себя не просит у суда.

В своей защитительной речи и в последнем слове М. Джемилев рассказал о борьбе крымско-татарского народа за возвращение на родину и восстановление своей государственности. М. Джемилев говорил о созданной в Крыму материальной и духовной культуре своего народа. Джемилев представил суду список опубликованной у нас беллетристики и публицистики, содержащей клевету на крымско-татарский народ. М. Джемилев рассказал о гонениях, которым подвергаются со стороны местных властей и карательных органов крымские татары, пытающиеся вернуться на родину. М. Джемилев заявил, что, в знак протеста против преследования крымских татар и судебного произвола, он объявляет 30-днев-

ную голодовку. «Родина или смерть!» — таковы были последние слова М. Джемилева.

Суд приговорил Илью Габая к 3 годам лишения свободы (общий режим); Мустафу Джемилева — к 3 годам лишения свободы (строгий режим) . . .

406 крымских татар направили в Верховный суд СССР письмо-протест в защиту Джемилева и Габая.

Внесудебные политические преследования: Галина Габай, жена Ильи Габая, педагог-дефектолог, преподаватель литературы Московской межобластной заочной средней школы глухих и слабослышащих, переведена администрацией школы (после телефонного звонка из райкома) на худшее и низкооплачиваемое место. Ее обвинили в совершении политических ошибок (называет Сталина преступником, не говоря одновременно о его заслугах), в призыве учеников к буржуазному индивидуализму и т. д. Ирина Якир, студентка вечернего отделения Историко-архивного института, исключена из института «за невыполнение учебного плана и за поведение, недостойное советской студентки», — фактически же за присутствие на площади Маяковского во время демонстрации крымских татар 6 июня 1969 г.

ДЕЛО ГЕНЕРАЛА ПЕТРА ГРИГОРЕНКО

7 мая 1969 г. в Ташкенте арестован П. Г. Григоренко. Он обвиняется по ст. 191⁴ УК УзССР, соответствующей ст. 190¹ УК РСФСР.

Петр Григорьевич Григоренко родился в 1907 г. в с. Борисовка Запорожской области. Его отец был одним из организаторов колхоза, сам П. Григоренко — первый комсомолец села. С 15 лет он работает слесарем в Донецке, там же он окончил рабфак. В 1929 г. Григоренко поступил в Харьковский политехнический институт и с 3-го курса по партнабору перешел в Военно-инженерную академию им. Куйбышева. После окончания академии 4 года служил в военных частях, затем учился в Академии Генерального штаба им. Ворошилова. П. Г. Григоренко — участник боев под Халхин-Голом и Великой Отечественной войны. В результате ранения бедра Григоренко стал инвалидом Отечественной войны II группы. Он награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны и 6 медалями. После войны П. Г. Григоренко 17 лет работал в Академии им. Фрунзе, сначала начальником научно-исследовательского отдела, затем — начальником отдела кибернетики. В 1948 г. защитил диссертацию и получил степень кандидата военных наук. В 1959 г. он получил звание генерал-майора. В 1961 г. П. Г. Григоренко выступил на партконференции Ленинского района г. Москвы за восстановление ленинских принципов.

Проходила конференция эта в самый разгар хрущевщины... И вдруг берет слово этот самый делегат с совещательным голосом, генерал-майор Григоренко... И начинает костить политику Хрущева в сельском хозяйстве, его внешнюю политку, культ личности и намечающийся возврат к нему... Во время перерыва решил

президиум лишить его мандата. Изгнали с конференции, а выступление его обошли полным молчанием, как будто его и не было. А на следующий день исключили его из партии. Но он написал протест... Во всяком случае, его восстановили в партии со строгим выговором... Был уволен с работы, а через полгода отправлен в Уссурийский край с понижением в должности, была отменена защита докторской диссертации, назначенная на ноябрь 1961 г. Он и в Уссурийске не прекратил своих открытых выступлений против волонтаризма тогдашнего руководства и 1 февраля 1964 г. был арестован органами КГБ. Чтобы не дать Григоренко возможности выступить на суде, его объявили невменяемым и поместили в тюремную психобольницу в Ленинграде, откуда он вышел только через 15 месяцев. За это время его разжаловали в солдаты и исключили из партии, хотя, если человек болен, то он не должен нести за свои деяния не только судебной, но и партийной ответственности. Эти репрессии являются дополнительным доказательством ложности версии о «сумасшествии» П. Г. Григоренко.

Несмотря на трудную жизнь после выхода из больницы (чтобы заработать на хлеб, инвалиду войны пришлось работать грузчиком), несмотря на угрозы нового заключения в больницу, генерал Григоренко не прекратил борьбы против произвола. Он выступил с протестом против судов над Хаустовым и Буковским, над Гинзбургом и Галансковым, над участниками демонстрации 25 августа. Он один из 12 авторов обращения к Будапештскому совещанию. Он выступил в защиту арестованного Анатолия Марченко. Он протестовал против ареста Ирины Белгородской, а затем составил запись суда над ней. Он составил сборник о похоронах А. Е. Костерина, ближайшего друга, вместе с которым он вел борьбу против всякого произвола в национальной политике.

[В своей речи в московском крематории, помещенной им в этом сборнике, Григоренко, между прочим, говорил, что] «важнейшая задача сегодняшнего дня — развитие подлинной ленинской демократии, бескомпромиссная борьба против тоталитаризма, скрывающегося под маской так называемой, социалистической демократии'...»

Вместе с Иваном Яхимовичем он резко осудил продолжающуюся оккупацию Чехословакии. Все большее и большее место в его жизни занимала судьба крымских татар. Его многочисленные выступления в защиту лишённого родины крымско-татарского народа снискали ему уважение в широких слоях народа. [Как уже рассказывалось выше (см. «Дело крымских татар»)], 2.000 крымских татар обратились к П. Г. Григоренко с просьбой выступить общественным защитником на предстоящем процессе 10 активистов крымско-татарского движения в Ташкенте. Григоренко послал это письмо и свое заявление в Верховный суд УзССР, но ответа не получил.

Незадолго до своего ареста, готовясь к выступлению на процессе, П. Григоренко подготовил речь в защиту подсудимых. Сегодня... эта речь широко расходится по каналам «Самиздата»... Пусть, говорит автор, обвинительное заключение выглядит очень внушительно: 87 страниц основного текста и 9 страниц приложений, пусть следственное заключение состоит из 20 томов, пусть приглашено 108 свидетелей, «... нас, выросших в стране гигантомании, никакие масштабы удивить не могут. Мы уже дошли до того состояния, когда главным для нас является суть... А суть обвинения в чем?» Затем, разбирая по очереди все обвинения: распространение документов, содержащих измышления на советский государственный и общественный строй, проведение нелегальных сборищ и тому подобное, автор последовательно отвергает их, как ложные... Крымско-татарский национальный вопрос существует, говорит далее генерал П. Григоренко. И существуют преступники. Но вопрос этот создан не татарами, а теми, кто их оклеветал, ограбил и зверски изгнал со своей родины. Эти люди совершили величайшее преступление против человечества — геноцид. Крымских татар хотели истребить как нацию, частично физически, частично путем ассимиляции. У крымских татар отняли автономию, язык, литературу, культуру, веру, традиции. Со времени депортации и по сей день крымские татары содержатся в резерватах. Хотя в 1967 г. с них сняли режим спецпоселенцев, но покидать места поселения им не разрешили... Татар, воспринявших указ как амнистию и по собственному

почину возвращающихся в Крым, подвергают там страшным гонениям. Их ловят, избивают, связывают, вывозят под конвоем... в Среднюю Азию. Именно эти действия властей и породили документы, за которые, как за клевету, обвиняются сейчас подсудимые... «Кто же преступники? — спрашивает генерал П. Григоренко. — Те, кто борются за национальное равноправие своего народа, или те, кто хочет увековечить сталинский произвол 1944 г., кто хочет завершить политику геноцида в отношении крымских татар?»

Вокруг П. Г. Григоренко сгустились сплетни и провокации. На различных собраниях и беседах рассказывалось, что Григоренко «ради славы продался империалистам». Рассчитывая на самые низкие чувства, заявляли, что Григоренко — еврей, но, вступая в партию, записался украинцем. Распространялось анонимное письмо, якобы написанное крымскими татарами, которые растолковывали своим соотечественникам, что Григоренко — сумасшедший и антисоветчик. В апреле [1969] года органы КГБ попытались организовать провокацию: устроить встречу Григоренко с неизвестным, позвонившим по телефону и, возможно, захватить его «на месте преступления», при передаче ему каких-нибудь действительно антисоветских материалов. Григоренко пришел на эту «встречу» с большим числом своих друзей, кругом стояли машины КГБ и сновали кагебисты, но при виде нежелательных свидетелей им пришлось отменить свою провокацию. «Неизвестный» не подошел к генералу и только позднее, после ареста Григоренко, явился к его жене и грубо провоцировал ее. Слежка за самим Григоренко и за его домом достигла чрезвычайных размеров, за ним ездили, не скрываясь и даже пытались спровоцировать его на открытое столкновение. В апреле 1969 г. П. Г. Григоренко обратился со вторым письмом к Ю. В. Андропову, но, как и на первое, посланное в феврале 1968 г., не получил ответа. 2 мая [1969] г. в квартире П. Г. Григоренко раздался телефонный звонок. Звонивший сказал, что он говорит по поручению Джемилева и что суд в Ташкенте начинается 4 мая. П. Г. Григоренко немедленно вылетел в Ташкент и там узнал, что дата суда еще не назначена, а Мустафа Джемилев никого не просил звонить. 7 мая, с обратным билетом

(с температурой 38°) П. Г. Григоренко арестовали и поместили в следственный изолятор КГБ при СМ Узбекистана.

В тот же день в Москве было произведено 7 обысков по делу Григоренко: в его квартире, у Ильи Габая, Виктора Красина, Людмилы Алексеевой, Андрея Амальрика, Надежды Емелькиной, Зампиры Асановой. Обыски производили следователи прокуратуры г. Москвы по поручению прокуратуры Узбекистана. Общее руководство всеми обысками со своего рабочего места в прокуратуре осуществляла Л. С. Акимова, известная как следователь по делу Ирины Белгородской и руководитель следствия по делам о демонстрации 22 января 1967 г. на Пушкинской площади и о демонстрации 25 августа 1968 г. на Красной площади. При обысках не только отбирался весь «Самиздат», пишущие машинки, все записные книжки и клочки бумаги с телефонами и другими записями, но и вся личная переписка, фотографии, ценности. У Людмилы Алексеевой были изъяты личные письма Анатолия Марченко, письма Юлия Даниэля к семье, фотографии Солженицына, Марченко, Литвинова, Богораз. У Надежды Емелькиной изъяты 2 сберегательные книжки ее матери. Сама Емелькина была подвергнута личному обыску, причем за отсутствием женщины-следователя ее, в нарушение закона, обыскивала понятая. Вообще понятые на обысках вели себя не как лица, долженствующие следить за соблюдением законности, а как активные помощники обыскивающих.

П. Г. Григоренко продолжал находиться в Ташкенте. Следствие по его делу вел следователь Березовский, руководивший следствием по делу 10 крымских татар, защитником которых хотел выступить Григоренко, и в ноябре 1968 г. проводивший у Григоренко обыск. Основные вопросы, задаваемые свидетелям, это — получали ли они от Григоренко «заведомо ложные» документы и замечали ли у него какие-либо отклонения от нормальной психики. Пока [было] вызвано небольшое число свидетелей; в Москве — жена, дочь и племянница А. Е. Костерина, в Ташкенте — сестра Петра Григорьевича, а также Д. Ильясов и З. Ильясова, на квартире которых Григоренко был арестован.

Арест П. Г. Григоренко вызвал негодование общественности. У ворот Ташкентской тюрьмы крымские татары выставили пикеты с требованием свободы Григоренко. Это же требование было одним из лозунгов демонстрации 6 июня [1969] г. в Москве. 55 подписей было собрано в течение одного дня под обращением в защиту Григоренко. Открытое письмо о жизни, судьбе и последнем аресте Петра Григорьевича написала его жена Зинаида Михайловна Григоренко. В «Самиздате» появились также две значительных работы, посвященных П. Г. Григоренко: «Свет в оконце» А. Краснова и «К аресту генерала Григоренко» Б. Цукермана.

Автор первой, известный церковный писатель, приводя евангельскую притчу о самарянине, пишет, что сейчас он видит больше христианского духа не в деятелях православной церкви, а в самарянах, «людях, пришедших со стороны». «Милосердным самарянином» представляется ему П. Г. Григоренко, который за свою смелую критику «поплатился... карьерой, обрек себя на скитания по тюрьмам и сумасшедшим домам, на обыски и аресты, на унижения и оскорбления» и теперь «явился на помощь чужому ему по крови крымско-татарскому народу и поплатился свободой». Размышления о П. Г. Григоренко и о судьбах крымских татар приводят Краснова к более широким проблемам борьбы за демократию и человечность в нашей стране.

Вторая работа содержит краткие биографические сведения о П. Г. Григоренко и раскрывает объективный характер проблем, к решению которых Григоренко прилагал свои силы на протяжении последних лет. Несмотря на сдержанный характер разбора, автору не удается скрыть чувства восхищения перед искренностью и нравственной чистотой П. Г. Григоренко и преклонение перед его подвигом.

Незадолго до своего ареста ген. П. Григоренко обратился к избирателям своего района с обращением . . . :

Членам участковой избирательной комиссии Ленинского района г. Москвы

. . . В редакции газет «Известия» и «Московская Правда»

Не желая доставлять излишние хлопоты агитаторам, сообщаю вам, что не приду к избирательной урне. Причины: 1. У нас нет выборов. Есть голосование за того единственного кандидата, которого выставили те, кто стоит у власти сегодня. Придут ли люди или не придут, этот единственный кандидат будет «избран». Следовательно, выборы — это пустая комедия, нужная тем, кто стоит у власти, для того, чтобы продемонстрировать перед заграницей, что весь народ поддерживает их. Я не желаю участвовать ни в каких комедиях. Поэтому пойду на голосование только тогда, когда мой голос будет что-нибудь значить. 2. Наши депутаты не обладают никакой реальной властью и даже правом голоса. Им позволяют высказываться только для того, чтобы одобрять политику и практическую деятельность хорошо спевшейся группы высших правителей. За все время действия нынешней конституции не было случая, чтобы кто-нибудь из депутатов любого ранга выступил против произвола властей. А ведь были времена, когда истреблялись десятки миллионов ни в чем не повинных людей, в том числе подавляющее большинство «избранных» народом депутатов. О бесправности депутатов свидетельствует и мой собственный опыт. В 1964 г. я был арестован органами КГБ только за то, что выступил за восстановление ленинских принципов в партийной и государственной жизни. Судить меня не стали, по-видимому, боясь той правды, которую я мог высказать на суде. Поэтому меня без суда упрятали в тюремную психиатричку, уволили из армии и разжаловали из генералов в рядовые. Мои обращения в правительство и органы правосудия остались без ответа. Не ответил мне и ни один из депутатов. А обращался я ко всем депутатам Верховного Совета СССР, в том числе и к тем, за кого я подавал свой голос. Теперь судите сами, могу ли я участвовать в избирательной комедии, имеющей целью выразить доверие правительству, пытающемуся увековечить свою власть методами произвола?!

16 марта 1969 г.

П. Григоренко

Кроме того, в «Самиздате» имеется последнее перед арестом публицистическое произведение П. Г. Григоренко

«Кто же преступники?», написанное им после чтения обвинительного заключения по делу 10 крымских татар. [Это — подготовленная им, но не произнесенная защитительная речь на суде над 10-ю].

[Протесты против ареста ген. Григоренко продолжались — в них, кроме граждан СССР, приняли участие и иностранцы. Так,] 6 октября 1969 г. в крупнейшем московском магазине ГУМ в 5 часов вечера Харальд Бристоль из Осло и Елизавета Ли из Упсалы провели демонстрацию... приковали себя наручниками к ограждению второго этажа и бросали вниз листовки...: «...Мы приехали в вашу страну, чтобы послужить делу законности и прав человека... Мы будем голодать, пока генерал-майор Григоренко не будет выпущен на свободу или пока премьер Косыгин не даст нам гарантию, что генерал-майор Григоренко предстанет без замедления перед судом открытым и законным»... 8 октября Е. Ли и Х. Бристоль были высланы из Советского Союза.

Из тюремных записей П. Г. Григоренко:

8 мая — 11 июня. Заявления генеральному прокурору УзССР Рузметову и генеральному прокурору СССР Руденко. Требования: изменить меру пресечения, освободив из-под стражи; или перенести следствие в Москву — по месту жительства и — в соответствии с УПК — «по месту совершения преступления» (инкриминируемые документы написаны в Москве); или дать свидание с жёнчй. Если ни одно из этих требований не будет удовлетворено, объявляю голодовку.

13 июня. Начало голодовки.

15 июня. Начало принудительного кормления. Били. Душили.

16—19 июня. Принудительное кормление. Бьют, душат. Выворачивают руки. Специально бьют по раненой ноге. Особенно усердствуют «лефортовцы», специально присланные из Москвы.

17 июня. Заявление о том, что дальнейшая голодовка будет в знак протеста против зверского обращения.

18 июня. Написал, кого считать виновниками смерти. После этих двух заявлений жестокости прекратились. Стали просто силой упаковывать в смирительную рубашку. Спротивлялся. Число наваливавшихся возросло с 5 до 12 человек. Борьба продолжалась долго. Обычно сва-

ливался со страшными болями в сердце. Надеялся, что сердце не выдержит. Желал смерти, рассчитывая, что она послужит разоблачению произвола.

20 июня. Пришла в камеру прокурор по надзору Наумова и дала понять, что смерть моя желательна. Было подтверждено то, что еще раньше сказал мне начальник изолятора майор Лысенко: «Вы не думайте, что работаете громкие похороны. Нет, их не будет — таких, как у Костерина. И тело ваше родственникам не выдадим. Они даже не узнают точную дату смерти. Им сообщат, может, через 3 дня, а может, через 3 месяца, а может, через полгода. И точного места вашего захоронения не укажут»... Зачем иду навстречу их желаниям? Заколебался в решении держать курс на смерть...

28 июня ген. Григоренко заявил о прекращении голодовки. До этого, 24 июня, «следователь Березовский сообщил, что в связи с моим арестом семья лишена пенсии». П. Г. Григоренко написал заявление на имя Руденко и на имя Косыгина («за что больную жену и сына-инвалида оставили без средств к существованию?»).

3 декабря в Ташкенте окончено следствие по делу П. Г. Григоренко. Судебно-психиатрическая экспертиза, проведенная в августе ташкентскими врачами, признала П. Г. Григоренко вменяемым. Эксперты указали также, что в любом случае помещать в психиатрическую больницу Григоренко в его возрасте и с его состоянием здоровья нельзя (в числе экспертов — главный психиатр гор. Ташкента Детингоф и главный психиатр Туркестанского военного округа Каган). Неудовлетворенные заключением экспертизы, следственные органы в октябре направили Григоренко в Москву для повторной экспертизы. При перевозке в холодном [автобусе, в Москве] 64-летний П. Г. Григоренко, одетый в летний костюм, так замерз, что в Лефортовскую тюрьму был доставлен в полуобморочном состоянии. Повторная экспертиза была в институте Сербского, где Григоренко находился на камерном содержании. 22 октября Григоренко признан невменяемым. Экспертизу проводили профессор Д. Р. Лунц и врачи Г. Морозов и В. Морозов. [Характер «экспертизы» и психиатрических наблюдений в институте Сербского сам Григоренко описывает достаточно красочно. Вспоминая, в частности, и свое пребывание в этой

же больнице в 1964 г., он рассказывает о наблюдавшей его тогда Маргарите Феликсовне, враче-психиатре, которая] «... записывала мои ответы невероятно извращенно. И делала это не только потому, что ей страшно хотелось представить меня невменяемым, но и в силу своей полной политической неграмотности и обывательской психологии. Последнее, пожалуй, было самым главным, что мешало ей понять меня правильно. Был, например, с ее стороны такой вопрос: ‚Петр Григорьевич, вы получили в академии около 800 рублей. Что же вас толкнуло на ваши антигосударственные действия? Чего вам не хватало?‘ Я взглянул на нее и понял, что любой ответ бесплоден, что для нее человек, идущий на материальные жертвы, невменяем, какими бы высокими побуждениями он ни руководствовался при этом. Поэтому я ответил кратко: ‚Вам этого не понять. Мне дышать было нечем‘. И надо было видеть, как радостно блеснули ее глаза, как быстро черкнула она в блокноте мой ответ, свидетельствующий, по ее мнению, о том, что перед ней — сумасшедший маньяк». [Не лучше, по словам ген. Григоренко, была и октябрьская экспертиза 1969 г.]

В самом конце следствия к обвинению по ст. 190¹ УК РСФСР были добавлены новые обвинения по ст. 191⁴ УК УзССР и по ст. 70 УК РСФСР, о чем адвокат Григоренко С. В. Каллистратова узнала только на суде, который начался 3 февраля 1970 г. Перед судом было отказано в свидании с П. Г. Григоренко и его адвокату, и его жене. Председатель суда Романова отклонила ходатайства защитника о вызове Григоренко в суд, о перенесении суда в Москву и о назначении третьей судебно-психиатрической экспертизы. З. М. Григоренко было объявлено, что она может быть представителем мужа на процессе и допускается к ознакомлению с материалами дела. [На следующий день выяснилось, что З. М. Григоренко не разрешено знакомиться с делом без адвоката, а так как С. В. Каллистратова должна была возвратиться в Москву, — для ознакомления с делом мужа (21 том, 6.000 листов) З. М. Григоренко имела лишь несколько часов 4 февраля]. Суд был отложен «до выздоровления экспертов» — Морозова и Лунца, вызванных, но не явившихся на суд. (Кроме того, по неизвестным причинам, не явились 22 свидетеля из 25, вызванных на суд.) 26

февраля 1970 г. суд собрался снова. Председатель — Романова. Прокурор — Мордовин. Адвокат — Каллистратова. Пять свидетелей: Н. Г. Григоренко — сестра П. Г. Григоренко, инженер, Ташкент; Дильшат Ильясов — врач, Ташкент; Пичугин, Бейтагоров, Николаев — все трое из Москвы. Эксперты — Лунц (московская комиссия), Детингоф (ташкентская комиссия).

Н. Г. Григоренко на вопрос, кто, по ее мнению, брат — умалишенный или антисоветчик, ответила, что ни то, ни другое. Д. Ильясов заявил, что считает П. Г. Григоренко нормальным человеком и дал ему положительную характеристику. Николаев на предварительном следствии показал, что видел П. Г. Григоренко один раз — в Москве, у здания суда, где в октябре 1968 г. слушалось дело о демонстрантах 25 августа 1968 г., причем Григоренко тогда произвел на него впечатление нормального человека. На суде же Николаев заявил, что Григоренко произвел на него впечатление человека ненормального. Бейтагоров, который тоже видел Григоренко один раз — там же, где и Николаев, — заявил, что Григоренко приносил у суда антисоветские речи. Пичугин показал, что, гуляя около московского крематория 14 ноября 1968 г., он случайно заглянул туда и услышал антисоветское выступление Григоренко на похоронах А. Е. Костерина.

Проф. Детингоф заявил, что отказывается от своего первоначального мнения о вменяемости П. Г. Григоренко, считает подписанное им заключение ташкентской экспертизы ошибочным и полностью присоединяется к мнению проф. Лунца о том, что Григоренко невменяем. (После первой экспертизы Детингоф, естественно, не наблюдал Григоренко). Ходатайство адвоката о вызове хотя бы еще одного из экспертов, подписавших заключение первой комиссии, было отклонено (таким образом, заключение ташкентской экспертизы осталось даже формально не опровергнутым).

27 февраля суд вынес определение (приговор — только для вменяемых) по делу П. Г. Григоренко, признав его лицом, совершившим преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 70 и ст. 190¹ УК РСФСР и ст. 191⁴ УК УзССР, в состоянии невменяемости; освободить П. Г. Григоренко от уголовного наказания и поместить его в психиатри-

ческую лечебницу специального типа в Казани, до выздоровления... З. М. Григоренко написала открытое письмо, которое заканчивается словами: «Люди! Петру Григорьевичу Григоренко грозит смерть! Я обращаюсь ко всем демократическим организациям, защищающим права человека, и ко всем свободолюбивым гражданам мира! Помогите спасти моего мужа! Свобода каждого — это свобода всех!»

13 мая к генеральному прокурору СССР Руденко с «Жалобой в порядке надзора» на определение Ташкентского горсуда и Верховного суда УзССР по делу П. Г. Григоренко обратились академики М. А. Леонтович, А. Д. Сахаров, доктор физ.-мат. наук В. Ф. Турчин и физик В. Н. Чалидзе. Указав на «серьезные процессуальные нарушения, допущенные на стадии предварительного следствия и в судебном разбирательстве»... авторы жалобы ходатайствуют о том, чтобы определение Ташкентского горсуда было опротестовано, исполнение этого определения было приостановлено, а П. Г. Григоренко освобожден из-под стражи.

На имя Подгорного 8 мая [1970] отправлено письмо Х. Гумирова с просьбой накануне Дня Победы и выборов амнистировать политических заключенных, в первую очередь П. Г. Григоренко. Это, по мнению автора письма, должно быть сделано для соблюдения законности, укрепления социалистической демократии и «окончательной десталинизации в нашей стране».

С 10 июня 1970 г. П. Г. Григоренко содержится в специальной психиатрической больнице в г. Черняховске. В начале июня П. Г. Григоренко в больнице посетили двое в штатском, не назвавшие своих фамилий, предложили ему отречься от своих убеждений. П. Г. Григоренко отказался разговаривать с ними. После этого его стали выводить на прогулку с группой агрессивно настроенных больных. 15 июня у него была жена. Ее заставили ждать 8 часов. При свидании присутствовали представители больничной администрации. Основной контингент этой специальной (т. е. тюремной) больницы составляют действительно больные люди, судимые за изнасилования и убийства. Больничная палата — шестиметровая камера. В ней двое: Петр Григорьевич и его сосед, зарезавший свою жену и находящийся все время в бредо-

вом состоянии. Свободного пространства — 2 шага, можно только встать и одеться. Прогулка — около 2 часов в день, все остальное время — в запертой камере. Бумаги и карандаша Петр Григорьевич лишен. Вынужденная неподвижность, острые боли в раненой ноге, непрерывное воздействие на психику со стороны тяжелого душевно-больного — все это вызывает серьезные опасения за жизнь . . . П. Г. Григоренко . . . Последние месяцы на палату-камеру, где заключен Григоренко, навешен второй замок, ключ от которого находится на вахте у дежурного, далеко от камеры. Это крайне затрудняет пользование туалетом. У Григоренко обострился цистит. Мучаясь, Григоренко не спал ночами. На все жалобы ответов не было. Только в конце октября в палату Григоренко была поставлена «утка». Администрация больницы ограничивает П. Г. Григоренко в свиданиях с родными.

[Часто выступающий — вместе с акад. А. Д. Сахаровым, — в частности, и в защиту ген. Григоренко] В. Н. Чалидзе по идеологическим соображениям отстранен от руководства группой физики полимеров НИИ пластических масс. Чалидзе известен как автор ряда документов и статей о правах человека и как составитель сборников «Общественные проблемы» (Москва, «Самиздат»).

Александр Есенин-Вольпин обратился с открытым письмом к А. И. Солженицыну «Вечную ручку Петру Григорьевичу Григоренко!», в котором, между прочим, писал, что «начал с того, что послал Петру Григорьевичу вечную ручку со стержнями к ней . . . Я спрашиваю, можно ли, в каких бы то ни было общественных или медицинских целях, лишать человека хотя бы на день возможности свободно выражать свои мысли на бумаге? Для чего же мы мыслим и живем в этом обществе, если оно столь безучастно к нашим мыслям? . . . Каждый из нас вправе обращаться со своими мыслями к потомству. Общество, которое хотя бы на миг забывает об этом, теряет право на те надежды, которые возлагали на него его предки. Как же можно предоставить тюремщикам, или хотя бы врачам с их спорной наукой, право вмешиваться в этот обмен мыслями между поколениями?» (21 августа 1970).

Осенью 1970 г. В. Н. Чалидзе, акад. А. Д. Сахаров,

А. С. Вольпин [Есенин] и П. И. Якир обратились в Президиум Верховного Совета СССР со следующим письмом:

Большую радость доставил нам Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1970 г. о прекращении уголовного дела И. Каплун и В. Бахмина, обвинявшихся по ст. 70 УК РСФСР. Комитет государственной безопасности, учитывая молодость обвиняемых, и, по-видимому, реалистически оценив доказательную силу материалов следствия, вошел в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством о прекращении дела — мы приветствуем эту гуманную инициативу Комитета. Ранее мы и многие другие граждане неоднократно заявляли свое критическое мнение о правомочности и процедуре уголовного преследования людей по мотивам их идеологического или правового несогласия с властью и открытой демонстрации этого несогласия. Эта проблема остается важной по-прежнему, но ныне гуманный акт Президиума вселяет в нас надежду на то, что мы можем апеллировать не только к праву, но и к гуманности властей. Практика показывает, что почти все, кто (по нашему представлению противоправно) осужден по такого рода делам, гордо переносят страдания и не намерены взывать к сочувствию властей... Мы обращаем внимание Президиума на Ольгу Иоффе, арестованную, когда ей было 19 лет, по одному делу с ныне освобожденными И. Каплун и В. Бахминым и находящуюся ныне в спецпсихобольнице в Казани; на Валерию Новодворскую, девочку того же возраста, находящуюся в той же спецпсихобольнице; на тяжело больного, перенесшего много лишений Анатолия Марченко. Мы призываем освободить их. И мы еще раз обращаем внимание властей на угрожающие для жизни страдания известного военного ученого, бывшего генерал-майора Советской армии 63-летнего П. Г. Григоренко: независимо от разногласий по вопросам права и процедуры осуждения, мы призываем освободить его из психиатрической тюрьмы.

... По слухам, [Григоренко] предложили выписать его из больницы, если он согласится подписать документ с признанием своих прошлых «заблуждений». [От Григоренко ждать такое отречение трудно...]

ПРОЦЕСС ЮРИЯ БУДКИ И «РЯЗАНСКОЙ ГРУППЫ»

Во второй половине 1968 г. в Рязани 6 студентов радиотехнического института образовали нелегальную группу — «марксистскую партию нового типа»: Юрий Будка, Симон Грилкус, Олег Фролов, Валерий Будка, Мартимонов, Семен Заславский. Юрий Будка (студент-заочник, токарь Рязсельмаша) написал (под псевдонимом Л. Борин) брошюру «Закат капитала» — программный документ группы (видимо, рязанская группа была связана с разными городами; на месяц ранее судившаяся саратовская группа Сенина имела в качестве программного документа тот же «Закат капитала»; свидетели по делу рязанской группы были из Подмосковья, Ленинграда, Киева, Саратова и других городов).

Следствие велось органами КГБ, было привлечено более 100 свидетелей. Дело слушалось в помещении облсуда с 10 по 19 февраля 1970 г. Юрий Будка — студент-заочник Рязанского радиотехнического института (РРТИ), 1947 г. рожд.; Симон Грилкус — инженер завода «Красное знамя», 1945 г. рожд.; Олег Фролов — студент РРТИ, 1948 г. рожд., Валерий Будка — студент РРТИ, 1950 г. рожд.; Семен Заславский — студент РРТИ, 1948 г. рожд. — предстали перед судом по обвинению в создании антисоветской организации (ст. 72 УК РСФСР). Судья — зам. гл. судьи области Матвеев. Обвинитель — прокурор области Г. Дубцов. Адвокаты — Трухачева, Коган, Титов и др. В качестве вещественных доказательств суду были предъявлены изъятые при обысках: 1. Литература: а) «Закат капитала» — программная работа, написанная Ю. Будкой; б) «Деро-ор» (древнееврейск. «Трубы свободы») — о личности в современном обществе; в) «Марксизм и колдуны» — о событиях в Чехословакии; г) «Что впереди?» (на русском и украинском языках) — «доступно для рабочих» изложенная обработка «Заката капитала».

2. Пишущая машинка. 3. Фотоаппаратура. Суд проходил при закрытых дверях, вход — по специальным пропускам. Кроме сотрудников КГБ, в зале присутствовали «представители» от крупных заводов, учебных институтов, военных училищ, обкома КПСС, обкома ВЛКСМ. Всего в зале находилось не более 30 человек, среди них — родственники и невесты подсудимых. Подсудимые признали себя виновными, однако, при чтении приговора судья отметил, что раскаяние братьев Будка и Грилюса было неискренним. Суд признал, что установленная предварительным следствием связь с границей сводилась к передаче «Заката капитала» чехословацкому и голландскому гражданам. Было установлено также, что группа занималась пропагандой своих взглядов, вовлечением новых членов, и что по книге «Закат капитала» проводились семинары. Основные показания дал С. Заславский, арестованный 29 июля 1969 г. и на следующий день выпущенный. А 30 июля были арестованы Ю. Будка, О. Фролов и Е. Мартимонов; В. Будка — 10 августа; С. Грилюс — 21 августа в Клайпеде на квартире родителей. Прокурор Дубцов потребовал для подсудимых: Ю. Будки — 7 лет строгого режима; Фролова и Грилюса — 5 лет строгого режима; В. Будки — 3 года исправительных работ. Приговор суда не отличался от требований прокурора. Ввиду того, что Заславский был представлен суду добровольно явившимся в УКГБ и давшим откровенные показания, суд приговорил его к 3 годам условно; как тяжелобольной, к 3 годам условно приговорен также и Мартимонов. Несколько десятков человек, читавших «Закат капитала» или знавших, но не сообщивших о существовании группы, было исключено из комсомола и из институтов.

ДЕЛО П. АЙРИКЯНА И ГРУППЫ АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В феврале 1970 г. Верховный суд Армянской ССР в составе: председатель — Ханамирян, государственный обвинитель — Шлепчак, защитники — Аревшатян, Мелинян, Мосоян рассматривал дело П. А. Айрикяна, 1949 г. рожд., студента Ереванского политехнического института; А. О. Ашикяна, 1949 г. рожд., студента; А. Ц. Навасардяна, 1950 г. рожд., моториста; Р. С. Барсегова, 1950 г. рожд., воспитанника детского дома, слесаря; и А. З. Хачатряна, 1951 г. рожд., студента Ереванского университета. Обвинение предъявлено по ст. ст. 65¹ и 67 УК Арм. ССР (соотв. ст. ст. 70 и 72 УК РСФСР). Подсудимые обвинялись в том, что в 1967 г. организовали нелегальную группу «Шант» (по имени писателя Левона Шанта) с целью изучать историю армянского народа, следить за чистотой армянского языка, бороться против ассимиляции армянского народа и за его объединение (Армянская ССР включает большую часть Восточной Армении, тогда как Западная Армения находится в пределах Турции по советско-турецким договорам, заключенным в Москве и Карсе в 1921 г.). П. А. Айрикяну было предъявлено обвинение в руководстве группой, а также в том, что он читал сам и давал другим газету «Парос» («Маяк») и «Программу и Устав единой национальной партии». Обвиняемые организовали 24 апреля 1969 г. радиопередачу у Памятника жертвам армянской резни 1915 г. Они обвинялись и в том, что на своих собраниях читали статьи о судьбах армянского народа, о советской национальной политике («Не только хлебом насущным», «Вновь на алтарь русско-турецкой дипломатии», «Пути разрешения армянского вопроса» и др.). Юноши распространяли изготовленные ими листовки с протестом против «российского шовинизма», с требованием вер-

нуть Армении Арцах и Нахичевань (области, отошедшие в 1924 г. к Азербайджанской ССР) и создать независимое Армянское государство.

В ходе судебного разбирательства Айрикян, Ашикян, Навасардян, Барсегов и Хачатрян признались в том, что совершали некоторые вменяемые им деяния. Однако, они заявили, что совершили их, исходя из национально-патриотических убеждений, и, следовательно, их действия нельзя считать уголовно преследуемыми. Айрикян отрицал свое руководство группой. Суд в своем приговоре учел молодость обвиняемых, их «недостаточную политическую зрелость», положительные характеристики с места работы и учебы, занятия общественно-полезным трудом. Суд указал, что долгосрочное заключение может иметь весьма тяжелые последствия для здоровья обвиняемых и для их дальнейшего воспитания. Суд приговорил: Айрикяна к лишению свободы на 4 года; Ашикяна и Навасардяна — на 2 года исправительно-трудовых колоний строгого режима; Барсегова и Хачатряна — на 6 месяцев, но, принимая во внимание, что они уже отбыли срок своего наказания в предварительном заключении, из-под стражи освободить.

СУД НАД ВЛАДИСЛАВОМ НЕДОБОРОЙ И ВЛАДИМИРОМ ПОНОМАРЕВЫМ

10 и 11 марта 1970 г. в Харьковском областном суде судили инженеров Пономарева Владимира Владимировича (1933 г. рожд., отец 5-летнего сына) и Недобору Владислава Георгиевича (1933 г. рожд., отец двоих детей), обвиняемых по ст. 187¹ УК УССР (190¹ УК РСФСР) — клевета на советский общественный и государственный строй. Судья — Чернухин, прокурор — Лебедев, адвокат — Монахов.

Обвинение вменяет обоим в вину (следователь В. Е. Гриценко) распространение «Самиздата»; подписание 2 писем критического содержания — в защиту П. Г. Григоренко и обращение в ООН; преступность содеянного доказывается «клеветническим содержанием» документов («в СССР проводится политика неприкрытого шовинизма», «попираются права человека», «преследуются евреи, пожелавшие выехать в Израиль»); тем, что документы напечатаны в западной буржуазной прессе; тем, что высшее образование, полученное обвиняемыми, «свидетельствует о том, что они не могли не понимать клеветнического характера этих писем». В обвинительном заключении указано (и на суде обвиняемые еще подтвердили), что письма были составлены в Москве, а обвиняемые ознакомились с их содержанием по телефону и по телефону же дали свое согласие на подпись. Обвинением отмечено также, что «Недобора, кроме того, систематически слушал передачи радиостанций 'Голос Америки' и 'Би-Би-Си', так как, по его мнению, информация советской печати и радио скудная и его не удовлетворяет».

Обвиняемые Пономарев и Недобора виновными себя не признали. Оба, однако, отметили ряд неточностей в подписанных ими документах (в частности, в выраже-

нии «политика неприкрытого шовинизма» неточно слово «неприкрытый»). Что касается упоминания о процессах над верующими или лицами, пожелавшими выехать в Израиль, то допрошенные на суде свидетели ссылались на факты гонения против греко-католической церкви на Украине, а также на процесс над Кочубиевским в 1968 г.

Речь прокурора Лебедева, по свидетельству очевидцев человека малообразованного и юридически некомпетентного, была построена по стандарту подобных выступлений. Обвиняемым ставилось в вину даже то, что для своего «преступления» они воспользовались государственной сетью связи — междугородным телефоном.

В последнем слове В. Недобора сказал:

Я впервые и, наверно, в последний раз выступаю публично. Принято, что подсудимый в последнем слове защищает себя. Я себя защищать не буду. Я защищал себя с августа 68-го года до сегодняшнего дня. Уважаемый адвокат в своей речи облегчил мою задачу. Моя защита заключается в 4-х томах этого дела, которые по окончании процесса будут сданы в архив. Я буду говорить об этом суде. Я задавал себе вопрос: «Как мне любить свою родину?» На этот вопрос дал ответ великий русский философ [Чаадаев]: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло... Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впасть в их ошибки, в их заблуждения и суеверия». Сейчас речь идет о чем-то гораздо более важном, чем судьба Пономарева, Недоборы или их детей. Речь идет о судьбе нашей родины, ее будущем и будущем всех советских людей. Теперь об этом трагическом процессе. Трагичность его заключается в том, что одни советские люди судят других советских людей. Но я остаюсь неисправимым оптимистом и верю, что, в конце концов, — а те времена, когда горбатов исправляли могилами, прошли, — то большое, что объединяет всех людей, — победит.

Содержание обвинения, поведение обвиняемых и свидетелей создали впечатление даже у специально при-

глашенной публики, что приговор дальше условного срока не пойдет.

Приговор: 3 года лагерей общего режима.

В начале апреля в Киеве состоялся кассационный процесс по делу Недоборы и Пономарева. Приговор остался прежним.

[Недобора и Пономарев — лица, поддержавшие членов Инициативной группы по защите гражданских прав человека в СССР. Оба они подписали и протест против ареста Г. Алтуняна].

ДЕЛО ВЛАДИМИРА ГЕРШУНИ

Гершуни Владимир Львович, 1930 г. рожд., племянник одного из основателей партии социалистов-революционеров — Г. А. Гершуни. В 1949 г. Вл. Гершуни был арестован и решением Особого совещания осужден на 10 лет спецлагерей за участие в антисталинской юношеской группе. Дело 1949 г. вел следователь МГБ Никольский (в настоящее время он пенсионер). Вл. Гершуни истязали на следствии. Он был в том лагере, который описан в повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича», был вместе с автором повести. Гершуни — человек с необычайно развитым инстинктом справедливости. Противодействие лжи, насилию для него не часть жизни, а вся жизнь. Он непримирим к любым проявлениям сталинщины. В числе других, обличающих произвол документов Гершуни подписал обращение в Комиссию ООН по защите прав человека. За три недели до ареста В. Гершуни был задержан в метро. Милицией (обыском руководили люди в штатском) у него были изъяты материалы «Самиздата» (в том числе письмо В. И. Ленина членам Политбюро от 1 февраля 1922 г. и рукопись сатирической поэмы «Дядя»). На следующий день после ареста Гершуни — 18 октября 1969 г. — у него на квартире был произведен обыск. В протоколе обыска указаны «самиздатовские» рукописные и машинописные материалы и сборник «Памяти Костерина», составленный П. Г. Григоренко. 21 октября на квартире Гершуни был произведен повторный обыск. В тот же день в Москве были произведены обыски у Наталии Горбаневской, Татьяны Ходорович и Анатолия Якобсона, возможно, по делу Гершуни. Обвинение Вл. Гершуни предъявлено по ст. 190¹ УК РСФСР. После ареста Гершуни был помещен в Бутырскую тюрьму, через неделю был переведен в Институт им. Сербского для психиатрической экспер-

тизы, признавшей Гершуни невменяемым. Затем Гершуни был опять отправлен в Бутырскую тюрьму.

13 марта 1970 г. в Московском городском суде слушалось дело В. Л. Гершуни, рабочего, каменщика. Гершуни обвинен по ст. 190¹ УК РСФСР. Дело слушалось в отсутствие обвиняемого, так как психиатрическая экспертиза, как сказано выше, признала Гершуни невменяемым. Гершуни инкриминировался единственный документ — 20 экземпляров листовки в защиту Григоренко, изданных в Париже Международным комитетом защиты прав человека. Свидетели показали, что Гершуни порицал ввод войск в Чехословакию, что не один Гершуни вел разговоры на политические темы и не один Гершуни критически относился к внутренней и внешней политике нынешнего руководства СССР. Суд определил — направить В. Л. Гершуни в психиатрическую больницу специального типа . . .

СУД НАД ВАЛЕРИЕЙ НОВОДВОРСКОЙ

5 декабря 1969 г. во Дворце съездов была арестована Валерия Новодворская, которая разбрасывала и раздавала листовки перед началом оперы «Октябрь». Новодворская не пыталась скрыться и раздавала листовки до тех пор, пока к ней не подошли сотрудники КГБ. Листовки написаны в стихах... На квартире у Новодворской отобраны три рукописные книжки ее стихов в нескольких экземплярах. Валерии Новодворской 19 лет, окончила школу в 1968 г. с медалью и... поступила в Институт иностранных языков на французское отделение. К моменту ареста училась на 2-м курсе. 16 марта 1970 г. в Московском областном суде состоялся суд над В. Новодворской, 1951 г. рожд... обвиняемой по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Ей вменяется в вину изготовление, а затем распространение листовки во Дворце съездов 5 декабря 1969 г. Текст листовки:

Юбилейно-конституционная

Спасибо, партия, тебе
За всё, что сделала и делаешь,
За нашу нынешнюю ненависть
Спасибо, партия, тебе.

Спасибо, партия, тебе
За рабский полдень двоедушия,
За лень, измену и двудушие
Спасибо, партия, тебе.

Спасибо, партия, тебе
За этот вымысел и ложь,
За все портреты и доносчиков,
За выстрелы на Пражской площади,
За всё, что ты еще солжешь.

За рай заводов и квартир,
На преступлениях построенных,
В застенках старых и сегодняшних
Расколотый и черный мир.

Спасибо, партия, тебе
За наше горькое неверие
В обломки формулы, потерянной
В туманной предраассветной мгле.

Спасибо, партия, тебе
За нашу горечь и отчаянье,
За наше подлое молчание
Спасибо, партия, тебе.

Спасибо, партия, тебе
За тяжесть обреченной истины
И за боев грядущих выстрелы
Спасибо, партия, тебе.

Суд происходил в отсутствие обвиняемой, так как она была признана экспертизой Института им. Сербского невменяемой с диагнозом: «Шизофрения. Параноидальное развитие личности». Защищал Новодворскую адвокат Добужский. Он отказался встретиться с Новодворской до суда, так как, якобы, по закону адвокат не имеет права встречаться с подзащитным, признанным невменяемым. Судом были допрошены 5 свидетелей: милиционер, задержавший Новодворскую во Дворце съездов; билетерша Дворца; студентка из Института иностранных языков; а также родители Новодворской, которые были свидетелями на суде и не могли выступать как представители обвиняемой. Прокурор в своей речи сказал, что действия Новодворской смыкаются с действиями террористов, стрелявших в космонавтов. Адвокат просил суд о переквалификации ст. 70 УК на более легкую ст. 190¹. Суд определил для Новодворской принудительное лечение в больнице специального типа (в Казани). После суда при свидании с родными выяснилось, что Новодворская даже не была поставлена в известность о том, что был суд.

Казанская спецпсихолечебница... В больнице 11 отделений, два из них — рабочие. В 3-м отделении больные шьют фартуки, простыни и др. вещи, в 4-м —

благоустраивают зону. Рабочий день — 3¹/₂ часа; месячный заработок — 2 рубля... В больнице широко применяется лечение инъекциями сульфазина, приводящими людей в очень тяжелое состояние... Более безопасное лечение — внутримышечное введение аминозина — производится таким образом, что введенный аминозин не рассасывается, образуя болезненные узлы, которые потом приходится оперативно удалять. В случаях провинностей — отказ от приема лекарства, препирательство с врачами... — больных привязывают к кровати на 3 дня и больше. При этом виде наказания не соблюдаются элементарные санитарные условия: больного не отпускают в туалет, а судно не подается. Библиотека больницы изобилует макулатурой сталинских времен, но и тех книг не выдают месяцами. В больницу помещают людей, у которых инакомыслие является «преступлением» и «болезнью»...

ПРОЦЕСС М. КАПРАНОВА, С. ПОНОМАРЕВА,
В. ЖИЛЬЦОВА И В. ПАВЛЕНКОВА

... Михаил Капранов — бывший студент Горьковского государственного университета (дважды исключался из университета за высказывания — на комсомольском собрании и в частном письме — об экономике и политике СССР); отец двух сыновей. Сергей Пономарев — студент-филолог, сотрудник заводской многотиражки, отец 4-летней дочери. Владимир Жильцов — студент V курса исторического факультета Горьковского университета, отличник в течение всех лет обучения; арестован, с переломом ноги, перед самой защитой диплома. Все трое арестованы летом 1969 г. Всем троим летом 1969 г. ст. 190¹ УК заменена на ст. 70 и 72 УК РСФСР... Инкриминируется составление и распространение листовок. (Весной 1968 г., к столетию Горьковского университета, было выпущено и расклеено на улицах города — в частности, напротив здания КГБ и на здании университета — обращение, содержащее следующие пункты: требование полной реабилитации тех, кто был осужден на политических процессах 30-х гг., и публичного раскрытия истинного характера этих процессов; требование улучшить содержание нынешних политзаключенных; требование демократических свобод.) Инкриминируется также попытка создать антисоветскую организацию... В октябре 1969 г. органами КГБ был арестован Владлен Павленков, 1929 г. рожд., преподаватель истории... Следствие направило В. Павленкова на судебно-психиатрическую экспертизу. Жена Владлена — Светлана — написала ст. следователю КГБ А. М. Хохлову, что на объявление мужа невменяемым ответит самосожжением. Она направила также заявление генеральному прокурору Руденко и председателю КГБ Андропову. В. Павленков был признан вменяемым.

25 марта 1970 г. в Горьковском областном суде началось слушание дела трех выпускников Горьковского университета . . . и преподавателя истории В. Павленкова. Обвинение по ст. ст. 70 и 72 УК РСФСР (антисоветская агитация и организационная деятельность с этой целью). Судья — Харитонов, прокурор — Г. Колесников, адвокат Пономарева — Поздеев, адвокат Жильцова — Добужский. Капранов и Павленков от защиты отказались. Суд был объявлен закрытым. На процесс были допущены лишь мать Капранова, мать Пономарева, отец Павленкова и сестра Жильцова. Женам подсудимых присутствовать не разрешили. Ссылаясь на соответствующую статью УПК, Павленков показал неправомерность для данного дела закрытой процедуры и потребовал предания гласности всех материалов этого процесса. Остальные обвиняемые и адвокаты поддержали заявление Павленкова.

Первым был допрошен С. Пономарев, обвиняемый в антисоветской агитации при помощи литературы «Самиздата», в изготовлении и расклеивании по городу листовок, в попытке создания организации. На предварительном следствии от него удалось добиться подтверждения предъявленных обвинений и показания о «руководящей роли» Павленкова. Однако на суде он отказался от многих своих показаний и заявил, что ни в чем не раскаивается, по-прежнему протестует против возрождения сталинизма, против преследования властями за убеждения, против ввода войск в ЧССР. Он потребовал на суде зачитать инкриминируемое ему «Письмо Раскольникова».

22-летний Владимир Жильцов обвинен в распространении «Самиздата» среди студентов Горьковского университета, в попытке создания организации. Он заявил о необоснованности предъявленных обвинений, отрицая «руководящую роль» Павленкова в создании организации и объявил, что в своем инакомыслии не раскаивается.

Михаилу Капранову (25 лет) инкриминировано то же, что и Пономареву, и, кроме того, — заявление на следствии в защиту лишенных родины крымских татар и протест против преследования верующих за их религиозные убеждения. М. Капранов заявил суду, что анти-

советской деятельностью не занимался, а лишь выступал против нарушения законности и конституционных норм, что политические процессы считает незаконными, как и сокрытие их от общественности, и видит в этом признаки возрождения сталинизма. Напомнил, что при Сталине было заточено в лагерях и тюрьмах 15 миллионов наиболее активных граждан. Признал себя автором текста листовок и целиком ответственным за их распространение. Полностью отрицал участие Павленкова во всех инкриминируемых ему, Капранову, деяниях. Заявил, что данный суд считает неправомочным.

Последним был допрошен Владлен Павленков, историк, бывший директор школы и преподаватель техникума. Обвинен в распространении «Самиздата», в «руководящей роли» при попытке создания организации, в написании теоретической работы «антимарксистского, антисоветского содержания». (Работа написана в следственной тюрьме КГБ «по просьбе прокурора». В ней Павленков излагает свои социально-экономические взгляды. Работа квалифицирована как криминальная; эксперт — горьковский профессор, доктор исторических наук Валерий Яковлевич Доброхотов). Предъявленные обвинения Павленков объявил несостоятельными. Работу свою антисоветской не признал и потребовал зачитать ее целиком на суде. Предложил сверить приведенные в работе данные с официальной статистикой. Суд вынес частное определение: «Все цифровые данные правильные, взяты из официальных советских источников, но выводы неверны». Павленко требовал, чтобы те его теоретические положения, которые признаны антисоветскими, были разобраны на суде по пунктам. Суд уклонился от разбора работы, сославшись на «авторитетное заключение экспертизы».

По делу прошло 96 свидетелей. Большинство из них — горожане, принесшие в соответствующие органы найденные ими листовки, распространенные в Горьком 4 апреля 1968 г., накануне юбилея университета. Среди свидетелей обвинения — лица явно сотрудничающие с КГБ. Так, из Москвы были вызваны в качестве свидетелей два студента 5 курса истфака МГУ — Кийко и Шашков. К одному из них Павленков обратился с вопросом: «Доводилось ли вам раньше встречаться с критически мыс-

лящими людьми?» — «Неоднократно». — «И о каждом вы сообщали в органы?» — «О каждом». На 15-й день заседания в суд была вызвана свидетельницей жена Павленкова — Светлана Борисовна, бывший преподаватель университета. В течение всего процесса за ней был установлен особый надзор. На суде С. Павленкова заявила, что ей неизвестно, как попала в их дом «самиздатовская» литература.

Прокурор: Почему же в показаниях 1968 г. вы сказали, что вместе с мужем приносили в дом «Самиздат»?

Ответ: 24 апреля 1968 г. в мою квартиру ворвались с обыском. Точно в такой же день, 24 апреля 1944 г., на моих глазах, — в то время 9-летней девочки, — сотрудники того же учреждения ворвались с обыском к моим родителям и увели моего отца, которого я больше не видела. Он погиб в Магадане, мать вернулась через много лет. Зная ваши повадки, на этот раз я не надеялась вернуться домой и потому решила разделить судьбу моего мужа, как в свое время мать — судьбу моего отца. Я не приносила домой «Самиздата», но если вам это нужно для дела, то считайте, что приносила, и я готова сесть на скамью подсудимых с мужем.

13 апреля закончились допросы свидетелей. Процесс проходил втайне от населения. У зала суда находилась лишь небольшая группа друзей и родственников. У здания постоянно дежурили наряд милиции и многочисленные «штатские». 24 апреля судебный процесс закончился. Обвиняемые не признали себя виновными. Суд приговорил В. Павленко и М. Капранова к 7 годам лишения свободы в лагерях строгого режима; С. Пономарева — к 5 годам и В. Жильцова — к 4 годам. (Двоим последним прокурор требовал назначить срок соответственно 6 и 5 лет).

Стало известно о внесудебном преследовании лиц, имевших то или иное отношение к осужденным. Елена Пономарева, жена осужденного... сотрудница детской областной библиотеки, за «неблагонадежность» уволена с работы по ст. 47в КЗОТ. Запрещено трудоустройство по специальности. В целях «исправления» рекомендован физический труд. Светлана Павленкова, жена осужденного... педагог. Уволена «по сокращению штатов» без права работы по основной профессии. Надежда Андреева,

подруга осужденного Вл. Жильцова, студентка 5 курса истфака Горьковского гос. университета (ГГУ). Исключена из комсомола и отчислена из университета за 2 недели до защиты диплома. Мотивировка: недонесение — своевременно не сообщила руководству о том, что Жильцов читает «Самиздат». Николай Львович Ратт, 55 лет, — заслуженный учитель РСФСР, завуч Института усовершенствования учителей. Исключен из партии, изгнан с работы. Криминал: неугодное поведение в суде, где он допрашивался в качестве свидетеля. Виктор Бабаев, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории, и Владимир Федоров, ассистент кафедры русской литературы. Знакомство с Пономаревым и Жильцовым уволены из университета, без права преподавания в каком-либо учебном заведении. В. Бабаев уже работает на стройке арматурщиком. Лариса Артемкина и Елена Рубцова, сотрудницы многотиражной газеты завода «Двигатель революции», где работал С. Пономарев, — уволены с завода. 14 студентов исторического и физического факультетов ГГУ (Холупович, Гудушин, Алексеев и др.) — за «общение с Жильцовым» в период его студенчества исключены из комсомола и отчислены из университета. В городе циркулируют слухи, что в связи с процессом четырех в Горьковском управлении госбезопасности составлен список «неблагонадежных», включающий 123 человека.

ДЕЛО ИВАНА ЯХИМОВИЧА

Ивану Яхимовичу 38 лет. Он родился в польской рабочей семье, окончил историко-филологический факультет Латвийского гос. университета. После университета работал учителем, инспектором РОНО. В 1960 г. пошел работать председателем колхоза «Яуна гварде» Краславского района. Работая в колхозе, поступил на заочное отделение Латвийской сельхозакадемии. Несколько лет назад об Иване Яхимовиче в восторженных тонах писала «Комсомольская Правда». В январе 1968 г. Иван Яхимович написал письмо в ЦК КПСС на имя М. А. Сулова, выражая протест против судебного процесса над Юрием Галансковым, Александром Гинзбургом и др. В марте 1968 г. Яхимович был исключен из партии, а в мае 1968 г. снят с должности председателя колхоза — в нарушение Устава сельхозартели снят вышестоящими органами, без колхозного собрания. В последнее время работал кочегаром в санатории «Белоруссия», г. Юрмала... Семья Ивана Яхимовича: жена Ирина, окончившая историко-филологический факультет, долго работавшая школьным учителем, а теперь вынужденная работать воспитателем в детском саду, и три дочери, 5, 6 и 7 лет... В декабре 1968 г. прокуратура Латвийской ССР дала санкцию на проведение следствия по материалам, изъятым при обыске у И. Яхимовича... Яхимович обвиняется по ст. 83 ч. 1 УК Латв. ССР, соответствующей ст. 190¹ УК РСФСР... Вел следствие следователь Ленинского района г. Риги, Какитис, хотя Яхимович живет и прописан не в Риге, а в Юрмале. Первый допрос Яхимовича состоялся 5 февраля 1969 г. Следователь интересовался, в основном, путями распространения различных документов: откуда у Яхимовича статьи П. Г. Григоренко в книге Некрича? Кому давал Яхимович свое письмо, направленное в ЦК КПСС на

имя Суслова? Почему Яхимович распространял обращение Ларисы Богораз и Павла Литвинова «К мировой общественности»? и т. п. Следователь задал Яхимовичу, в частности, вопрос по поводу изъятого при обыске неотправленного письма Павлу Литвинову, написанного после демонстрации 25 августа 1968 г. — «В вашем письме написано: ‚Горжусь, восхищаюсь, и если бы был в Москве, — был бы с вами на Красной площади‘. Вы и сейчас так думаете?» — «Да», — отвечал Яхимович. Как известно, у Яхимовича при обыске была изъята его незавершенная работа по поводу послеянварских событий в Чехословакии. Следователь в конце допроса предупредил, что в следующий раз Яхимович должен теоретически обосновать свои взгляды на события в ЧССР. Не говоря уже о том, что Яхимович, как обвиняемый, вообще ничего не должен, а давать объяснения — это его право, — не говоря уже об этом, рижский следователь, видимо, забыл, что ни взгляды, ни их теоретическое обоснование не являются предметом уголовного преследования. 25 марта 1969 г. в г. Юрмала . . . арестован Иван Антонович Яхимович. [Ему инкриминировалось , в частности, открытое письмо]:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО И. А. ЯХИМОВИЧА

Призрак бродит по Европе, призрак катастрофы. С момента окончания Великой Отечественной войны наш народ еще никогда не был поставлен в столь тяжелые нравственные условия, в какие он поставлен событиями 21 августа 1968 г. Оккупировать социалистическую союзную страну по одному только подозрению в контрреволюции, оккупировать страну, где руководящая роль принадлежит коммунистической партии, без согласия последней, вопреки ее воле — такое не укладывается в нравственные понятия советских людей: миролюбивых, бескорыстных и умеющих ценить дружбу и доверие народов. Старая болезнь — страх, скованность, как паралич легла на душу миллионов людей, как отрывка унижительного рабского страха кровавой сталинской ночи. Вся эта братия, именуемая сталинистами, не имевшая и не имеющая ничего общего с марксизмом-ленинизмом, наоборот, сползшая в сторону фашизма, пользовавшаяся его методами сплошь и рядом, еще недавно разогнанная Хруще-

вым на политические чердаки и в подворотни, рывкнула — реванш! И как это похоже на фашистских недобитков в Западной Германии. И те маскируются чужими лозунгами. И те ждут реванша. Могут ли подобного рода действия — грубое вмешательство в дела суверенного социалистического государства — сплотить коммунистическое движение? Нет! Могут ли укрепить авторитет СССР? Нет! Сталинизм стал главной опасностью единству, солидарности рабочих всех стран, главной опасностью прогрессу и миру. Нет сомнения, что все марксисты-ленинцы должны объединить свои усилия и разгромить сталинизм, как левый уклон, как махровый ревизионизм, как несоциализм, пока эта опасность не переросла в катастрофу. Сознают ли это сталинисты или нет, но они боятся своего народа больше, чем империалистов. Только этим можно объяснить постоянную дезинформацию широких масс населения, применение методов запугивания и шантажа, грубое нарушение Конституции, крайне бюрократизированную власть, широкую разветвленную сеть подслушивания, слежек, тюрем и концлагерей. Разве это социализм? Откуда он взялся? Марксизм-ленинизм не разрабатывал такого варианта социализма, не содержит таких принципов, не знает таких идей, если отбросить ширму словесной шелухи и перевести факты на реальный путь. Нет, тысячу раз нет! Вот почему XX съезд КПСС говорил о необходимости восстановления ленинских норм, ленинских принципов. Вот почему так внимательно и с такой надеждой весь мир коммунистов следил за процессом демократизации в Чехословакии... И вот почему с такой яростью набросились сталинисты на КПЧ. Они не случайно усмотрели в этом смертельную опасность для себя лично, им плевать на социализм и коммунизм, на все его принципы, чтобы только спасти собственную шкуру. Разве не характерно, что 25 августа сего года товарищей, выступавших на Красной площади с лозунгами в поддержку Чехословакии, ее правительства и народа, арестовали и избивали. Это в Год прав человека, да еще на Красной площади... Надо дойти до состояния ужаса и паники, чтобы бросаться на своих союзников, чтобы бросаться на советских людей. Разве эти люди — Павел Литвинов, Богораз и другие — не поддерживали социалистическое

государство? Разве эти люди не поддерживали коммунистическую партию Чехословакии? Может быть, они поддерживали Франко, Салазара или военную хунту в Греции? Нет! Сталинисты чувствуют, что почва уходит из-под ног, что смертный час, вынесенный историей, близок. Это — паника обреченных, это — паника живых трупов. Но будьте бдительны. В их руках находится мощное современное оружие, в их руках рычаги власти. Это — ненадежные руки. Это — руки преступников. Коммунисты всего мира, остановите их, пока не поздно! Мы знаем, какая судьба ждет Павла Литвинова и товарищей. Мы знаем, какие будут предъявлены обвинения — это будут лживые обвинения, это будут грязные обвинения.

Я это говорю не просто по догадкам, но из своего личного опыта. 27 сентября 5 человек пришли ко мне на квартиру и произвели обыск по подозрению в ограблении Госбанка г. Юрмала на сумму 19 тыс. рублей. Но искали и изъяли они политическую литературу и всё, что имело отношение к событиям в Чехословакии, даже «Правду» и «Известия», так как отдельные высказывания были прокомментированы мною. Можете не сомневаться, что теперь «найдут» основание для прямого вмешательства органов КГБ и ареста. Следователь задал мне вопрос, почему я так долго (с 1 апреля сего года) не работаю. Меня уволили с работы, когда я находился в отпуске (за письмо, написанное Суслову в ЦК), не прописывают к семье. Кому не известно, что в СССР без прописки вас не примут даже дворником, не пустят ни в одну поликлинику. Сколько нужно лицемерия, чтобы, зная, по чьему приказу и зачем сделано все предыдущее, задать безработному вопрос: почему вы не работаете. Если поток клеветы залил все наши газеты, если клеветуют на братскую коммунистическую партию ЧССР, то что такое клевета на какого-нибудь бывшего председателя колхоза. Те из компартий, которые поддерживают КПСС в ее грубых ошибках, хотя они или нет, оказывают последней медвежьей услугу, соучаствуют в обмане советского народа, практически ослабляют нашу страну, ибо способствуют укреплению авантюрных элементов в руководстве и ослаблению здоровых прогрессивных элементов. Мы повторяем: опомнитесь! Мы повторяем:

руки прочь от ЧССР! Мы повторяем: свободу политзаключенным! Мы повторяем: ленинизм — да, сталинизм — нет!

И. А. Яхимович

Бывший председатель колхоза «Яуна Гварде» . . .

Сразу после ареста И. Яхимовича, в апреле, в стране начала распространяться «Белая книга» под заголовком «Арест Ивана Яхимовича — расправа с инакомыслящими». Она состоит из 6 документов:

1. — датированное 22. I. 1968 г. письмо Суслову, в котором И. Яхимович протестует против процессов над писателями.

2. — обращение «К членам КПЧ, ко всему чехословацкому народу», датированное 28. VII. 1968 г., содержащее протест против советского вмешательства во внутренние дела Чехословакии. Это обращение И. Яхимович и П. Григоренко лично отнесли в чехословацкое посольство в Москве.

3. — [приведенное выше] письмо, написанное, вероятно, в начале октября 1968 г. . . .

4. — датированное 28. II. 1969 г. обращение «К гражданам Советского Союза!» по поводу самосожжения Яна Палаха с требованием вывода советских оккупационных войск из Чехословакии . . . Авторы письма-обращения [Яхимович и Григоренко] напоминают советским гражданам, что «мы все несем долю вины за гибель Яна Палаха. Своим одобрением ввода войск, его оправданием или просто молчанием мы способствуем тому, чтобы живые факелы продолжали гореть на площадях Праги и других городов» . . .

5. — пятый документ озаглавлен «Вместо последнего слова», — когда И. Яхимович твердо знал, что будет арестован. Датирован документ так: «24 марта 1969 г. (за несколько часов до ареста)». В нем И. Яхимович сообщает свою биографию, объясняя, что он вынужден говорить о себе . . . «так как, возможно, вскоре поток лжи и лицемерия выйдет за пределы суда». [Он] . . . сообщает, что ему 38 лет, что он по крови поляк, родился в г. Даугавпилс (Двинск) и с детства знает польский, русский и латышский языки. Его мать — прачка, отец

— поденный рабочий... Затем И. Яхимович обращается непосредственно к философу Б. Расселу, к Л. Даниэлю, П. Литвинову, П. Григоренко, П. Якиру, А. Дубчеку, А. Солженицыну, А. Сахарову, к рабочим Ленинграда, Москвы, Риги, к грузчикам Одессы, Лиепай, Таллина, к крымским татарам. И. Яхимович выступает с коммунистических позиций, но считает, что у коммунистов «один повелитель — народ», права которого нарушаются от имени социализма и марксизма.

6. — шестой документ составлен уже после ареста И. Яхимовича *его друзьями*: Нас потрясло известие об аресте Ивана Антоновича Яхимовича и письмо, написанное им незадолго до этого. Для людей, знавших его лично или знакомых с его открытыми принципиальными выступлениями против незаконных, творящихся в наше время в нашей стране, нет и не может быть никакого сомнения: карательные органы пытаются расправиться с человеком безупречной честности и высокого мужества, в невинности которого мы убеждены. Мы никогда не примиримся с репрессивными акциями, направленными на ущемление законных прав и достоинства наших сограждан. Мы никогда не примиримся с арестом Ивана Яхимовича. Поэтому мы считаем своим долгом заявить: оставаясь в рамках закона, мы не остановимся ни перед чем и сделаем все возможное для предотвращения позорной расправы над Иваном Яхимовичем.

Подписи: Баева Т. — служащая, Васильев Д. — юрист, Габай И. — филолог, Гершуни В. — рабочий, Емелькина Н. — служащая, Ковалев С. — биолог, Кожаринов В. — рабочий, Красин В. — экономист, Левитин-Краснов А. — церковный писатель, Лавут А. — математик, Мальцев Ю. — филолог, Ракитянский Б. — физик, Рудаков И. — рабочий, Самохина Г. — учительница, Тимачев В. — геолог, Якир М. — служащая, Якир П. — историк, Яшинов И. — океанолог.

Иван Яхимович... [был отправлен в специальную тюрьму-лечебницу] и переведен [затем] из психиатрической тюрьмы-лечебницы в Риге в Бутырскую тюрьму в Москве. Его защитнику — впервые за все существование советской власти, как утверждают в Москве, — удалось добиться отмены экспертизы, согласно которой

И. Яхимович — душевнобольной. Однако И. Яхимовича ожидала вторая экспертиза — в Институте им. Сербского... В конце августа 1969 г. Латвийский суд рассматривал дело И. Яхимовича, обвиненного по ст. 83¹ УК Латв. ССР, соответствующий ст. 190¹ УК РСФСР... До этого И. Яхимович находился в тюремной психиатрической больнице, где были проведены две экспертизы, заключения которых в отношении «болезни» И. Яхимовича были разные, рекомендации же одинаковые — направить подследственного в психиатрическую больницу специального типа... В декабре 1969 г. [он] поступил на психическую экспертизу в Институт Сербского... 15—18 апреля 1970 г. в Риге прошел повторный суд над И. Яхимовичем после повторной экспертизы Института им. Сербского. Заключение экспертизы вновь признало И. Яхимовича невменяемым, но с оговоркой, что принудительное лечение может быть проведено в больнице общего типа. Суд подтвердил это заключение и определил И. Яхимовича к принудительному лечению в больнице общего типа. Жене Яхимовича не дали свидания с мужем и заявили, что он будет дожидаться очереди в одной из психиатрических лечебниц... Яхимович находился в Рижской республиканской психиатрической больнице...

Москва, 4 мая 1971. После двухлетнего пребывания в «специальной» [все-таки!] психиатрической больнице... Яхимович, как сообщают, был на днях выпущен из больницы и смог вернуться к своей семье...

СУД НАД АРКАДИЕМ ЛЕВИНЫМ

24 апреля 1970 г. в Харькове судили инженера Аркадия Зиновьевича Левина (1933 г. рожд. [одного из 10 харьковчан, подписавших протест против ареста Г. Алтуняна]). Обвинен по ст. 187¹ УК УССР (ст. 190¹ УК РСФСР). Следователь В. Е. Гриценко, судья Борисенко, прокурор Лебедев, адвокат Монахов.

А. З. Левин обвинен в составлении и распространении 2 документов (письмо в защиту Григоренко и обращение в ООН). По делу проходит 7 свидетелей (5 из них также подписали инкриминированные документы).

На суд были допущены только родители обвиняемого (брат и сестра смогли присутствовать только на прениях сторон). Подсудимый Левин в начале суда заявил протест, требуя пропустить на процесс его родственников и друзей. Протест был отклонен. В ответ на это Левин отказался отвечать на вопросы.

Речь прокурора Лебедева отличалась грубостью и необоснованностью. Основной аргумент: у подсудимого высшее образование, поэтому он не мог не знать, что подписывает клевету. Адвокат Монахов в своей речи потребовал освобождения подсудимого из-за отсутствия состава преступления. Сидевшие в зале сотрудники КГБ (подавляющее большинство «публики») хохотали, говорили грубости, свистели, все время прерывали адвоката репликами типа: «Нам вас очень жаль», «Нам вообще непонятно, зачем тут присутствует адвокат».

Приговор повторил почти дословно обвинительное заключение и осудил Левина на 3 года лишения свободы в лагерях общего режима.

От последнего слова Аркадий Левин также отказался, мотивируя это тем, что он присутствовал на процессе Г. Алтуняна, знает приговоры Недоборе и Пономареву, ему ясно, что его приговор предрешен, и он не желает участвовать в этой комедии.

ДЕЛО СВЯТОСЛАВА КАРАВАНСКОГО

25 апреля 1970 г. суд приговорил Святослава Иосифовича Караванского, 1920 г. рожд., лингвиста, журналиста и переводчика, к 5 годам заключения по ст. 70 УК РСФСР, за антисоветскую агитацию во Владимирской тюрьме, в которой тогда находился Караванский.

Караванский осужден 7 февраля 1945 г. Военным трибуналом Одесской области за участие в подпольной молодежной организации в период немецко-румынской оккупации (лозунг организации: «Долой кровавый террор Гитлера и Сталина!») на 25 лет заключения. Прошел лагеря Колымы, Печоры, Тайшета, Мордовии. Амнистия 1954 г., по которой срок его уменьшался наполовину, освободила его лишь в 1960 г., на 17 году заключения (19 декабря 1960), — таким образом, около 5 лет Караванский провел в заключении — даже по понятиям советского правосудия — «даром». В 1961 г. женился. На свободе Караванский усиленно занимался литературным самообразованием, писал и неоднократно публиковал стихи и статьи. Приготовил к печати обширный «Словарь украинских рифм», высоко оцененный специалистами. Усматривая в национальной культуре Украины глубокий процесс русификации, Караванский счел долгом выступить против него и написал ряд статей на эту тему, — что повлекло за собой вызовы в КГБ и прокуратуру. В 1965 г. он выступил с протестом против преследований украинской интеллигенции и адресовал его главам компартий Польши, Румынии, Чехословакии и Югославии с просьбой обсудить проблему.

Арестован 13 ноября 1965 г. Без суда, решением Генерального прокурора СССР Руденко осужден на 8 лет

и 7 месяцев лагерей строгого режима. Мотив: Караванский находится на свободе незаконно, так как не отбыл срока, к которому был приговорен в 1945 г., хотя по закону 1959 г. наибольшим сроком является 15-летний (Караванский же, как сказано выше, отбыл в лагерях 17 лет). В 1969 г., когда истекло 25 лет со дня первого ареста в 1944 г., адвокат, приглашенный указать Верховному суду на незаконность дальнейшего заключения Караванского, отказался проделать это, ссылаясь на «традиции юридической практики». И вот в том же 1969 г. против Караванского, находившегося тогда во Владимирской тюрьме, возбуждено было новое дело по ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация). На этот раз ему инкриминировались: статья о примирении Запада с Востоком и история расстрела польских офицеров в 1940 г. в Катыни, записанная со слов лиц, сидевших в заключении вместе с участниками расстрела — бывшими советскими гражданами Андреевым (ныне покойным) и Меншанкиным. Как сказано выше, 25 апреля 1970 г. суд приговорил Караванского к 5 годам заключения. Следовательно, общий срок его заключения — 30 лет.

Еще в 1966 г. *Караванский писал*: ... В феврале сего года я направил в Союз писателей ходатайство с просьбой поднять вопрос перед Верховным Советом СССР о ликвидации в СССР вопиющего остатка произвола и беззакония — 25-летнего срока наказания. В марте я получил из Союза советских писателей за подписью секретаря Союза отписку...: «Ваше ходатайство, направленное в Союз писателей, передано в Прокуратуру СССР. Затронутые в Вашем ходатайстве вопросы в компетенцию Союза не входят»... Может ли писатель, а тем более Союз писателей, самоустраняться от общественных вопросов и замыкаться в узкие рамки исключительно гонорарных проблем? Может ли писатель быть в стороне от любого факта нашей действительности, от любого общественно-политического явления? Может ли писатель оставаться безучастным к преступлениям, совершающимся на его глазах. [Секретарь Союза писателей] ... видимо, считает, что Союз писателей — придаток прокуратуры...

Накануне последнего суда председателю Президиума Верховного Совета УССР т. Ляшко и прокурору УССР т. Глухову было направлено письмо в защиту Караванского под названием «Снова 'камерные' дела?», подписанное 16-ю бывшими политзаключенными, среди которых В. Чорновол, В. Мороз, Б. Горинь.

ДЕЛО ЖОРЕСА МЕДВЕДЕВА

Вечером 29 мая 1970 г. из своей квартиры в г. Обнинске Калужской обл. был увезен в городскую калужскую психиатрическую больницу для «экспертизы» и «наблюдения» Жорес Медведев. Группа работников милиции во главе с майором, главный врач Калужской психбольницы Лившиц и психиатр г. Обнинска Кирюшин вошли в квартиру и, не предъявив ни документов, ни заключения врачей, потребовали, чтобы Ж. Медведев поехал с ними в Калугу на психиатрическую экспертизу. Он отказался, сказал, что не будет оказывать сопротивления, но и добровольно не уйдет из своего дома. Находившиеся там коллеги Ж. Медведева стали упрекать работников милиции в нарушении законности, на что майор ответил: «Мы — органы насилия, а вы можете жаловаться куда угодно» . . .

Ж. Медведев никогда никакими нарушениями психики не страдал. Жорес Александрович Медведев — известный биолог и публицист. Его научные заслуги в области генетики признаны биологами всего мира. Он автор нескольких книг и более 100 научных статей. В 1969 г. Ж. Медведев без соблюдения законных формальностей был уволен по требованию Обнинского горкома КПСС из НИИ медицинской радиологии, и в течение 9 месяцев ему не выдавали необходимых документов для устройства на работу. После трехкратного вмешательства прокуратуры Ж. Медведев получил весной 1970 г. необходимые документы и направил их на конкурс в Институт медицинской генетики в Москве. Конкурс должен был состояться в начале июня. Ж. Медведева забрали в психбольницу вечером в пятницу, накануне 2 выходных дней.

Его брат, Рой Медведев, крупнейшие биологи и другие ученые пытались обратиться в Минздрав СССР и

РСФСР, в ЦК КПСС и в КГБ, но безрезультатно. 31 мая была назначена психиатрическая экспертиза из Москвы. 31 же мая многие советские ученые и писатели (Капица, Сахаров, Астауров, Тамм, Эгельгардт, Твардовский, Тендряков и др.) направили главному врачу Лившицу телеграммы с протестом против принудительной госпитализации Ж. Медведева. Протесты со стороны жены и брата Ж. Медведева, ряда научных работников и писателей продолжались. 4 июня группа научных сотрудников АН СССР обратилась к ученым, научным и творческим работникам всего мира с призывом организовать широкий и всесторонний бойкот научных, технических и культурных связей с официальными властями и учреждениями СССР, приостановить сотрудничество и отказываться от всех научных и культурных контактов, пока Ж. Медведев не будет освобожден и перед ним не извинятся за совершенное над ним насилие.

В тот же день группа из 20 ученых направила письмо-протест министру здравоохранения СССР, министру внутренних дел СССР и генеральному прокурору СССР: Насильственная госпитализация, по-видимому, связана с общественной деятельностью Ж. А. Медведева, проводимой им на строго законных основаниях... Ни один честный и принципиальный ученый не будет уверен в своей безопасности, если подобные основания могут повлечь репрессии в виде помещения в психиатрическую больницу на неопределенный срок с лишением всех человеческих прав... Среди подписавших академики: А. Д. Сахаров, И. Е. Тамм, М. А. Леонтович; доктора физ.-мат. наук: В. Ф. Турчин, Л. В. Альтшулер; доктор биологических наук Г. А. Дворкин; канд. биол. наук С. А. Ковалев; логик-математик А. С. Вольпин-Есенин; физик В. Н. Чалидзе.

6 июня с открытым письмом к Брежневу обратился акад. Сахаров: Акция в отношении Ж. Медведева вызывает глубокое возмущение и озабоченность советской и международной научной общественности, она рассматривается не только как беззаконие в отношении лично Медведева, но и как потенциальная угроза свободе науки, советской демократии вообще. Психиатрические

больницы не должны применяться как средство репрессий против нежелательных лиц . . .

Протесты со стороны ряда лиц и ряда групп не прекращались. 12 июня министр здравоохранения СССР Петровский принял президента АН СССР Келдыша и академиков: Капицу, Астаурова и Сахарова, направивших письма и телеграммы протеста. 15 июня написал Александр Солженицын:

Вот как мы живем: безо всякого ордера на арест или медицинского основания приезжают к здоровому человеку четыре милиционера и два врача, врачи заявляют, что он — помешанный, майор милиции кричит: «Мы — органы насилия! Встать», крутят ему руки и везут в сумасшедший дом. Это может случиться завтра с каждым из нас, а вот произошло с Жоресом Медведевым — ученым-генетиком и публицистом, человеком гибкого, точного, блестящего интеллекта и доброй души . . . Именно разнообразие его дарований и вменено ему в ненормальность: «раздвоение личности»! Именно отзывчивость его на несправедливость, на глупость и оказалась болезненным отклонением: «Плохая адаптация к социальной среде»! Раз подумаешь не так, как положено — значит, ты ненормальный. А адаптированные должны думать все одинаково. И управы нет — даже хлопоты наших лучших ученых и писателей отбиваются, как от стенки горох. Да если б это был первый случай. Но она в моду входит, кривая расправа без поиска вины, когда стыдно причину назвать. Одни пострадавшие известны широко, много более — неизвестных. Угодливые психиатры, клятвопреступники, квалифицируют как «душевную болезнь» и внимание к общественным проблемам, и избыточную горячность, и избыточное хладнокровие, и слишком яркие способности, и недостаток их. А между тем даже простое благоразумие должно было бы удержать. Ведь Чаадаева в свое время не тронули пальцем — и то мы клянем палачей второе столетие. Пора бы разглядеть: захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть духовное убийство, это вариант газовой камеры, и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней. Как и газовые камеры, эти преступления не забудутся ни

когда, и все, причастные к ним, будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно. И в беззакониях, и в злодеяниях надо же помнить предел, и где человек переступает в людоеда! Это — куцый расчет, что можно жить, постоянно опираясь только на силу, постоянно пренебрегая возражениями совести.

17 июня 1970 г. Ж. А. Медведева выпустили из психиатрической больницы . . . После освобождения Ж. Медведева из больницы отклики на события в Калуге все же продолжались.

ДЕЛО ОФИЦЕРОВ БАЛТФЛОТА

[Дело это, по понятным причинам, не получило большой огласки, и сведения о нем весьма отрывочны и неполны. Но оно настолько интересно, что мы не можем обойти его молчанием. Осенью 1968 года получило довольно широкое распространение — в том числе и в «Самиздате» — следующее открытое письмо (приводим его в отрывках)].

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

гражданам Советского Союза

В настоящем письме автор, на основании имеющегося в его распоряжении материала, стремится с марксистских позиций рассмотреть и обобщить вопросы, связанные с возрождением сталинизма в нашей стране, наметить конкретные и необходимые методы борьбы с этим величайшим злом эпохи и показать ближайшие цели, достижение которых может явиться исходным пунктом для движения социалистического общества к вершинам гуманизма, равенства, справедливости и интеллектуальной свободы. Все, что предлагается автором, не является плодом его кабинетных размышлений, а есть результат критического разбора и анализа различных точек зрения, предложений и высказываний коммунистов и некоторых представителей интеллигенции, встревоженных существующим положением дел в Советском Союзе.

Соотношение сил. Процесс диалектического развития человеческого общества во все периоды его истории требовал и требует на пути к экономическому, социальному и политическому прогрессу напряженнейшей борьбы и многочисленных жертв от лиц, стремящихся осуществить передовые идеалы своего времени, своего века.

Всегда и везде прогрессивное меньшинство, не стоящее у власти, в силу своей неорганизованности, стихийности и разобщенности действий терпело неминуемое поражение в этой борьбе, а общество либо быстро забывало своих предводителей, либо отрекалось от своих лучших людей. Синявский, Даниэль, Владимир Буковский, Виктор Хаустов, Вячеслав Черновол, Александр Гинзбург, Юрий Галансков — этот список можно было бы продолжить — томятся в камерах тюрем. Леонид Губанов и Александр Есенин-Вольпин прошли палаты психиатрических больниц. Адвокат Золотухин, защищавший Гинзбурга, исключен из партии. Все это за два с небольшим года — 1965—1968... Протест Синявского и Даниэля, выразившийся в своеобразном осуждении жестокостей сталинизма методами художественного творчества, — явление закономерное, точно так же, как закономерен политический произвол блюстителей спокойствия, тишины и рутины при всеобщем молчании народа. Но этот протест еще не есть политика, как это пытались доказать господа судьи. Здесь, скорее, лишь самовыражение внутренней неудовлетворенности... Самоотверженная борьба Александра Солженицына против бездумной цензуры, властвующей над философией, социологией, экономикой, литературой и искусством (автор специально не упомянул слово политика, поскольку в настоящее время в нашей стране политика не входит в компетенцию народа), преследует определенные и осознанные цели, но она обречена на неудачу в силу своей единичности. При этом не имеет значения, что где-то в другой части страны протестует другой писатель, как, например, коммунист Черновол. Однако среди всеобщей пассивности и безразличия их протесты все же вносят нечто положительное на пути к прогрессу, давая примеры мужества и настойчивости. Демонстрации, организованные в Москве В. Буковским и В. Хаустовым против беззакония и произвола, безусловно надо приветствовать, поскольку цели, которые они преследовали, уже давно занимают умы прогрессивной части нашей интеллигенции... Выпуск журнала «Колокол» в Ленинграде, несмотря на то, что его авторы — 8 человек — были осуждены на длительные сроки заключения за требования подлинной свободы слова и печати; выпуск журнала

«Феникс-66» (автор — Юрий Галансков), требовавшего прекращения беззакония и произвола; работу московского кружка «СМОГ» (слово, мысль, образ, глубина), — одним из руководителей которого был В. Буковский, — выпускающего в течение трех лет подпольные журналы с требованием предоставления свобод, гарантируемых советской конституцией, и организующего демонстрации протеста против нарушения основных прав человека; письменные протесты Павла Литвинова и Ларисы Даниэль руководителям партии и правительства; воззвание Ильи Габая, Юлия Кима и Петра Якира к деятелям науки, культуры и искусства, предупреждающее о возрождении эпохи сталинизма; многочисленные обращения некоторой части научной и технической интеллигенции, литераторов и работников искусства, рабочих и колхозников к руководству страны; работу академика Андрея Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» и, наконец, письмо 88-ми советских писателей, направленное в Чехословакию и выражающее сочувствие творческой интеллигенции этой страны в связи с возобновлением действия цензуры печати, — безусловно следует приветствовать, так как подобные действия являются активной политической силой, являются тем пламенем, которое может разгореться пожаром. Недостаток подобных протестов тот же: неорганизованность, малочисленность и разобщенность... Здесь еще нет центра, способного объединить разрозненное в единое, нет общественной силы, способной воплотить мысль в дело, способной противостоять злу и победить зло.

Кто виноват? Исторический опыт человечества убедительно доказал, что ни одна общественно-экономическая формация, в том числе и социалистическая, не обладала абсолютно правильной организацией экономических, социальных и политических отношений между членами данного общества, которые не требовали бы улучшения, пересмотра, реформ или революций... Общество, если оно желает остаться прогрессивным, обязано пересмотреть существующие общественные формы, основой которых должно быть постоянное равновесие между интересами личности и требованиями об-

щества. Если такого соответствия нет, то сопротивление неминуемо, борьба неизбежна . . .

Коммунистическая партия, совершив революцию и получив поддержку и доверие народа, приступила со знанием дела к осуществлению своей программы строительства социализма в нашей стране. Следовало ожидать, что, пользуясь передовой теорией марксизма в начале пути и марксистско-ленинской теорией после смерти первого вождя революции Ленина в деле преобразования общественно-экономических отношений в России, возникающие противоречия между личным и общественным во всех сферах жизни социалистического общества должны были бы разрешать своевременно, научно и гуманно. Однако Коммунистическая партия, покончив с действительными внутренними и внешними врагами революции, приступила к репрессиям против народа, которому она обещала свободу от рабства и налгия. Начались безудержные аресты наиболее прогрессивных представителей партии.

Жертвами беззакония стали выдающиеся военачальники, крупные ученые, представители творческой интеллигенции. Их имена не забыты: Бабель, Блюхер, Вишня, Вавилов, Гамарник, Коссиор, И. Катаев, Квитко, Кольцов, Кулиш, Курбас, Левидов, Мандельштам, Маркиш, Мейерхольд, Постышев, Тжицкий, Тулуп, Тухачевский, Третьяков, Якир, Ясенский и многие другие, список которых занял бы не одну страницу, не считая десятки тысяч рядовых представителей социалистического общества. Только за период с 1937 по 1939 годы было арестовано более миллиона коммунистов — половина партии. В послевоенные годы подобная политика партии продолжалась: посмевшие думать гибели от казней и пыток в застенках НКВД, ссылались в лагеря; посмевшие протестовать тысячами расстреливались из пулеметов; посмевшие быть недовольными изматывались непосильным рабским трудом; восставшие против насилия гибли на перевозках в заключенных вагонах и затопленных трюмах кораблей. Применение методов классовой борьбы против народа привело к тому, что было физически истреблено более 14 миллионов человек, что соответствует примерно населению Чехословакии . . .

Разве это не фашистские методы работы? Разве это не преступление против дела социализма?

Сегодня мы вновь на пороге прошлого и пережитого. Вновь внутреннее брожение нарастающего протеста сознательно подавляется порочными методами, вновь наиболее прогрессивным представителям нашего народа не дают слова. Все чаще снова наблюдаются нарушения советских законов и конституции представителями Комитета государственной безопасности, сотрудниками Министерства юстиции, прокуратуры и судов, производятся аресты, обыски, запугивания и допросы, незаконные помещения в психиатрические больницы, привлечение к уголовной ответственности за художественное творчество, исключения из партии, увольнения с работы, лишение всех средств к существованию. Снова диктуется единая воля философам, социологам, представителям науки и искусства, всему народу. Под красивой формой газетного благополучия, политического единства, общественного равенства и справедливости возводятся пути для возрождения политики, унаследованной от Сталина. За передовой марксистско-ленинской идеологией скрывается преступная деятельность против народа, против всего социалистического лагеря, против всеобщего мира . . .

Получив полную и безраздельную власть, руководители Коммунистической партии России, вероятно, и не предполагали, да и не могли предположить в то время, что прогрессивное начало единовластия, может быть действительно необходимое в начале пути, в самом себе уже содержало противоречие, свое отрицание, начало регресса. По самой сути социалистического общества, в котором каждому предоставляются одинаковые права, в партийно-правительственный аппарат начали проникать эгоисты, стремящиеся к власти, честолюбцы и подхалимы, люди с порочными стремлениями и грязной совестью. Этому в большой степени способствовала диктатура Коммунистической партии, именуемая диктатурой рабочего класса, поскольку полагалось, что деятельность партии всегда соответствует стремлениям и чаяниям рабочего класса, а следовательно, и всего народа. Таким образом постепенно создались условия для закономерного преобразования Коммунистической партии из органа, преданного народу и революции, из органа передовой

мысли и прогресса, в организацию власти, осуществляющую свою деятельность от имени народа, но без народа, в организацию власти, в которой низкопоклонство и формализм предшествуют делу, в которой личная польза считается выше пользы государственной, в которой, наконец, процветает демагогия, эгоизм, взяточничество и неприкрытая подкупность и семейственность на всех этажах власти. Эти посылки закономерно требовали выработки особых методов работы, особых приемов для охраны так хорошо и прочно возведенного здания. Результатом перемен явилось действительное изменение принципа равенства на равенство по должности и положению. Законы, единые для всех, потеряли свое единство для правителей. Непоставленная цель была достигнута. В стране образовалась и начала процветать гегемония власти, что явилось достаточным условием для возникновения элиты привилегированных людей, в экономическом и правовом отношении возвышающихся над народом отнюдь не за счет своих интеллектуальных способностей, и приносящих огромный моральный вред народу, а государству экономический и политический урон. Творческая активность масс, коллективный разум народа, его духовная свобода и колоссальные возможности социалистических преобразований оказались в тисках правителей-демагогов. Возникли непомерно большие оклады на верхах, тайные привилегии во всех областях жизни: незаконные получения должностей и присвоение званий, выплата премий и различных денежных вознаграждений, приоритет в курортном обслуживании, закрытое распределение дефицитных продуктов и товаров, различные незаконные услуги в сфере обслуживания. Возникло значительное экономическое и социальное неравенство между большинством народа и меньшинством управляющих народом... Субъективизм, игнорирование научных методов управления производством и сельским хозяйством привели к бесхозяйственности в экономике, значительному отставанию в передовых областях науки и производства от высокоразвитых капиталистических стран, к неправильным капиталовложениям, к несоответствию заработной платы производительному труду, к аварийному состоянию системы транспорта и жилищного строительства... Плохое качество

товаров и услуг было возведено в норму... Мы слишком медленно продвигаемся вперед, слишком не соответствуют вложенные усилия полученным результатам... — не слишком ли долго испытывается терпение народа.

Что делать? Каковы же пути преодоления создавшегося положения, где искать истину, как наиболее целесообразно отдавать свою энергию, знания, опыт на служение прогрессу, если известно то, что требует перестройки, исправления, ломки? В своей работе «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» А. Сахаров наметил наиболее оптимистический вариант такого пути, но последующие события, характеризующиеся подавлением интеллектуальной свободы в Чехословакии, показывают, что подобный путь неприемлем полностью к настоящему моменту. Время выдвигает требование решительных и самых активных действий всех прогрессивных сил нашего народа. Нерешительность или пассивность, непротивление злу или молчаливое согласие таят в себе опасность мировой катастрофы... Прогрессивное развитие социалистического общества возможно только при соблюдении следующих основных принципов:

1. Все граждане социалистического государства, независимо от звания и служебного положения, действительно должны быть равны перед законом и обладать правами в строгом соответствии с Конституцией;

2. Все граждане социалистического государства, независимо от звания и служебного положения, должны иметь право открытого обсуждения всех вопросов — экономических, социальных, политических внутренних и внешних, связанных с работой партийно-правительственного (или партийного и правительственного) аппарата как в масштабе страны, так и на местах;

3. Высшему руководству страны, а также руководству местного масштаба должно быть вменено в обязанность постоянно и подробно отчитываться перед народом о своей служебной деятельности, используя для этого имеющиеся в их распоряжении средства информации. Невыполнение этого принципа должно преследоваться законом, независимо от исполнительной власти;

4. Закон должен предусматривать в вопросах войны и мира, в вопросах предоставления чрезвычайных полномочий правительству и в других жизненно важных вопросах государственной деятельности принятие решений только с согласия Верховного Совета СССР, на основании общественного мнения народа;

5. В случае расхождения точек зрения с изложенными в пункте 4 вопросами между общественным мнением и политикой руководства, Верховный Совет СССР обязан от имени народа выразить недоверие правительству и принять меры к формированию нового высшего исполнительного органа власти.

Для осуществления этих принципов, на основании того, что в нашей стране реставрация капитализма извне иключается мощью вооруженных сил Советского Союза и стран социалистического лагеря, а также в силу отсутствия антагонистических классов в социалистическом обществе и образования общенародного государства, представляется необходимым произвести реорганизацию существующей структуры партийно-правительственного аппарата и судов... Верховный Совет СССР по-прежнему должен быть высшей законодательной властью в стране, но его функции следует расширить. В частности, при Верховном Совете должен быть организован Институт социологии и информации СССР, задачей которого являлось бы постоянное исследование общественного мнения по всем вопросам экономической, социальной и политической деятельности аппарата управления на всех его уровнях, связанной как с внутренней, так и с внешней политикой государства. Результаты опросов общественного мнения должны постоянно публиковываться в органе печати Верховного Совета и периодически доводиться до сведения населения через другие средства информации. Кроме того, Институт при Верховном Совете СССР, осуществляя контроль за деятельностью исполнительных, законодательных, надзорных и политических органов страны, соизмеряет их деятельность с требованием народа. Результаты исследований постоянно доводятся до сведения Верховного Совета и публиковываются... По требованию избирателей большинством в $\frac{2}{3}$ голосов от подведомственной данному Совету территории Советы могут быть распущены и проведены но-

вые выборы. На основании того, что в социалистическом общенародном государстве вся власть должна принадлежать народу, высшим органом исполнительной власти в стране должно быть Правительство СССР, состоящее из наиболее образованных и преданных делу социализма представителей народа, независимо от их партийной принадлежности, облеченных доверием народа. Члены Правительства СССР не должны одновременно являться и членами Верховного Совета, так как последний осуществляет постоянный контроль за деятельностью Правительства СССР... В связи с нарушением законности в период сталинизма и с участвовавшими случаями, переходящими в систему, нарушений основных положений Конституции СССР за последние годы — в частности статей 111, 112, 117, 125, 127 и 128 — возникла настоятельная необходимость образовать Верховный Конституционный Суд СССР (соответственно Конституционные Суды республик, областей и т. д.), ведающий делами, связанными с нарушением Конституции всеми без исключения законодательными, надзорными, исполнительными и партийными организациями, в том числе и членами Правительства СССР, Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР. Конституционный Суд СССР должен быть подотчетен Верховному Совету СССР...

Коммунистическая партия Советского Союза, выполнив свою основную миссию в деле предоставления всей полноты власти народу, как его наиболее организованная часть, на первом этапе строительства социализма, в силу повышения общеобразовательного уровня трудящихся, роста сознательности народа и его преданности делу социализма и коммунизма, должна перейти ко второму этапу своей деятельности. Сегодня деятельность Коммунистической партии должна заключаться в том, чтобы с позиций передовых научных теорий предоставлять на рассмотрение народу перспективные планы прогрессивного развития социалистического общества, своевременно вскрывать элементы регресса и разрабатывать пути их преодоления, должна учить, а не властвовать, направлять, а не подавлять... Коммунистическая партия, отстаивая свои позиции, должна постоянно подвергать проверке новых обстоятельств и новой мысли вопрос: насколько ее идеи соответствуют требованиям

народа, требованиям прогресса? Для этого необходимо самое широкое и активное участие всех коммунистов, а не только Центрального Комитета или, что еще хуже, Политбюро ЦК, в выработке идеологии и политики в стране. Коммунисты должны быть в первых рядах реформистских и революционных движений народа, направленных на замену отживших законов и учреждений более совершенными, для того, чтобы сделать свое общество высшим представителем разума и интеллектуальной свободы на Земле . . .

В социалистическом обществе должна существовать система непосредственной связи между народом и правительством, в частности, за счет открытого обмена мнениями по всем вопросам общественной жизни, открытых дискуссий по вопросам конституции и права, регулярных пресс-конференций с представителями государственных, общественных и культурных организаций, за счет выступлений в печати, по радио и телевидению, на митингах и собраниях, просто в беседах. Непременно должна существовать борьба идей во всех областях человеческой деятельности, не исключая политики, без которой прогресс невозможен, а ошибки неизбежны . . . Что касается борьбы Коммунистической партии и Правительства с враждебной буржуазной идеологией, то она должна осуществляться перед лицом всего народа путем открытой идейной борьбы, а не путем насилия и произвола . . .

Профсоюзные организации и Союзы молодежи, а также все иные общественные объединения должны самостоятельно решать поставленные перед собой задачи в соответствии с требованиями своих членов и своего устава. При такой структуре общественной системы социалистического общества, на наш взгляд, трудящиеся получают реальную возможность контролировать руководство на всех ступенях власти, имея своим исполнительным органом Советы депутатов трудящихся.

Мы рассмотрели вопросы завтрашнего дня, но можно ли что-нибудь сделать сегодня, чтобы приблизить лучшее завтра? Прежде всего на этом пути необходимо, но не достаточно, предоставить гражданам Советского Союза гарантированные Конституцией свободу слова, свободу печати, свободу собраний и митингов, свободу улич-

ных шествий и демонстраций... Без предоставления этих свобод всем членам социалистического общества вопрос об интеллектуальной свободе личности смысла иметь не может. Первым шагом на этом пути мог бы явиться пересмотр Верховным Советом СССР статей 70, 190¹ и 190³ УК РСФСР, так как они противоречат вышеперечисленным свободам, позволяя слишком широко толковать те или иные факты критических протестов и высказываний граждан страны. Кроме того, необходимо в первую очередь пересмотреть декрет о печати от 9 ноября 1917 г., введивший цензуру, на том основании, что все средства информации — печать, радио, телевидение и т. п. — принадлежат народу, а не только Коммунистической партии. Принятие нового закона о печати и информации, однозначно определяющего, что можно и чего нельзя опубликовывать, о чем можно и о чем нельзя информировать, с осуществлением строгого контроля со стороны компетентных общественных органов за соблюдением этого закона на местах, несомненно создало бы благоприятные условия для свободы критики, способствующей исправлению ошибок, свободы гласных обсуждений и общественных протестов, способствующих устранению общественных форм, не соответствующих данному времени, не соответствующих прогрессу, свободы мысли и творчества, являющихся необходимыми для отыскания истины и справедливости, так как только открытые обсуждения и бесстрашные выводы способны привести к единственно правильному научному заключению...

Перечисленные аспекты свобод, предоставленных трудящимся, должны способствовать тому, что каждый член общества будет иметь одинаковые возможности самовыражения и самоутверждения себя как личности в соответствии со своими способностями, будет иметь возможность занять подобающее ему положение в обществе согласно своему труду. Достаточным условием предоставления трудящимся вышеперечисленных свобод является немедленное восстановление законности в отношениях между личностью и обществом, что предполагает обязательную отмену Верховным Советом СССР всех существующих антиконституционных указаний и добавлений к законам. Независимость Верхов-

ного Суда СССР от политики партии должна быть гарантирована деятельностью Верховного Совета СССР... Должны быть полностью вскрыты и обнародованы все ужасы репрессий сталинского периода. Частью этого большого дела должна быть реабилитация несправедливо погибших, репрессированных и осужденных, должно быть прекращение всяческих незаконных преследований политзаключенных после выхода на свободу: административный надзор, ограничения места жительства и средств жизни. Должен быть облегчен лагерный режим политическим заключенным и восстановлены в правах несправедливо исключенные из партии. Кроме того, следует пересмотреть существующую структуру органов КГБ, являющихся основным орудием беззакония и произвола по отношению к трудящимся, пересмотреть ряд политических процессов, происшедших за последнее время... Только такой подход к делу позволит, как писал А. Сахаров, «смыть ту безмерную кровь и грязь, в которые запачкали наше знамя».

В экономической области... должны быть преодолены бюрократические и сектантские методы управления за счет соответствующего изменения производственных отношений, предусматривающего право трудящихся самим избирать своих представителей в органы управления производством и в органы управления профсоюзами... Главная задача профсоюзных организаций должна заключаться не в проведении в жизнь политики управляющих, а в решении насущных задач, связанных с повышением жизненного уровня трудящихся, с их экономической независимостью от аппарата управления... Нужно немедленно запретить все существующие незаконные привилегии для отдельной части населения и установить народный контроль над сферой потребления управляющей элиты... В отношении науки, искусства, литературы и вообще культурного наследия народа, являющихся сферой деятельности значительной части представителей нашего общества — интеллигенции, следует пересмотреть отжившую и исключительно вредную для дела социализма точку зрения на роль интеллигенции в общенародном государстве, когда наиболее передовой и прогрессивной части народа предлагают подчиниться воле и интересам рабочего класса, забывая

при этом, что интеллигенция Советского Союза вышла из народа и воспитана народом — на его высокой культуре и традиции. Подобное требование о какой бы то ни было подчиненности рабочему классу означает в действительности подчинение партии, ее центральному аппарату, его регрессивной сталинской политике в настоящее время, ее чиновникам. Но кто может поручиться, что чиновники проводят действительно правильную политику во имя народа, во имя справедливости и прогресса? Сталинизм — ярчайшее тому опровержение. Социализм, в силу своей сущности, породил интеллигенцию, которая, все более и более возрастая и организовываясь в своем единстве, совместно со всем народом нашего Союза похоронит под обломками истории всю ту низость и подлость, которые пристроились к нашему движению. И разум вырвется наконец из плена удушающей его плоти.

Но что делать, если, признавая существующее разумным, отвергают критику общественных форм, если под истиной понимают догматические положения, если исполнение долга видят в шпионстве и варварстве, если непотивление злу считается высшей добродетелью, если, наконец, эгоисты и демагоги, стоящие у власти, сохраняют неписанные законы, противоестественные самой сути социалистического общества? Тогда — борьба низов, организованная борьба народа. Тогда каждому, сознательно вступившему на путь борьбы, предстоит напряженнейшая работа, чтобы всколыхнуть инертную массу застоя, приспособленчества и пассивности... Первой задачей на этом пути, направленной на уменьшение жертв и более скорое достижение цели, является всяческая поддержка прогрессивного крыла в высшем партийно-правительственном аппарате и на местах, активное выдвижение преданных делу народа людей в Советы, в партийное руководство своих организаций, чтобы тем самым способствовать перевесу сил, стремящихся к изменениям и прогрессивным преобразованиям нашего общества... Следует всячески разоблачать лживость официальной информации относительно причин и хода событий как внутри страны, так и за рубежом, в частности, раскрыть перед народом истинные цели нашего руководства в отношении Чехословакии, направленные

на подавление интеллектуальной свободы в этой стране... Распространение информации на фабриках, заводах, в учебных заведениях при помощи прокламаций, листовок, брошюр, воззваний, протестов должно осуществляться в полном соответствии с Конституцией СССР, где говорится о свободе слова и печати... Однако, одно распространение информации среди населения не может само по себе явиться орудием против неосталинизма, беззакония и произвола. Необходимы действия, и опять же в строгом соответствии с Конституцией, где гарантируется народу право его волеизъявления: свобода собраний и митингов, свобода уличных шествий и демонстраций... Необходимо потребовать у правительства подробного отчета перед народом о его деятельности во внутренней и внешней политике государства...

Газеты последнего времени полны грубых искажений событий, особенно за рубежом, куцых сообщений о деятельности партии и правительства. Многие книги, ранее напечатанные, вновь запрещены, например: книга А. М. Некрича «1941, 22 июня». Но появилась книга С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны». Первая книга вышла в свет в 1965 г., вторая — в 1968. Первая показывает преступную деятельность Сталина в обстановке готовящегося Германией нападения на Советский Союз, вторая — гениальность Сталина в годы войны. Добавим, что автор первой книги исключен из партии. За правду... В области искусства и литературы, свободы мысли и творчества следует активно протестовать против запрещения книг, против изъятия их из дискуссий. Необходимо положить предел насилию над литературными произведениями, когда их авторов заставляют переделывать последние в соответствии с требованиями изменчивой официальной политики, в соответствии с партийными указаниями по вопросам литературы и искусства... Необходимо требовать опубликования произведений А. Солженицына «Раковый корпус» и «В круге первом», произведений В. Аксенова, Е. Евтушенко, А. Вознесенского и других авторов, творчество которых не представляется на суд общественности по политическим соображениям. Необходимо требовать освобождения из лагерей Синявского и Даниэля и опубликования их произведений, повестей «Суд идет» и

«Любимов» — Синявского и повести «Говорит Москва» — Даниэля, а также его рассказов «Руки», «Искушение» и др. Следует требовать освобождения Буковского и пересмотра дела Гинзбурга и Галанскова, освобождения из-под ареста Литвинова, Делоне, Ларисы Даниэль и других. Настало время решительного протеста против господства власти своевольной группы приверженцев сталинской политики; настало время решительного сопротивления существующему положению, при котором партийный аппарат решает, что можно народу, а чего нельзя; настало время отстранить от руководства чиновников и бюрократов, догматиков и сталинистов. Настало время для партии открыто взглянуть в глаза своему народу и пересмотреть свою деятельность.

Если все методы борьбы не дадут положительного результата — время выдвинет задачу создания новой партии, которая в результате упорной идеологической борьбы приведет социалистическое общество к победе Разума, Справедливости и Гуманизма, приведет к расцвету Интеллектуальной Свободы в нашей стране...
РОССИЯ ЖДЕТ НОВЫХ ЛЮДЕЙ!

Геннадий Алексеев, коммунист
Таллин, 22 сентября 1968 г.

В мае 1969 г. в Палдиски под Таллином и в Калининграде были арестованы морские офицеры [Геннадий В.] Гаврилов, [Алексей] Косырев, Парамонов. Их обвиняют в создании «Союза борьбы за политические права», целью которого было осуществление в СССР демократических прав и свобод, гарантированных Всеобщей декларацией прав человека. При обысках, как сообщают, сотрудниками КГБ обнаружена типография, предназначенная для выпуска бесцензурной литературы. Следствие [вел] КГБ Балтфлота, следователи — капитан Бодунов, майор Драч, полковник Денисенко — работники КГБ и военной прокуратуры Балтфлота. Прокурор по надзору за следствием — Колесников. Следственные органы КГБ приписывают авторство «Открытого письма гражданам Советского Союза», подписанного псевдонимом Г. Алексеев, и руководящую роль Гаврилову. Насколько можно понять, Гаврилов [держался] на следствии очень стойко.

Видимо, благодаря показаниям Косырева, КГБ пришло к выводу о связи арестованных с Ленинградом, Москвой, Таллином, Ригой, Баку, Пермью, Хабаровском. По-видимому, навстречу следствию [шел] в своих показаниях и Парамонов. Следствие усиленно [искало], не было ли у арестованных связей с Ильей Габаем, арестованным в мае 1969 г. в Москве, а также с гражданами, подписывавшими протесты против нарушения прав человека в СССР. Арестованные офицеры [находились во время следствия] в Таллине, в тюрьме КГБ. [Инженер Сергей] Солдатов... насильственно помещен в психиатрическую больницу.

После ареста КГБ допросил несколько сот людей и произвел обыски примерно в 30 квартирах — в Ленинграде, Хабаровске, Риге, Баку и Перми.

В Польше по делу Гаврилова и др. офицеров Балтфлота арестованы два офицера.

[Особый характер дела Гаврилова и др. не дает возможности более детально осветить ход следствия и судопроизводства — нет сведений об этом. Некоторое представление о процессе дает допрос инженера Сергея Солдатова].

20 июня 1969 г. оперативная группа КГБ на квартире Солдатова С. И., проживающего в г. Таллине, произвела обыск. В постановлении на обыск, подписанном ст. следователем капитаном Бодуновым, указывалось, что гр-ка Ольга Бодренко показала, что Солдатов встречался у нее на квартире с неизвестным. При обыске были изъяты личная переписка с советским писателем В. М. Померанцевым, Декларация прав человека, стихи «Мечта о воле» и «На смерть Кеннеди», выписки из «Исповеди» Ж. Руссо, «самиздатовская» философская рукопись «Мир и человек».

Первый допрос: 24 июня 1969 г., КГБ ЭССР...

Ст. следователь А. Никитин: Мы хотели бы вас допросить... пока в качестве свидетеля.

Солдатов: По какому делу меня допрашивают?

Н.: Вас допрашивают по делу Гаврилова Геннадия Владимировича и группы офицеров Балтийского флота, обвиняемых в антисоветской деятельности. Часто ли бываете в Москве?

С.: Это не имеет отношения к расследуемому делу.

Н.: Знакомы ли вы с Якиром?

С.: Я заявляю, что никаких данных о моих знакомых или о моей духовной жизни сообщать не собираюсь.

(Далее следует длинное разъяснение об уголовной ответственности за недачу показаний).

С.: Если у вас есть материал обвинения против меня, то сажайте меня без моего участия.

Н.: У нас много показаний против вас, у вас были связи с этими офицерами. Мы достоверно это знаем.

С.: Тогда оформляйте обвинение на основании этих показаний.

(Солдатов уводит в другой кабинет).

Полковник Барков: Вы же не враг советской власти?

Солдатов: Я враг беззакония.

Б.: Почему же вы не помогаете следствию, не подтверждаете очевидное? Мы точно знаем, что обвиняемый Гаврилов получил ваш адрес от Якира и встречался с вами. Ваш упорный отказ только укрепляет наши подозрения. Видимо, вы чувствуете за собой какие-то антисоветские грешки и вам неуютно . . .

С.: Я уже сказал, сажайте меня без моей помощи.

Б.: . . . Видимо . . . вам из-за тщеславия хочется выглядеть мучеником.

С.: Я просто хочу прожить честным человеком.

Б.: Как же тогда понять ваше отношение к советскому закону?

С.: Сами эти законы несовершенны и часто противоречат человеческим правам.

Б.: . . . Подумайте, в какое положение вы ставите заслуженного капитана I ранга Бодренко. Ведь его дочь подтверждает факт встречи с офицерами у нее на квартире.

С.: Это дело ее совести. Я знаю, что я сам говорю.

Б.: Подумайте о судьбе этих молодых офицеров. Одному вы уже ничем не поможете, положение другого могли бы облегчить . . .

С.: Я не могу облегчить ничьей судьбы, идя против своей совести.

Б.: Это уже просто жестоко. Как вы можете говорить о правах человека, бороться за них . . .

С.: Хорошо. Я могу подтвердить только показания дочери Бодренко и офицеров, если это кого-то спасет.

(Солдатов подтвердил, что с кем-то встречался, времени, места, внешнего вида и имен не помнит, разговор носил общий характер, ничего незаконного не заметил).

Б.: Почему не пригласили к себе домой?

С.: Моя жена не любит принимать незнакомых людей.

Б.: Не передавали они вам документов? Не вели ли они с вами переговоров о создании «Союза борцов за политическую свободу» и издании газеты «Демократ»? Не обещали ли вы достать для них шрифт? Известен ли вам документ «Надеяться или действовать?»

(Солдатов на все вопросы ответил отрицательно).

Б.: Ваше политическое кредо?

С.: Правительство обязано прислушиваться к мнению инакомыслящих, демократической интеллигенции и проводить демократические свободы, чего оно не делает.
(Подписывает протокол).

Б.: Хотите вы или нет, но вопрос о ваших отношениях с Якиром обязательно всплывет.

С.: Моей позиции это не изменит.

Б.: Вы, видимо, недовольны нашей политикой в Чехословакии?

С.: Да, я не в восторге от этого . . .

Второй допрос: 28 июня 1969 г. . . .

Ст. следователь А. Никитин: Что вы можете сказать о письме в ЦК, подписанном вами и вашими товарищами по Ленинградскому политехническому институту?

Солдатов: Только то, что мы получили от него неудовлетворивший нас ответ.

Н.: Откуда у вас тетрадь с политическими заметками?

С.: Нашел в аудитории и храню.

Н.: Откуда у вас «самиздатовская» философская рукопись?

С.: Не помню.

Н.: Откуда у вас стихотворения «Мечта о воле», «На смерть Кеннеди»?

С.: Отказываюсь пояснять.

Н.: Как началась ваша переписка с писателем В. Померанцевым? Он ваш друг?

С.: Просто знакомый. По моей инициативе. Других данных сообщить не имею. Выражаю протест против незаконного изъятия у меня материалов, не имеющих отношения к делу, в том числе Декларации прав человека.

Н.: Обращайтесь с протестом в Особый отдел ДКБФ (Дважды краснознаменный балтийский флот). Мы выполняем их поручение.

С.: Я — лицо гражданское. Мои документы не имеют отношения к делу этих офицеров.

Н.: Мы сами решаем, имеют или не имеют отношение.

С.: Отсюда и начинается произвол. Нарушена статья 140 УПК РСФСР.

Н.: Но это было раньше. У нас сейчас все по-другому.

С.: А аресты за убеждения, заключение здоровых людей в психиатричку? . . .

Н.: Посадили каких-то двух... а вы на стенку лезете, шум на весь мир поднимаете. А престиж страны? [Подразумеваются Даниэль и Синявский].

С.: Вопрос не в нации, а в принципе. Речь идет о свободе слова и творчества. Кроме того, один смелый борец за свободу дороже миллиона трусливых обывателей.

Н.: Ну, ладно. Это все очень абстрактно... *(Подписывается повестка о невыезде).*

Третий допрос: 3 сентября 1969. Особый отдел ДКБФ КГБ СССР.

Ст. следователь капитан Бодунов: Нас не удовлетворяют ваши показания в КГБ ЭССР. Надеюсь, вы образумились.

(Далее следует читка протоколов допроса обвиняемого А. К. Косырева: «Я просил его [Солдатова] оказать содействие в создании 'Союза борцов за политическую свободу' и издании газеты 'Демократ', на что он очень охотно согласился... Он обещал также достать типографский шрифт... Телефон его дал Якир...»)

Что вы можете сказать по этому поводу?

Солдатов: Не припоминаю такого разговора. Говорили на общие темы.

Б.: Давно знаете Якира?

С.: Почему вы так упорно интересуетесь Якиром? Насколько мне известно, Якир — всеми уважаемый гражданин, легально выступающий за права человека.

Б.: Но ведь его личный друг И. Габай арестован... Так что за ним не только легальные дела.

С.: Сказать по этому поводу ничего не имею. Неясно, почему Косыреву надо было со мной встречаться?

Б.: Он видел в вас борца.

С.: Я этого не заслужил...

(Далее следует процедура опознания и очной ставки, в ходе которой Косырев опознает Солдатова и подтверждает свои показания о разговоре).

Б.: Что вы можете сказать на это?

С.: Считаю подлое и трусливое поведение Косырева недостойным офицера.

Б. *(ударяя ладонью о стол)*: Я не позволю здесь заниматься инсинуациями. Вы сидите на бочке с порохом, которая в каждую минуту грозит взорваться.

С. *(Косыреву)*: Есть суд КГБ и есть суд товарищей, истории. Перед ним вы будете отвечать всю жизнь.

Б.: Нет суда КГБ, есть советский народный суд.

С.: Есть еще суд совести. Важно в любых условиях оставаться честным.

Б.: С вашим честным поведением вам недолго гулять на свободе.

С.: Опыт показывает, что честные люди часто теряли свободу, становились политзаключенными. Их потом реабилитировали. Предпочитаю быть реабилитированным, а не сволочью на свободе... Прошу дать мне возможность выступить на суде.

Б.: Зачем?

С.: Чтобы высказать свое мнение по данному делу.

Б.: От имени кого? Кто вас уполномочил? Комсомольская или профсоюзная организация?

С.: От имени демократической интеллигенции.

Четвертый допрос: Особый отдел ДКБФ. 4 сентября 1969 г.

Ст. следователь Бодунов. (Очная ставка с главным обвиняемым Гавриловым Г. В. Гаврилов Солдатова не опознал).

Солдатов: Я требую моего участия в будущем судебном процессе.

Бодунов: Вам там нечего делать. Вы не помогаете раскрытию истины.

С. (Гаврилову): ... Помните, что я всегда буду рад встретиться с Вами. Чем могу помочь?

Гаврилов: Может быть, и встретимся. Мне ничего не надо.

Пятый вызов: 23 сентября 1969 г. Солдатова вызвали в Особый отдел ДКБФ, где его ожидали майор КГБ Тихонов и три человека в белых халатах, оказавшихся врачами республиканской психиатрической больницы во главе с военврачом Петренко.

Освидетельствование производилось так: — Не болели ли ваши родители? — Нет. — Вы единственный сын в семье? — Да. — Вы пошли в школу своевременно? — Да. — Чем увлекались в школе? — Математикой и спортом. — Не стремились ли быть вожаком? — Нет. — Почему окончили среднюю школу не в 18, а в 19 лет? — Война. — Почему выбрали машиностроение? — Правилось. — Успешно ли сдавали экзамены? — Да. — Как выбирали друзей? — По честности и уму... — Какие у вас отношения с коллективом? — Корректные. — Ах, только корректные. Почему не сердечные? — Друзей не выбирают по заказу... — Почему вы женились на вашей жене? — Понравилась... — Не кажется ли вам, что жизнь плоха и люди плохо относятся к вам? — Не кажется. — Верите ли вы в таинственные силы? В загробную жизнь? — Это спорные вопросы... — Бывали ли вы в церкви? — Бывал. — Когда вас стали интересовать религиозные и моральные проблемы? — С тех пор, как научился думать. — Почему вы ими интересуетесь? — Не все в жизни в порядке... — Как вы относитесь к найденной у вас рукописи «Мир и человек»? — Много непонятного. — Откуда вы ее получили? — От знакомых. — Как вы относитесь к введению войск в Чехословакию? — Отрицательно. — Как нужно регулировать этот вопрос? — Мирным путем... — Как вы относитесь к политике Советского Союза? — Чтобы разо-

браться, нужна информация с обеих сторон. Я ею не располагаю. — Не считаете ли вы себя способным изменить советскую государственную систему? — Историю делают массы. — Почему мы здесь собрались и беседуем? — КГБ заботится о моем здоровье. — Почему вами интересуется КГБ? — За неугодные взгляды и плохие знакомства. — Не огорчают ли вас вызовы в КГБ? — Стали привычными. — Не огорчает ли вас настоящая ситуация? — Мне стыдно за медицину... — Что вы все время иронически улыбаетесь? — Меня радует этот торжественный ритуал. Он от бессилия. (*Следует мед. осмотр*).

17 февраля 70 г. С. И. Солдатов был вызван к председателю Госкомитета по профтехобразованию ЭССР, члену ЦК КПЭ А. А. Шишкину. Шишкин заявил Солдатову, что тот «разлагающе действует на людей, с которыми соприкасается», и предложил ему уйти с работы «по собственному желанию». Солдатов ответил: «Расцениваю ваше предложение как репрессивный акт в связи с моими взглядами; по собственному желанию не уйду». 19 февраля вышел приказ 45-к об освобождении инженера-методиста Солдатова с 16 марта от исполняемых обязанностей в связи с «упразднением должности». 16 марта, после увольнения с работы, Солдатов подал гражданский иск в народный суд Центрального р-на г. Таллина, требуя привлечь Шишкина А. А. к судебной ответственности за нарушение: а) трудового законодательства (не было санкции месткома на увольнение), б) гражданских прав истца (увольнение за убеждения); а также потребовал восстановления на прежней работе. Спешно проводятся два заседания месткома (17 и 18 марта). Издаётся новый приказ об отмене приказа 45-к как «незаконного», и, наконец, 20 марта издаётся новый, уже вполне «законный», с одобрением месткома, приказ об увольнении. Все это в отсутствие истца. 7 апреля под председательством судьи Э. Вярав состоялось разбирательство дела. А. Шишкин по болезни не явился, а прислал своего заместителя Аласа. На суде истец заявил, что ответчик Шишкин своей неявкой в суд трусливо уклоняется от объяснений перед народным судом и присутствующими, за какие такие «разлагаю-

щие» взгляды он, истец, оказался выброшенным на улицу. Суд нашел, что факт увольнения по идеологическим причинам не доказан, что увольнение продиктовано необходимостью совершенствовать госаппарат, что факт нарушения законодательства Госкомитетом исправлен, восстановление Солдатова невозможно из-за отсутствия в а к а н с и и, истцу следует выплатить компенсацию. Заметим, что Солдатов со второй половины 1968 г. по апрель 1970 г. за свои убеждения был дважды уволен (первый раз — с должности преподавателя Таллинского политехнического института), дважды обыскан, четырежды допрошен и один раз подвергнут психиатрической экспертизе по приказу КГБ.

[Летом 1970 г.] в Ленинграде Военный трибунал Прибалтийского округа судил военных инженеров. Обвинение по ст. 70 УК РСФСР — создание «Союза борьбы за политические права». Суд приговорил: Геннадия Гаврилова — к 6 годам лагерей строгого режима, Алексея Косырева — к 2 годам. Парамонов был признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу специального типа в г. Черняховске.

СУД НАД ОЛЬГОЙ ИОФФЕ

20 августа 1970 г. в Мосгорсуде состоялся суд над Ольгой Иоффе. О. Иоффе обвиняется по ст. 70 УК РСФСР в том, что она принимала активное участие в изготовлении листовок антисоветского содержания в количестве 245 штук, хранении и распространении документов антисоветского содержания, изъятых у нее при обыске.

Состав суда: судья — Богданов, прокурор — Ванькович, адвокат — Поздеев.

Предварительная экспертиза, проведенная ЦНИИСП им. Сербского (проф. Морозов, д-р мед. наук Д. Р. Лунц, врачи Фелинская, Мартыненко), признала О. Иоффе невменяемой с диагнозом: вялотекущая шизофрения, простая форма. Адвокатом Поздеевым Ю. Б. были заявлены два ходатайства: 1) о признании родителей О. Иоффе, Н. Я. Шатуновской и Ю. М. Иоффе, законными представителями подсудимой; 2) о доставке в суд подсудимой. Прокурор возразил против второго ходатайства на том основании, что присутствие на процессе для больного человека тяжело. Суд отклонил это ходатайство. Судья объявил, что по данному делу приглашены три свидетеля: И. М. Каплун, В. И. Бахмин, В. М. Тишинин. Свидетель В. Бахмин показал, что знаком с О. Иоффе около полутора лет, что 7 и 8 ноября 1969 г. он находился на квартире И. М. Каплун, где были Каплун, Иоффе, [Татьяна] Хромова [студентка 4 курса Московского гос. ист.-архивного института] и Дибцева. Он сам и Каплун печатали, а Иоффе диктовала текст листовки. Эти листовки затем были переданы на хранение В. Тишинину. Далее Бахмин заявил, что листовки печатались без определенной цели, так как еще не было решено, каким способом их распространять и распространять ли вообще. Печатались же листовки 7 и 8 ноября потому, что

это были единственные дни, свободные от учебы. Листовки готовились к 21 декабря. Впоследствии, 30 ноября, за несколько часов до ареста, было решено уничтожить все листовки. Бахмину был предъявлен документ, на основании которого составлялась листовка, и он показал, что текст этого документа написан рукой О. Иоффе, а правка сделана его рукой. С остальными, представленными ему документами, он знаком не был.

Показания И. М. Каплун, которая была дружна с Иоффе с 1956 г., полностью совпадали с показаниями Бахмина. И. Каплун заявила, что деятельность ее и ее товарищей никоим образом не была направлена на подрыв советского государственного строя, а, напротив, на его укрепление, что они действовали согласно ленинскому принципу, что народу нужно говорить правду. В отношении листовки О. Иоффе все свидетели показали, что Ольга — человек сильной воли, последовательный, склонный к логическому мышлению, настойчивый, доводящий всякое дело до конца, доброжелательный к людям, с чувством юмора. Кроме того, по просьбе адвоката Поздеева были зачитаны характеристики с мест работ и учебы, которые характеризовали О. Иоффе наилучшим образом.

Третий свидетель, В. М. Тишинин, на суде не присутствовал, о его показаниях не было сказано ни слова. (О Тишинине известно, что он на свободе, и что незадолго до ареста Иоффе, Каплун и Бахмина он написал в КГБ письмо-донос, что и послужило причиной их ареста). По просьбе адвоката были допрошены родители О. Иоффе. Н. Я. Шатуновская рассказала . . . : Ольга развивалась нормально, ни в детстве, ни в юности не замечалось никаких отклонений от нормы. Она ласковая, спокойная, сдержанная, общительная девочка.

[В чем же заключалось «преступление» О. Иоффе?] В конце ноября и начале декабря 1969 г. КГБ были произведены обыски и аресты среди московских студентов. Были арестованы Вячеслав Бахмин, Ирина Каплун и Ольга Иоффе. О. Иоффе 19 лет, она студентка 2-го курса вечернего отделения экономического факультета МГУ. При обыске у нее были изъяты некоторые материалы «Самиздата», ее собственные стихи и бумаги, стихи ее отца Ю. М. Иоффе и пишущая машинка. О. Иоффе окон-

чила физико-математическую школу. Ирина Каплун — языковую спецшколу. В 1966 г. обе девочки вместе с 9-ю ребятами из этой 16-й спецшколы (в то время никому из них не было больше 16 лет) расклеивали листовки против ресталинизации. В разных районах Москвы они расклеили и разбросали около 300 листовок. Следователь майор Елисеев требовал от ребят назвать взрослых, кто ими руководил. Уроки в школе чередовались с допросами по 4—6 часов. На допросах девочкам говорили: «Если вы считаете, что у нас не все благополучно, пришли бы посоветоваться с нами, в КГБ». Школьная администрация и райком комсомола пытались всячески выпытать у девочек: «Мне-то вы можете сказать, кто у вас там был взрослый?» Арест О. Иоффе и И. Каплун был, очевидно, связан с готовящимся протестом против празднования 90-летия со дня рождения Сталина. Чтобы обосновать обвинение О. Иоффе, КГБ понадобилось почти 9 месяцев — суд [ведь] собрался 20 августа 1970 г. И все же девушку сломить не удалось. Тогда КГБ применил ставший уже обычным прием: «психиатры» КГБ признали Ольгу Иоффе невменяемой с диагнозом «хроническая шизофрения». Официально суд был открытым. Но в действительности вход в залу заседаний был перегороджен скамьей, около которой стояло 4 милиционера в форме и четверо в штатском. В качестве свидетелей под вооруженной охраной в залу суда были приведены Ирина Каплун и Вячеслав Бахмин... которым... не миновать лагерей. Самой подсудимой, как сказано выше, на суде не было...

Представитель экспертной комиссии Мартыненко зачитала установленный диагноз. Адвокат Поздеев задал ей несколько вопросов.

Вопрос: Какие именно физиологические исследования были проведены для установления заболевания?

Ответ: Такие физиологические исследования проводятся для всех без исключения. Отсутствие признаков заболевания не может свидетельствовать об отсутствии самого заболевания.

Вопрос: На основании каких именно высказываний была установлена экспертизой разноплановость ее мышления. Приведите хотя бы один из тестов, дававшихся

Ольге, при которых были установлены грубые нарушения мышления, или приведите хотя бы одно высказывание Ольги, свидетельствующее об этом.

Ответ: Конкретно я ответить не могу, если суду интересно, то надо послать за историей болезни в Институт им. Сербского. Она знала, куда ее доставили, понимала, что это значит, но не проявила никакой аффектации, у нее даже голос был не модулирован. (В. Новодворская проявила аффектацию — излишнюю. Результат экспертизы тот же!)

Вопрос: Не приписываете ли вы такое поведение Ольги ее выдержке, силе воли и спокойствию, о которых говорили свидетели?

Ответ: Так владеть собой невозможно.

Вопрос: Как вы объясняете тот факт, что наличие болезни, которая развивалась у О. Иоффе с 14 лет, как пишет экспертиза (вероятно, имеется в виду, что болезнь началась с 1966 г., когда О. Иоффе с друзьями распространяла . . . листовки), не помешало ей успешно закончить математическую школу и поступить в университет.

Ответ: Наличие этой формы шизофрении не предполагает изменения личности, заметного для окружающих.

Адвокат Поздеев зачитал из монографии Морозова и др. признаки заболевания, имеющегося у Ольги согласно экспертизе (враждебное отношение к окружающим, отрешенность от мира, перескакивание мысли с одного предмета на другой, апатия, вплоть до того, что человек не встает с постели), и попросил эксперта сказать, какие именно признаки, хотя бы один, наблюдались у О. Иоффе. При этом он сказал, что наличие перечисленных признаков полностью опровергается характеристиками с места работы и учебы и показаниями свидетелей.

Ответ: Все эти симптомы нельзя рассматривать в отдельности, а лишь в совокупности.

Адвокат заявляет, что ответами представителя экспертизы не удовлетворен, поскольку ни один ответ не был конкретизирован. Просьба адвоката о повторной экспертизе в ином составе отклоняется на том основании, что комиссия Института им. Сербского была предупреждена

об ответственности по ст. 187 УПК РСФСР (ответственность за отказ или уклонение от дачи заключения или за дачу заведомо ложного заключения), и, кроме того, комиссия достаточно авторитетна.

Прокурор в своей речи сказал: Мы сегодня рассматриваем очень необыкновенное дело, которое заключается в том, что по делу, которое мы рассматриваем, подсудимая отсутствует так как страдает тяжелым душевным заболеванием, которое установлено авторитетной комиссией Института им. Сербского. Вина Иоффе полностью доказана. Да, она совершила тяжкое преступление, предусмотренное ст. 70 УК РСФСР. Из показаний родителей мне ясно, что они не предприняли никаких мер надзора, чтобы предотвратить совершение тяжелых преступлений. Хотя, конечно, человек больной и не отвечает за свои действия. Обвинение просит направить Иоффе на принудительное лечение в больницу специального типа.

Адвокат Поздеев говорит: ... еще 2 декабря 69 г., на следующий день после ареста, О. Иоффе заявила, что свою деятельность она не считает антисоветской, она ни в коем случае не была направлена на подрыв советского строя. Можно считать доказанным, на основании показаний свидетелей, что 3 документа никак не распространялись и являются изложением отрывочных мыслей, а один документ, как признала Каплун, написан ею и только переписан после обсуждения рукой Иоффе. Оба свидетеля показали, что листовки решено было уничтожить 30 ноября. Таким образом, по ст. 70 УК РСФСР нет состава преступления. Адвокат просит переквалифицировать ст. 70 на ст. 190¹ УК РСФСР. Далее адвокат говорит, что из своей беседы с О. Иоффе он вынес впечатление, что она легко воспринимает доводы разума, что с ней легко наладить контакт, она склонна прислушиваться к чужому мнению и обдумывать его. Адвокат ссылается на молодость обвиняемой (20 лет) и на некоторую, присущую возрасту, беспечелляционность суждений. Он говорит, что в молодости иногда трудно разобраться в потоке информации и сделать правильный вывод. Однако это не является преступлением. Учитывая возраст обвиняемой и наличие у нее простой формы шизофрении (по данным экспертизы), наиболее легко

поддающейся лечению, адвокат считает, что направление О. Иоффе в психиатрическую больницу специального типа, предполагающую длительное лечение и тяжелые случаи заболевания, нецелесообразно, и просит направить ее в больницу общего типа.

Определение суда не содержит ни изменений по сравнению с первоначальным обвинением, ни дополнительных мотивировок решения — направить О. Иоффе на лечение в психиатрическую больницу специального типа, содержать под стражей до доставки в больницу.

ДЕЛО МИХАИЛА МАКАРЕНКО

Газета «Правда» от 13 октября 1970 г. поместила очерк В. Черткова «Спекулянт без прикрас. Против фальсификации». Главный герой газетного материала Михаил Янович Макаренко, арестованный 5 июля 1969 г. в Москве органами КГБ. Судебное заседание проходило при закрытых дверях в Московском городском суде в сентябре 1970 г. и длилось несколько дней. На скамье подсудимых рядом с Макаренко — Вячеслав Родионов. Председательствующий — Богданов.

М. Я. Макаренко, 1931 г. рожд., уроженец г. Галац (Румыния). В 1940 г. оказался на территории СССР и был помещен в детский дом. В 1954 г., после службы в армии и договорных работ по оформлению сельских клубов, переехал в Ленинград. Женился на Л. С. Макаренко и взял ее фамилию. Через некоторое время поступил на философский факультет МГУ, но был исключен из университета, в связи с предъявлением ему обвинения в уголовном преступлении — постройке дома на нетрудовые доходы. Вина Макаренко судом доказана не была. Появившись в Новосибирске, он в 1965 г. организовал клуб «Под интегралом» и Картинную галерею Академгородка. Как одно из наиболее знаменательных мероприятий стоит упомянуть «Фестиваль бардов» с участием Галича, Клячкина, Высоцкого и др. Этим фестивалем, так же, как и организацией персональных выставок Филонова, Фалька, Лисицкого, графики Пикассо, фактически завершилась деятельность клуба «Под интегралом» и Картинной галереи (1968 г.). Затем последовала статья в «Вечернем Новосибирске» и увольнение с должности заведующего галереей. Дальнейшую судьбу Макаренко предрешили его настойчивые попытки организовать выставку Марка Шагала. Согласие Шагала на

приезд в СССР и на предоставление им полотен для выставки было получено . . .

Вячеслав Родионов, 23 лет, житель г. Кольчугина. Обвинение частично аналогичное.

В помещение суда не была допущена мать Родионова. Ходатайство адвоката Ю. Бобровой о необходимости заслушать показания представленных ею свидетелей судом было отклонено.

М. Я. Макаренко по совокупности ст. ст. 70, 162, 173 и 88 УК РСФСР осужден на 8 лет заключения в исправительно-трудовых колониях строгого режима с конфискацией имущества. По ст. 70 УК Макаренко и Родионову инкриминировались изготовление и распространение письма Будапештскому совещанию коммунистических и рабочих партий, подписанного: «Партия беспартийных трудящихся, борющихся за восстановление социализма». Копии письма были переданы в посольства Румынии и Венгрии, затем они оказались в КГБ.

ДЕЛО РЕВОЛЬТА ПИМЕНОВА

В июле 1970 г. в Ленинграде арестован научный сотрудник Математического института, доктор наук Револьт Иванович Пименов. Р. И. Пименов, 1931 г. рожд., окончил матмех ЛГУ. В 1949 г. был насильственно госпитализирован в психиатрическую лечебницу с диагнозом «шизофрения», после того, как он подал заявление о выходе из комсомола. Повторный консилиум во главе с проф. Голандом признал его здоровым, единственное, на чем настаивал профессор при выписке, — это чтобы Пименов взял свое заявление обратно. В марте 1950 г., под угрозой вторичной госпитализации, согласился остаться в комсомоле; в 51 г. был из него исключен, райкомом восстановлен, а затем исключен из университета, но восстановлен и окончил его в 54 г. Занимался математикой. 25 марта 57 г. был арестован, а 26 августа судим по ст. ст. 58¹⁰ и 58¹¹. Вместе с ним судили Б. Б. Вайля, К. Г. Данилова, И. Д. Заславского и И. С. Вербловскую. Р. И. Пименова обвинили в написании статей «Судьба русской революции», «По поводу речи Н. С. Хрущева» и тезисов «Венгерская революция»; в попытке создания антисоветской группы среди студентов Ленинградского библиотечного института. Б. Б. Вайлю, 18-летнему студенту 1-го курса библиотечного института, вменяли в вину совместную с Пименовым попытку создать антисоветскую группировку, хранение и распространение антисоветской литературы. В отношении остальных трех подсудимых была применена лишь ст. 58¹⁰ УК, по ст. 58¹¹ они были оправданы. Р. И. Пименова приговорили к 6 годам, Б. Б. Вайля — к 3, К. Г. Данилова, И. Д. Заславского и И. С. Вербловскую — к 2 годам лишения свободы. В декабре 57 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев кассационный протест прокурора г. Ленинграда, вынесла определение о

новом рассмотрении дела. Новый суд в январе 58 г. приговорил Пименова к 10 годам с последующим поражением в правах на 3 года, Вайля — к 6 годам, Заславского и Вербловскую — к 5 годам, Данилова — к 4 годам. На этот раз всем вменили ст. 58¹¹. Постановлением Президиума Верховного Совета от 15 июля 63 г. Р. И. Пименов был условно освобожден с испытательным сроком — 3 года — и снятием поражения в правах.

Через год Р. И. Пименов защитил в Математическом институте АН СССР кандидатскую диссертацию, а в конце 69 г. — докторскую. Является членом Гравитационного комитета; автор книги «Пространства кинематического типа» (математическая теория пространства-времени) и многих математических статей. Кроме того, Р. И. Пименов написал несколько исторических пьес, статью «Как я искал английского шпиона Сиднея Рейли». Б. Б. Вайля уже в лагере вторично судили, повысив срок до 8 лет. Он освободился в сентябре 65 г., жил в Курске, работал в кукольном театре.

В апреле 1970 г. на квартире у Пименова был произведен обыск. Тогда же был обыск у Вайля в Курске. Оба обыска производились по поручению прокуратуры г. Обнинска. В ближайшие дни после обыска Пименова вызывали на допросы в качестве свидетеля по делу Зиновьевой В. И. приехавший в Ленинград следователь Обнинской прокуратуры зам. прокурора г. Обнинска Борисов В. И. и следователь Ленинградской прокуратуры мл. сов. Филимонов И. П. Кроме того, Р. И. Пименова вызывал для беседы секретарь Ленинградского горкома партии по идеологии... *Приводим в выдержках беседу, которая состоялась 20 апреля 1970 г. в [его] кабинете... в Смольном:*

— Вы понимаете, что нам с вами приходится говорить не по поводу науки. Ваши научные успехи — это все хорошо, а вот другое... Вы нехорошо себя ведете. [Молчание]. — Вот у вас изъята целая коллекция антисоветской литературы. — «Там не было ни одной строчки, где содержались бы призывы к свержению, ослаблению или подрыву советской власти». — Ну, я не силен в процессуальных тонкостях. Это следствие разберется, была ли литература антисоветской. Но у вас изъяли коллекцию нехорошей литературы. Я не занимаюсь юри-

дическими тонкостями, я по существу разговариваю с вами... Откуда такой интерес к такого рода литературе? — «Ну, я могу попробовать вам объяснить. Дело все в том, что с некоторого времени мы, ученые, утратили чувство личной безопасности. Примерно с конца 66 года. До этого времени как-то не возникало страха. И ощущение страха заставило задуматься: а почему он? Возникла необходимость разобраться в социальных причинах этого страха. Для работы в науке нужна уверенность в завтрашнем дне. Когда есть такая уверенность, тогда могут возникать узкие специалисты, которые заняты только своей наукой и нисколько не интересуются общественными отношениями... Угроза личной безопасности толкает заниматься политикой. А началось все с этих процессов (имеются в виду процессы Синявского-Даниэля и Гинзбурга-Галанскова). В них самое главное то, как они проходили. Нарушение процедурных правил, оно и приковало внимание к ним и разбудило общественное мнение...» — Чего вы хотите? Если вы думаете, что когда-нибудь мы позволим говорить и писать обо всем, что кому вздумается, то этого никогда не будет. Этого мы не допустим... Меняйте идеологию. Конечно, у нас недостаточно сил, чтобы заставить всех людей думать одинаково, но у нас пока еще достаточно сил, чтобы не дать людям совершать поступки, которые нам будут вредить. Никогда, никаких уступок в идеологическом вопросе не будет! Запомните это раз и навсегда. Я могу вам по пальцам перечислить те азбучные истины, чего нельзя нарушать. — «Перечислять не надо. Я хотел бы только, чтобы вы имели в виду также, что я, по крайней мере субъективно, никогда не выступал против интересов государства. Я, может быть, ошибаюсь, но действую я ради интересов государства...» — Так и белогвардейцы говорили! Интересами государства прикрываются все. Кронштадтские мятежники тоже говорили, что они за советскую власть. Гитлер тоже говорил, что он социалист. Сейчас все говорят, что они во имя государства, социализма, за народ! Кто сейчас осмелится сказать, что он — против социализма, против прогресса?! Против советской власти?! Но мы никому не позволим нам мешать! Никому не позволим нам вредить! Вы это имейте в виду и пересмотрите ваше

мировоззрение! Я, конечно, понимаю, что одной беседы недостаточно, но, по крайней мере, советую вам глубоко продумать свое поведение. — «Я вас понял . . .»

Дальнейшие допросы по «обнинскому делу» стал вести следователь Ленинградской прокуратуры Поруков Г. Н. Уже с первых допросов стало ясно, что Зиновьева сообщает следователю имена и называет «самиздатовские» произведения, не изъятые при обысках. В мае В. И. Зиновьева была освобождена из-под стражи до суда и в одной из бесед объяснила мотивы своего поведения на следствии: основным ее желанием было выгородить Н. Н. Ивановского, которого «взяли с литературой» (Ивановский был задержан 18 апреля утром на квартире И. С. Вербловской в Ленинграде). Отвечая на упрек, что при этом она оклеветала Р. Пименова, приписав ему передачу ей того, что она на самом деле от него не получала, В. И. Зиновьева сказала: «Ему-то ничего не будет: за него вступятся академики! А я вот просидела, меня целых 4 дня держали на хлебе и воде». Причина показаний Зиновьевой против Б. Б. Вайля, которые с точностью до названий совпадают с ее показаниями против Пименова, не известна. В ходе следствия у свидетеля Р. И. Пименова были 2 очные ставки со свидетелями Н. Г. Пугач, аспиранткой Ленинградского сельскохозяйственного института, и И. М. Старцевым, которого один раз Н. Пугач приводила в дом Пименова, утверждая, что он снабжал Пугач «самиздатовской» литературой.

В 20-х числах июля Р. Пименов был вызван на допрос и задержан без предъявления обвинения. Б. Б. Вайль, после многочисленных допросов в Курске, был вызван в Ленинградскую прокуратуру, и после очной ставки с Зиновьевой ему было предъявлено обвинение по ст. 190¹. Допрошена была и жена Вайля. Пименову теперь также предъявлено обвинение по ст. 190¹ УК РСФСР . . . Обвинительное заключение подтверждено прокурором Ленинграда Соловьевым.

Р. И. Пименову, сотруднику Ленинградского отделения Математического института им. Стеклова АН СССР . . . предъявлено обвинение в том, что он на протяжении 1957—70 гг. совершал деяния, предусмотренные ст. 190¹ УК РСФСР, в частности, в устной форме излагал

Зиновьевой заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, участвовал в распространении написанного им текста «По поводу речи Хрущева» (имеется в виду речь, произнесенная Хрущевым на закрытом заседании XX съезда КПСС), а также произведений: Джиласа «Русская революция вырождается в империализм», В. Комарова «Сентябрь 1969 г.», Н. Александрова «Наша короткая память», «Хроники текущих событий» № 5, обращения «К мировой общественности» Л. Богораз и П. Литвинова и чехословацкого документа «2.000 слов».

Борису Борисовичу Вайлю, артисту Курского областного театра кукол, предъявлено обвинение в распространении текста «По поводу речи Хрущева» и работы Джиласа «Русская революция вырождается в империализм».

В. И. Зиновьева, лаборантка физико-энергетического института в г. Обнинске, обвиняется в помощи действиям Пименова.

Со дня задержания — 22 июля — и до суда Пименов находился под арестом, у Вайля и Зиновьевой были взяты подписи о невыезде. В начале октября 1970 г. дело было передано в Калужский областной суд (по месту жительства Зиновьевой). *Группа научных работников (академик А. Д. Сахаров, В. Н. Чалидзе и др.) направила в Калужский областной суд заявление, в котором, в частности, говорилось: Мы намерены присутствовать на суде, мы хотим увидеть и услышать, как вершится правосудие в таких существенных вопросах, как свобода убеждений и обмен информацией. Однако мы не уверены, что принцип гласности судопроизводства не будет фактически нарушен, и потому ходатайствуем о предоставлении нам возможности присутствовать на суде.*

Суд был назначен на 14 октября. В этот день к зданию Калужского суда прибыло около 20 коллег и друзей Пименова и Вайля; в зал был допущен только академик А. Д. Сахаров. Судебное заседание было отложено по просьбе Б. Вайля, адвокат которого был в это время занят в другом процессе. 20 октября 1970 г. судебное рассмотрение возобновилось и продолжалось до 22 октября. Председательствовал председатель Калужского областного суда А. И. Сидорков. Защитник Р. И. Пименова — С. А. Хейфиц, Б. Б. Вайля — Абушахмин.

Подсудимые Пименов и Вайль виновными себя не признали. Зиновьева свою вину признала. В ходе судебного следствия, в частности, выяснилось, что 16 апреля 1970 г., при проведении аварийных работ в общежитии, в комнате Зиновьевой были обнаружены машинописные материалы, которые на взгляд работников аварийной бригады являются криминальными, о чем был составлен акт, подписанный в том числе начальником ЖСУ Макеевым. Макеев, вызванный свидетелем по ходатайству Вайля, показал, что акт был подписан им со слов его сотрудников — уборщицы и слесаря. Адвокат Вайля Абушахмин выразил сомнение в том, что эти сотрудники обладали достаточной эрудицией, чтобы установить криминальность материалов, изъятых по их инициативе. Суд оставил не исследованным это обстоятельство.

Зиновьева показала, что изъятые у нее материалы были переданы ей Пименовым, а также то, что на протяжении 3 лет Пименов систематически в беседах с ней высказывал измышления, порочащие советский общественный строй, передавал ей для размножения и распространения клеветнические тексты, которые она перепечатывала и распространяла среди ряда лиц, в том числе передавала Вайлю. Зиновьева показала также, что по поручению Вайля она отправила в Новосибирск некоторые материалы лицу, имя которого предварительным следствием и, несмотря на ходатайства адвоката, также и судебным следователем не установлено.

Свидетель Э. Орловский (математик, г. Ленинград) показал на суде, что инкриминируемый Пименову текст «2.000 слов» распространялся в СССР конторой «Союзпечать», как опубликованный в чешских газетах, поступивших по подписке. Орловский показал также, что накануне он получил из фондов Ленинской библиотеки подшивку газет с текстом «2.000 слов». В результате свидетельских показаний Орловского этот эпизод был исключен из обвинения.

Прокурор в своей речи резко критиковал интерес некоторых граждан к негативным сторонам советской жизни, что толкает их на путь распространения клеветнических измышлений, порочащих советский строй. Прокурор счел вину... доказанной и просил суд наказать подсудимых в пределах, предусмотренных законом. Ад-

вокат С. А. Хейфиц выразил сожаление, что такой видный ученый, как его подзащитный Р. И. Пименов, интересуется литературой, которая распространяется среди граждан в машинописном виде. Однако он счел факт распространения недоказанным. Защитник зачитал присланные в суд отзывы ведущих советских ученых о научной деятельности Пименова. Адвокат просил суд признать Пименова невиновным, а если суд придет к иному решению, то, учитывая заслуги Пименова, ограничиться мягким наказанием. Адвокат Абушахмин подробно остановился на противоречиях в показаниях свидетелей относительно эпизодов, инкриминируемых Вайлю, обратив внимание суда на то, что Вайль фактически обвиняется в передаче текстов неизвестному лицу. Ссылаясь на характеристики Вайля с места работы и отзывы свидетелей, адвокат обратил внимание на личные достоинства Вайля. Адвокат просил оправдать Вайля. Адвокат Зиновьевой в первой части своей речи повторил в более резкой форме обвинение прокурора и осудил, как он выразился, «петухов, роющихся в навозной куче и надеющихся найти там жемчужное зерно». Учитывая раскаяние Зиновьевой и ее помощь следствию, адвокат просил осудить Зиновьеву условно.

Пименов в своем последнем слове, длившемся три с половиной часа, подверг подробному анализу весь ход судебного следствия и высказал мнение об отсутствии доказательств у обвинения. Пименов подчеркнул важность обмена информацией и «самиздатовской» литературы. Пименов подтвердил непризнание своей вины.

Зиновьева в последнем слове говорила о своем бедственном семейном положении и просила суд о снисхождении.

Суд приговорил Пименова и Вайля к 5 годам ссылки, Зиновьеву — к 1 году лишения свободы условно. Борис Вайль был взят под стражу в зале суда.

СУД НАД АНДРЕЕМ АМАЛЬРИКОМ И ЛЬВОМ УБОЖКО

21 мая 1970 г. в деревне Акулово Рязанской обл. был арестован Андрей Алексеевич Амальрик. Утром, в 11 часов, появились 4 машины, заполненные, примерно, 20 сотрудниками КГБ и прокуратуры Москвы и Свердловска. Амальрику было предъявлено обвинение в распространении на Урале «литературы, содержащей клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй» (ст. 190¹ УК РСФСР).

А. Амальрик родился в 1933 г. в Москве в семье ныне покойного известного историка и археолога. Учился 2 года на историческом факультете МГУ, откуда был исключен за работу о возникновении русского государства, сочиненную не вполне марксистской (Амальрик — сторонник так называемой «норманнской теории» происхождения Киевской Руси). Им написано 5 пьес («Востоко-Запад», «Конформист ли дядя Джек?», «Моя тетя живет в Волоколамске» и др.), послуживших поводом в 1964 г. для заключения автора в тюрьму по обвинению в порнографии. Дело было закрыто из-за отсутствия состава преступления. Амальрик был выпущен, но на другой день было открыто новое дело, и он был в административном порядке выслан на два с половиной года как тунеядец, хотя у него была внештатная работа. Впоследствии Верховный суд РСФСР отменил приговор, и Амальрик после полутора лет ссылки был возвращен в Москву. Ссылка дала ему материал для книги «Нежеланное путешествие в Сибирь», которая... издана в ряде стран Запада. Большую известность принесла Амальрику его работа «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», переведенная на многие языки. В последние месяцы перед арестом Амальрик написал «Открытое письмо Анатолию Кузнецову», статью об иностранных

корреспондентах в Москве и письмо в журнал «Шпигель» — «Почему я не агент КГБ». Спустя 5 дней после ареста, 26 мая, Амальрика отправили в Свердловск, наверное, для того, чтобы избежать шумного протеста в Москве... Дело Амальрика [вел] следователь Свердловской горпрокуратуры И. А. Киринкин. 12 июня жена Амальрика Гюзель Макудинова обратилась с заявлениями в прокуратуру СССР. В одном — на имя генерального прокурора Руденко, — она просит передать расследование дела ее мужа органам прокуратуры г. Москвы, поскольку Амальрик в Свердловске никогда не был, следовательно, он не мог совершить преступление в этом городе, и у него нет там ни одного знакомого, и потому большинство свидетелей по его делу не может проживать в Свердловске (ст. 132 УПК РСФСР). В другом заявлении-жалобе, на имя зам. генерального прокурора Малярова, Г. Макудинова указывает на недопустимо грубую форму ведения допроса следователем Киринкиным. Он угрожал ей, свидетельнице Макудиновой, «в случае отказа отвечать определенным образом на вопросы», лишить ее мужа передач и возбудить против нее уголовное дело по ст. 190¹ УК РСФСР.

22 мая А. Вольпин-Есенин, В. Буковский, Г. Подъяпольский, П. Якир, Ю. Вишневская, В. Лапин, И. Белгородская обратились к правительству Советского Союза и в Организацию Объединенных Наций с призывом: свободу Андрею Амальрику! Они возмущены арестом Амальрика, «так как невозможно предположить, что он вызван какой-либо другой причиной, кроме сочинения им брошюры „Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.?'», и доказывают, что «при справедливом и тщательном рассмотрении дела Амальрик должен быть оправдан любым судом». В конце июня в газете «Монд» [было помещено объявление 64 французских историков, обратившихся] со следующим письмом к Президенту Академии Наук СССР Келдышу: «С большой озабоченностью мы узнали об аресте нашего молодого коллеги... Мы полагаем, что Вы, будучи коллегой Андрея Амальрика, проявите заинтересованность, следя за соблюдением законности в судебном следствии... Очевидно, что подготовка 23-го международного съезда представителей исторических наук... мало совместима с фактом, что

советский историк подвергается преследованиям за результаты своего добросовестного исследования...» Среди подписавшихся: Жан-Поль Арон, Александр Бениксен, Франсуа Крузе, Жорж Фридман, Жорж Люсьяни, Робер Мондру, Анри Ирэней Мару, Пьер Нора, Пьер Сорлен, Жан-Пьер Вернан, Пьер Видальяке, Элен Замайска.

Жена Амальрика Гюзель Макудинова обратилась к общественности, прося всех тех, «кому дорого право человека свободно высказывать свои взгляды, право жить с поднятой головой», — заступиться за Амальрика.

С «Обращением к интеллигенции» выступил В. Н. Чалидзе:

Тысячи газет и пропагандисты неустанно твердят: «Советский Союз вечен и нерушим». И вдруг задумчивый человек негромко спрашивает: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Вопрос, конечно, невежливый, но если при этом обсуждается, почему может и не просуществовать, то следует считать эту невежливость дружеской услугой и обдумать с пользой для себя приведенные доводы. Проще всего разозлиться — это зависит от культуры слушателя. Полагаю, воспитание культуры людей — задача именно интеллигенции. В частности, это означает учить людей (и правителей) не бояться слова, а если уж со словом придется бороться, то пусть словом же, а не сроком. Но Амальрик арестован, ждет суда и срока. Он не будет оправдываться перед судом, не будет спорить с обвинением, не попросит о снисхождении; он просто уверен в своем праве задавать и обсуждать любые вопросы... Ясность мысли и внутренняя свобода обуславливают твердость духа; и он готов нести крест свой, как те лучшие люди России, что из века в век страдали за убеждения. Я призываю заступиться за него, кто как может, кто как отважится. Пусть гласно, пусть хотя бы в душе своей. Заступиться независимо от согласия с его взглядами. Заступиться за слово. 25 октября 1970 г.

Судебный процесс над Андреем Амальриком, инженером-физиком, и Львом Григорьевичем Убожко проходил в Свердловске 11—12 ноября 1970 г. Судья — А. Шалаев,

народные заседатели — Коробейникова и Орлов. Адвокаты — В. Швейский (защитник А. Амальрика) и Хардин (защитник Л. Убожко). Обвинитель — прокурор Зырянов. Обвинение по ст. 190¹ УК РСФСР. Из родственников и друзей обвиняемых на первое заседание была допущена только мать Л. Убожко. Амальрику инкриминировались авторство и распространение произведений: «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», «Нежеланное путешествие в Сибирь», «Письмо А. Кузнецову», «Русская живопись за последние 10 лет» и интервью, данное им иностранным корреспондентам. Амальрик отказался участвовать в судебном разбирательстве и подал на имя председателя суда записку:

Ответ на вопрос, признаю ли я себя виновным

Предъявленные мне обвинения касаются распространения мною устно и печатно взглядов, которые именуются здесь ложными и клеветническими. Ни данное мною интервью, ни мои статьи и книги я клеветническими не считаю. Я думаю также, что истинность или ложность всяких публично высказанных взглядов может выясняться свободным и открытым обсуждением, но не судебным следствием. Никакой уголовный суд не имеет морального права судить кого-либо за высказанные им взгляды. Противопоставление идеям — все равно, истинны они или ложны — судебного уголовного наказания само по себе кажется мне преступлением. Эта точка зрения не только естественна для каждого, кто имеет свои взгляды и нуждается в творческой свободе, она также находит свое правовое выражение как в Конституции СССР (ст. 125), так и во Всеобщей Декларации прав человека, которую обещали проводить в жизнь все подписавшие ее страны. Таким образом, как человек, которому необходима творческая свобода, и как гражданин страны, подписавшей Всеобщую Декларацию прав человека, я считаю, что этот суд не вправе судить меня, поэтому я не буду входить с судом ни в какое обсуждение моих взглядов, не буду давать никаких показаний и не буду отвечать ни на какие вопросы суда. Я не признаю себя виновным в распространении «лжи и клеветнических измышлений» и не буду доказывать... свою невинность, поскольку сам принцип свободы слова ис-

ключает вопрос о моей вине. Если в ходе процесса я захочу что-либо еще добавить к сказанному, я воспользуюсь предоставленным мне правом последнего слова.

По делу Амальрика свидетельствовали двое: его жена Гюзель Макудинова и сотрудник таможни Шереметьевского аэропорта. Макудинова заявила, что уголовное преследование ее мужа за его произведения и интервью считает незаконным. Таможенник подтвердил факт изъятия у иностранного корреспондента магнитофонной пленки с записью интервью, данного Амальриком, и кинопленки, на которой интервью было снято. На суде была заслушана часть магнитофонной записи.

Дело против Л. Убожко было возбуждено по заявлению в органы ГБ супругов Устиновых (муж — лит. сотрудник газеты «Вечерний Свердловск», жена — геолог) и врача Ходакова. На основании их свидетельских показаний Л. Убожко инкриминировалось распространение документов: 5 и 6 выпуски «Хроники текущих событий», статья «Надеяться или действовать», брошюра академика Сахарова А. Д. . . . письмо А. Амальрика писателю А. Кузнецову и роман А. Солженицына «В круге первом». Три другие свидетеля подтвердили, что получили от Л. Убожко «самиздатскую» литературу. Начальник Убожко по работе ограничился в своих показаниях отрицательной служебной характеристикой. Прокурор в отношении обвиняемого Льва Убожко повторил пункты обвинительного заключения и сослался на показания свидетелей.

Касаясь инкриминируемых А. Амальрику произведений, государственный обвинитель стремился доказать их клеветнический характер, ссылаясь на успехи нашей страны, признанные даже за рубежом. . . . Прокурор потребовал для обвиняемых трехлетней изоляции в ИТЛ общего режима.

Адвокат Хардин в своей речи стремился обратить внимание суда на психическую неуравновешенность Л. Убожко, на его почти патологическое стремление к справедливости, хотя и не ставил под сомнение вменяемость Убожко, подтвержденную психиатрической экспертизой. Косвенно признавая виновность своего подзащитного,

адвокат просил суд учесть сложные и трудные обстоятельства личной и общественной жизни Л. Убожко... просил считать для Убожко достаточным наказанием срок предварительного заключения (9 месяцев). Адвокат В. Швейский доказывал отсутствие заведомой лжи в произведениях Амальрика и просил у суда оправдательного приговора за отсутствием состава преступления.

В своем последнем слове, продолжавшемся 2½ часа, Л. Убожко подробно рассказал о трудностях и сложностях своей жизни.

Последнее слово А. Амальрика: Судебные преследования людей за высказывания или взгляды напоминают мне средневековые с его «процессами ведьм» и индексами запрещенных книг. Но если средневековую борьбу с еретическими идеями можно было отчасти объяснить религиозным фанатизмом, то все происходящее сейчас — только трусостью режима, который усматривает опасность в распространении всякой мысли, всякой идеи, чуждой бюрократическим верхам. Эти люди понимают, что поначалу развалу любого режима всегда предшествует его идеологическая капитуляция. Но, разглагольствуя об идеологической борьбе, они в действительности могут противопоставить идеям только угрозу уголовного преследования. Сознывая свою идейную беспомощность, в страхе цепляются за уголовный кодекс, тюрьмы, лагеря, психиатрические больницы. Именно страх перед высказанными мною мыслями, перед теми фактами, которые я привожу в своих книгах, заставляет этих людей сажать меня на скамью подсудимых как уголовного преступника. Этот страх доходит до того, что меня даже побоялись судить в Москве и привезли сюда, рассчитывая, что здесь суд надо мной привлечет меньше внимания. Но все эти проявления страха как раз лучше всего доказывают силу и правоту моих взглядов. Мои книги не станут хуже от тех бранных эпитетов, какими их здесь наградили. Высказанные мною взгляды не станут менее верными, если я буду заключен за них на несколько лет в тюрьму. Напротив, это может придать моим убеждениям только большую силу. Уловка, что судят не за убеждения, а за их распространение, представляется мне пустой софистикой, поскольку убеждения, кото-

рые ни в чем себя не проявляют, не есть настоящие убеждения. Как я уже сказал, я не буду входить здесь в обсуждение своих взглядов, поскольку суд не место для этого. Я хочу только ответить на утверждение, что некоторые мои высказывания, якобы, направлены против моего народа и моей страны. Мне кажется, что сейчас главная задача моей страны — это сбросить с себя груз тяжелого прошлого, для чего ей необходима прежде всего критика, а не славословие. Я думаю, что я лучший патриот, чем те, кто, громко разглагольствуя о любви к родине, подразумевает любовь к своим привилегиям. Ни проводимая режимом «охота за ведьмами», ни ее частный пример — этот суд — не вызывают у меня ни малейшего уважения, ни даже страха. Я понимаю, впрочем, что подобные суды рассчитаны на то, чтобы запугать многих, и многие будут запуганы, — и все же я думаю, что начавшийся процесс идейного раскрепощения необратим. Никаких просьб к суду у меня нет.

Суд приговорил А. Амальрика к 3 годам ИТЛ усиленного режима, Л. Убожко к 3 годам ИТЛ общего режима.

ДЕЛО ВАЛЕНТИНА МОРОЗА

1 июня 1970 г. у себя в доме в Ивано-Франковске, УССР, был арестован Валентин Мороз.

Валентин Яковлевич Мороз родился 15 апреля 1936 г. в селе Холоново Гороховского района Волынской области в крестьянской семье. По окончании средней школы поступил на исторический факультет Львовского университета. Активный участник научного исторического кружка, часто выступал с научными докладами. Закончив в 1958 г. университет, работал в своем Гороховском районе на Волыни завучем средней школы, учителем истории и географии в школе рабочей молодежи. Выступал с докладами на педагогических конференциях в Луцке, с лекциями на исторические темы — в селах района. С 3 февраля 1964 г. преподавал новую историю в Луцком педагогическом институте им. Леси Украинки, а с сентября 1964 — новейшую историю в Ивано-Франковском педагогическом институте. Самостоятельно, работая в селе, подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Луцкий процесс 1934 года — пример революционного содружества польского и украинского народа в общей борьбе против фашистского режима панской Польши». Не защитил диссертации из-за ареста. Женат. Имеет пятилетнего сына. Арестован в конце августа 1965 г. Осужден в августе 1966 г. Волынским областным судом на 5 лет лагерей строгого режима по обвинению в антисоветской пропаганде и агитации. Отбывал срок в Мордовских политических лагерях. В декабре 1966 г., вместе с М. Горинем, М. Масютко и Л. Лукьяненко осужден на 6 месяцев лагерной тюрьмы.

[Вновь арестован 1 июня 1970 г.]. Обвинение было предъявлено по ст. 62 УК УССР (соответств. ст. 70 УК РСФСР). Следствие велось сотрудниками Управления КГБ по Ивано-Франковской области под руководством

майора Баранова и капитана Пригорницкого. Баранов известен с 1949 г., когда он вел следствие по делам несовершеннолетних (Золочевский район Львовской области) и студентов Львовского политехнического института (создание националистической организации), приговоренных к 25-летним срокам заключения. Он же в 1965 г. вел дело Панаса Заливахи (ст. 62 УК УССР), освободившегося в 1970 г. после 5 лет лагерей и проживающего сейчас в Ивано-Франковске.

В течение мая 1970 г. В. Мороз находился в с. Космач (Карпаты). Здесь, когда он записывал на магнитофон церковную службу, его пытались задержать, но местные жители помешали этому.

В связи с арестом В. Мороза были произведены обыски: в Космаче у священника Романюка (изъяты церковные книги), у В. Черновола во Львове и еще у пятерых. Около 30 человек были допрошены как свидетели.

В. Морозу были инкриминированы авторство и распространение произведений «Детан и Моисей», «Среди снегов», «Хроника сопротивления», «Я видел Магомета» и опять-таки «Репортаж из заповедника имени Берия». О «Репортаже» следствие уже велось в 1968—1969 гг. (Мороз находился тогда в Мордовском лагере) и было прекращено за недоказанностью авторства.

Дело Мороза слушалось при закрытых дверях 17—18 ноября 1970 г. в Ивано-Франковском областном суде. Обвинитель — помощник прокурора области Городько, защитник — Э. И. Коган (Москва). За несколько дней до суда 12 львовских жителей просили председателя суда допустить их на процесс. Через два дня многих из них предупредили по месту работы, что, в случае их поездки, они будут уволены. П. Заливахе в милиции напомнили, что он находится под надзором, и запретили являться в суд. Тем не менее, на процесс приехали люди из разных городов. В зал заседания они допущены не были.

В суд в качестве свидетелей были вызваны И. Дзюба (Киев), Б. Д. Антоненко-Давидович (Киев), В. Черновол (Львов) и Бобляк (Косов), который с Морозом знаком прежде не был. Свидетели и подсудимый отказались давать показания закрытому суду, считая его незакон-

ным. Антоненко-Давидович заявил, ссылаясь на работы Ленина, что данный суд антисоветский. Он добавил, что сам был дважды судим закрытым судом, и что оба приговора были впоследствии отменены Верховным Советом, как незаконные, и что он, Антоненко-Давидович, не хочет участвовать в деле, за которое впоследствии может быть осужден. Свидетели Дзюба, Черновол и Антоненко-Давидович заявили, что будут давать показания только на открытом суде, если таковой состоится. Суд постановил, несмотря на протест адвоката, огласить показания, данные свидетелями на предварительном следствии. На предварительном следствии писатель Б. Д. Антоненко-Давидович показал, что обнаруженный у него черновик статьи Мороза доказывает лишь обращение к старшему по возрасту писателю за консультацией, но не распространение инкриминируемых материалов. Наличие у Дзюбы статьи «Среди снегов» также не доказывает ее распространения, так как она была ему адресована. Дзюбой было также оговорено, что «Среди снегов» является частным делом двоих — автора и адресата («Среди снегов» была написана по поводу выступлений Дзюбы в газете «Литературная Украина» 5 декабря 1969 г.).

Прокурор потребовал для Мороза 10 лет тюрьмы и 5 лет лагерей. Адвокат просил суд переквалифицировать обвинение по ст. 187¹ УК УССР (соотв. ст. 190¹ УК РСФСР). Суд приговорил Валентина Мороза к 9 годам заключения (из них 6 лет тюрьмы и 3 года лагерей особого режима) и к 5 годам ссылки, признав Мороза рецидивистом.

В зале при чтении приговора присутствовали секретарь парторганизации, руководители местных учреждений и сотрудники КГБ; из всех близких и знакомых подсудимого были допущены только жена и отец. Свидетели обратились в кассационную инстанцию с заявлением протеста.

В своем заявлении Министру юстиции УССР т. Зайчуку и Прокурору УССР т. Глухову Б. Антоненко-Давидович, И. Дзюба и В. Черновол (19 ноября 1970 г.) писали, что суд «без всяких юридических оснований, в нарушение Конституции СССР, Конституции УССР и Уголовно-процессуального кодекса УССР» был закры-

тым. Свидетелям было заранее гарантировано «присутствие на оглашении приговора, в котором фигурируют и их имена». «Однако, несмотря на их неоднократные требования, они на оглашение приговора не были допущены, хотя при этом оглашении присутствовало немало лиц», про которых можно сказать, что их присутствие на суде ничем не оправдано. Свидетели «заявляют свой категорический протест против незаконных действий Ивано-Франковского областного суда» и «оставляют за собою право обратиться в кассационную инстанцию . . . с обоснованной жалобой на незаконность закрытого суда над Морозом и — в связи с этим — незаконность приговора». Подобное же заявление Верховному Суду УССР подала Ольга Горинь (Львов). 29 ноября 1970 г., в своем протесте, адресованном Верховному Суду УССР, Ирина Стасив-Калинец и Игорь Калинец писали, что «история знает немало бесчеловечных приговоров лучшим представителям своей эпохи . . . Какое право имеем мы молчать в наш гуманный XX век, остерегаться и не высказываться, когда выползают на свет нечеловеческие истязания?» . . . «Валентин Мороз не нарушал установленных законов. Но как человек он имеет право человека — мыслить. Вы не вершителю всех человеческих судеб и на вас нет черных ряс. Но в ваших руках сегодня судьба человека. И ваша тоже. Ибо история не умеет забывать. И, чтобы потомки ваши не бежали от имени вашего, горя от стыда, вспомните библейскую мудрость: „Не судите, да не судимы будете“». В Верховный Суд УССР писала и Оксана Яковлевна Мешко (Киев): протестуя против закрытого суда над Морозом и приговора, О. Я. Мешко пишет, что если бы Мороз «был человеком недостойным, его можно было бы осудить с освещением процесса в прессе, и это нашло бы всеобщее одобрение. В мои годы и с моим опытом (несправедливо осуждена в период культа Сталина на 10 лет лагерей, затем реабилитирована) могу сказать, что на подобных процессах на человека взваливают чужую вину». Протест написан (11 декабря 1970 г.) и В. Драбатой (Киев): «В наше время, когда под давлением демократических сил во всем мире ширятся гуманистические тенденции, чрезмерная суровость наказаний людей, взгляды которых в силу тех или иных причин не совпадают с официальными,

может только вызвать гнетущее впечатление, как у своих граждан, так и у зарубежных друзей». В протесте на имя Верховного Суда УССР Стефании Гулик (Львов) говорится, что она, «вместе с группой лиц из Львова, Ивано-Франковска, Киева, Москвы, была свидетельницей беспрецедентной по жестокости и цинизму судебной расправы над историком и публицистом Морозом Валентином Яковлевичем, каковая расправа увенчалась 14-годичным сроком осуждения...» Священник с. Космач Коссовского района Ивано-Франковской области о. Василий Романюк обращается в Верховный Суд СССР (27 ноября 1970) с заявлением, в котором пишет о незаконности закрытого суда, обращается к суду во имя человечности и справедливости не умыть руки, как Понтий Пилат, «высшая инстанция в римской провинции Иудее». Немало еще людей послали в Верховный Суд СССР свои протесты против суда и приговора В. Морозу.

ДЕЛО ПЕТРА ЕГИДЕСА

22 марта 1970 г. в Ростове-на-Дону был арестован Петр Маркович Егидес, 1917 г. р., член КПСС, кандидат философских наук. С 16 лет работал учителем в деревне, добровольцем ушел на фронт. После войны 6 или 7 лет провел в лагерях МВД, после реабилитации — 6 лет работал в колхозе, из них 3 года — председателем (избирался вопреки воле райкома партии). До конца 1969 г. преподавал в Ростовском университете. Затем уволился в связи с переездом в Москву. Был арестован в Москве по постановлению Ростовской прокуратуры и отправлен в Ростов. Были произведены обыски: у Егидеса и его сына — в Москве; по бывшему месту жительства — в Ростове. Жене П. М. Егидеса, Тамаре Васильевне Самсоновой, сообщено, что дело возбуждено по ст. 190¹ УК РСФСР. Предполагается, что Егидес арестован за ряд писем, которые он направил в центральные органы по поводу настоящего положения в СССР. Егидес — известный философ-марксист, автор ряда философских работ, опубликованных как отдельными книгами, так и в философских журналах и сборниках. 7—8 декабря 1970 г. в Ростовском областном суде слушалось дело Егидеса. Председательствовал на суде — Алексеев, обвинение поддерживал — Заикин, защищал Егидеса — Сарри. Самого Егидеса на суде не было — экспертиза Института им. Сербского признала его невменяемым. В качестве свидетелей на суде были допрошены В. Е. Давидович (профессор, зам. секретаря партийной организации Ростовского университета), проф. Кивенко и доцент того же университета А. В. Потемкин, Л. Н. Дьямант. Потемкин показал, что в 1969 г. он явился к Давидовичу и сообщил ему, что у Егидеса есть проекты устава КПСС и конституции. Давидович же обратился в КГБ. Там ему ответили, что сами займутся этим делом. Суд установил,

что Егидес изготовлял свои рукописи в Ленинградской области и в Ростове (на квартире Дяманта). В начале января 1970 г. Дяманта задержала милиция, произвела обыск и изъяла чемодан с рукописями Егидеса (среди них — уставы). Свидетель Кивенко охарактеризовал моральный облик Егидеса. Эксперт Ландау (Институт им. Сербского) показал, что Егидес является психопатической личностью с черепно-мозговой травмой и артериосклерозом, что правонарушение было совершено Егидесом в «состоянии паранояльной реакции, с охваченностью бредовыми идеями величия и реформаторства» . . . В настоящий момент, заключила экспертиза, выход из реакции неполный, в связи с чем Егидес нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице общего типа. Судом было признано, что рукописи: «К основным направлениям социализма» и «Единственный выход» — содержат клеветнические измышления. Суд также признал Егидеса невменяемым и вынес определение о помещении Егидеса в психиатрическую больницу общего типа для принудительного лечения. Егидес был помещен в отделение для беспокойных больницы им. Кащенко.

Тамара Васильевна Самсонова, преподавательница философского факультета Московского университета, жена Егидеса, уволена с работы.

ДЕЛО РЕЙЗЫ ПАЛАТНИК

1 декабря 1970 г. в Одессе арестована Рейзя Палатник, 1937 г. рожд., по обвинению в распространении измышлений клеветнического характера, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 187¹ УК УССР, соотв. ст. 190¹ УК РСФСР). Р. Палатник после окончания заочного отделения Московского библиотечного института работала в Одессе библиотекарем. В последнее время она пыталась найти своих родственников в Израиле, мечтая уехать туда, и этим обратила на себя внимание органов КГБ. 14 октября у нее был произведен обыск под предлогом розыска ворованного имущества школы № 53, к которой она не имела никакого отношения. При этом были изъяты: пишущая машинка, стихи Коржавина, Окуджавы, Галича, Мандельштама, Ахматовой и других поэтов. Изъятые материалы были квалифицированы начальником КГБ г. Одессы Кувержиным как «нелегальная литература». После многочисленных вызовов в КГБ, где Р. Палатник допрашивали о ее знакомых, 1 декабря она была арестована. После ареста в ее присутствии был произведен второй обыск, с целью обнаружения «клеветнических, антисоветских и др. документов, имеющих отношение к делу». При обыске были, в частности, изъяты: произведения Давида Бергельсона, журналы «Новый Мир» и «Москва», И. Сталин «Экономические проблемы социализма в СССР», аттестат зрелости Р. Палатник, пачка чистой бумаги.

В письме, написанном незадолго до ареста, Рейзя описывает ведение следствия органами КГБ: «Вызывают на допросы моих родственников, друзей, сослуживцев, запугивают их и требуют подтверждения измышлений о моей антисоветской деятельности... Я жду ареста, и когда это случится, я выступлю на суде против тех,

кто подавляет самое естественное и святое человеческое желание: жить на своей родине».

23 июня 1971 г. в Одессе начался процесс... Рейзы Палатник, обвиняемой в «замысле оклеветать Советский Союз». Подсудимая вскрыла истинную сущность этого обвинения, заявив на суде, что под клеветой подразумевается «ее желание эмигрировать в Израиль». Советская печать и радио умалчивают об одесском процессе, и все сведения о происходящем на суде черпаются из частных источников. Прокурор заявил, что при обыске у подсудимой были найдены копии петиций советских евреев с протестами против официальной политики запрещения эмиграции. Палатник была намерена распространять эти петиции, заявил прокурор. Подсудимая ответила, что, будучи заведующей библиотекой, она по профессиональным соображениям часто имела дело с материалом, не предназначенным для общей публики.

Согласно уголовному кодексу УССР, считается наказуемым преступлением высказывание замечаний или распространение чужих замечаний, которые признаются властями клеветой на Советский Союз. Виновные могут быть приговорены к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком до 3 лет. По советским законам, планирование преступного акта само по себе считается преступлением.

25 июня 1971 г. Одесский окружной суд вынес приговор по делу Рейзы Палатник, обвинявшейся в антисоветской пропаганде, связанной с ее желанием добиться разрешения на выезд в Израиль.

Суд приговорил Палатник к 2 годам исправительно-трудового лагеря за «планирование распространения антисоветского материала».

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
РЯДА ДРУГИХ ПРОЦЕССОВ

(часть вторая)

Арестован 28 августа 1965 г. и осужден при закрытых дверях Киевским областным судом 9—11 марта 1966 г. по ст. 62¹ УК УССР на 5 лет лагерей строгого режима студент 4 курса стоматологического факультета Киевского медицинского института **Ярослав Богданович Геврич**, 1937 г. рожд.

*

Арестован 4 сентября 1965 г. и осужден 23 марта 1966 г. Львовским областным судом по ст. ст. 62¹ и 64 УК УССР на 6 лет лагерей строгого режима учитель **Михаил Саввич Масютко**, 1918 г. рожд. В 1937 г. он уже был арестован по доносу и был осужден на 5 лет лагерей. Отбывал наказание на Колыме. В 1940 г. был реабилитирован.

*

Арестован 24 августа 1965 г. и осужден 24—25 марта 1966 г. Львовским областным судом по ст. ст. 62¹ и 64 УК УССР на 3 года лагерей строгого режима слесарь-студент вечернего отделения исторического факультета Львовского университета **Иван Андреевич Гель**, 1937 г. рожд.

*

Арестована 26 августа 1965 г. и осуждена 25 марта 1966 г. Киевским областным судом по ст. 62 УК УССР на 4 года лагерей строгого режима химик-лаборантка химического факультета Киевского университета **Евгения Федоровна Кузнецова**, 1913 г. рожд.

*

Арестован 28 августа 1965 г., осужден 25 марта 1966 г. Киевским областным судом по ст. 62 УК УССР на 3 года лагерей строгого режима геофизик, старший инженер Киевского научно-исследовательского геологоразведоч-

ного института **Александр Иванович Мартыненко**, 1935 года рожд.

*

Арестован в августе 1965 г. в Ивано-Франковске и осужден в марте 1966 г. по ст. 62 УК УССР на 5 лет лагерей строгого режима художник **Афанасий Иванович Заливаха**, 1925 г. рожд.

*

Арестован в марте 1965 г. за участие в Украинском национальном фронте и осужден в Ивано-Франковске выездной сессией Верховного суда УССР по ст. ст. 62 и 64 УК УССР 18 апреля 1966 г. на 6 лет лагерей строгого режима преподаватель украинской литературы и языка, логики и психологии **Михаил Николаевич Горинь**, 1930 г. рожд.

*

Арестован 26 августа 1965 г. и осужден Львовским областным судом по ст. 62 УК УССР 18 апреля 1966 г. на 4 года лагерей строгого режима искусствовед **Богдан Николаевич Горинь**, 1936 г. рожд.

*

Арестована в апреле 1966 г. за попытку перейти вместе с мужем границу **Валентина Машкова**, 1938 г. рожд. В тюрьме родила дочь. Приговорена Ленгорсудом сначала к 10 годам (прокурор просил 15 лет), после отмены приговора Верховным судом при повторном рассмотрении Ленгорсудом в том же составе — к 6 годам (прокурор просил 10).

*

Арестован 23 мая 1966 г. и осужден 7 сентября 1966 г. Житомирским областным судом по ст. 62 УК УССР на 5 лет лагерей строгого режима писатель-новеллист **Анатолий Александрович Шевчук**, 1937 г. рожд.

*

В середине 1967 г. арестован и осужден по ст. 190¹ УК РСФСР на 3 года ленинградский рабочий **Владимир Гомельский**. С применением амнистии срок был снижен на 1½ года. В вину Гомельскому вменялось критическое

письмо, адресованное XXII съезду, т. е. до введения ст. 190¹. После возвращения из лагеря Гомельского не прописывают в Ленинграде и не предоставляют ему работы...

*

Арестован в марте 1967 г. за участие в Украинском национальном фронте и осужден Львовским областным судом в сентябре 1967 г. по ст. 62¹ УК УССР на 6 лет заключения в лагерях и 5 лет ссылки экономист из г. Львова **Иван Губка**, 1939 г. рожд.

*

Арестован в марте 1967 г. за участие в Украинском национальном фронте и осужден Львовским областным судом в сентябре 1967 г. по ст. 62¹ УК УССР на 6 лет лагерей и 5 лет ссылки учитель средней школы во Львове **Григорий Прокопович**, 1928 г. рожд.

*

15 ноября 1967 г. Львовским областным судом осужден журналист, литературный критик и общественный работник, бывший комсомолец **Вячеслав Максимович Черновол** (род. в 1937 г.; женат, имеет сына). Арестован 3 августа 1967 г. за составление сборника «Лихо з розуму» — собрание материалов о репрессиях против украинской творческой интеллигенции. Осужден по ст. 187¹ УК УССР на 3 года заключения в лагерях. За 2 месяца до конца срока он был заключен в одиночную камеру Львовского УКГБ, где ему предъявили постановление зам. прокурора УССР Самаева о расследовании вновь выявленных обстоятельств по делу. Это расследование было предпринято в связи с опубликованием за границей составленного Черноволом сборника «Лихо з розуму» («Горе от ума»), вышедшего в 1967 г. на украинском, а в 1968 г. на английском языке. Хотя Черновол уже был осужден как раз за этот сборник, тем не менее ему угрожали переквалифицировать дело на ст. 62 УК УССР и добавить срок. Черновол объявил бойкот следствию как незаконному. Перед окончанием срока его заключения «расследование» было прекращено и Черновол освобожден.

*

Арестован в марте 1967 г. за участие в Украинском национальном фронте и осужден во второй половине ноября 1967 г. по ст. ст. 56 и 64 УК УССР Ивано-Франковской выездной сессией Верховного суда УССР на 5 лет заключения в лагерях и 7 лет последующей ссылки **Михаил Дмитриевич Дяк**, 1935 г. рожд.

*

Арестован 8 июля 1966 г. и осужден Ивано-Франковским областным судом в октябре 1967 г. по ст. 62¹ УК УССР за участие в Украинском национальном фронте на 5 лет заключения в лагерях шахтер Донецкой области **Николай Качур**, 1937 г. рожд. Помилован и освобожден в 1969 г.

*

Арестован в марте 1967 г. за участие в Украинском национальном фронте и осужден Ивано-Франковской выездной сессией Верховного суда УССР во второй половине ноября 1967 г. по ст. ст. 56 и 64 УК УССР на 10 лет лишения свободы в лагерях и 5 лет ссылки учитель истории, директор школы во Львове **Дмитрий Николаевич Квецько**, 1937 г. рожд.

*

Арестован в марте 1967 г. за участие в Украинском национальном фронте и осужден в Ивано-Франковске выездной сессией Верховного суда УССР во второй половине ноября 1967 г. по ст. ст. 56 и 57 УК УССР на 7 лет лагерей и 5 лет ссылки писатель и педагог, автор книги «Байда Вишневецкий» — **Зиновий Михайлович Красивский**, 1930 г. рожд.

*

Арестован в марте 1967 г. за участие в Украинском национальном фронте и осужден в Ивано-Франковске выездной сессией Верховного суда УССР во второй половине ноября 1967 г. по ст. ст. 56 и 64 УК УССР на 6 лет лагерей строгого режима фрезеровщик машиностроительного завода в Стрые **Василий Иванович Кулинин**, 1943 г. рожд.

*

Арестован 26 августа 1967 г. и осужден Львовским областным судом по ст. 56 и 64 УК УССР во второй половине ноября 1967 г. на 6 лет лагерей учитель физкультуры средней школы в Кировоградской области **Ярослав Васильевич Лесив**, 1945 г. рожд.

*

В 1967 г. осужден Ивано-Франковским областным судом по ст. 70⁶ УК УССР на 6 лет лишения свободы и 5 лет ссылки кузнец колхоза **Владимир Василик**, 1925 г. рожд.

*

В 1968 г. осуждена на 10 лет **Веруте Кодене**, 1919 г. рожд., литовская колхозница. Осуждена за события 20-летней давности (послевоенное национальное сопротивление). Арестована в психиатрической больнице, где она лечилась, по доносу врача, контролировавшего ее бред. До сих пор психически больна.

*

Арестован в 1968 г. и осужден Ивано-Франковским областным судом по ст. 70 УК УССР на 3 года лишения свободы настоятель монастыря в Ивано-Франковске, профессор богословия о. **Даниил Вахталовский**, 1897 г. рожд.

*

В середине 1967 г. был арестован по обвинению в изготовлении типографских листовок по еврейскому вопросу **Давид Найдис**, студент-заочник 4 курса факультета журналистики Киевского университета, одессит, автор необнаруженной при обысках курсовой работы о вероятности возрождения сталинизма. Осужден в 1968 г. Осенью 1968 г. вышел из лагеря, но в университете не восстановлен.

*

В феврале 1967 г. в Москве был арестован студент Института инженеров железнодорожного транспорта **Валентин Прусаков**. При обыске у него были изъяты в основном его стихи. Обвинение было предъявлено по ст.

70 УК РСФСР. В феврале 1968 г. был назначен суд, но он не состоялся, а в марте, пробыв 1 год 1 месяц под стражей (в Лефортовской тюрьме), Прусаков был освобожден и дело его прекращено за отсутствием состава преступления.

*

В марте или апреле 1968 г. в Москве был арестован экономист **А. Фетисов** и архитекторы **М. Антонов**, **В. Быков** и **О. Смирнов**. Они были обвинены по ст. 70, психиатрическая экспертиза признала всех четырех невменяемыми, и они были помещены в психиатрические больницы специального типа в Ленинграде и Казани.

*

В ночь с 21 на 22 августа 1968 г. 20-летний ленинградец **Богуславский** написал на трех клодтовских конях [на Аничковом мосту] «Вон Брежнева из Чехословакии!» Тут же, на Аничковом мосту, он был арестован и через 2 недели осужден по ст. 70 на 5 лет строгого режима. В октябре Верховный суд РСФСР при кассационном разбирательстве переквалифицировал его действия на ст. 190¹ и соответственно изменил меру наказания: 3 года общего режима (максимум по данной статье).

*

Весной 1968 г. студент филологического факультета Московского университета **Кайдан** написал своей жене в другой город письмо с описанием обстановки вокруг процесса Гинзбурга, Галанскова и др., с выдержками из обращения Богораз и Литвинова «К мировой общественности», а также с описанием антисемитских выходов, свидетелем которых он был на вокзале в Москве. Это письмо было «случайно» вскрыто и попало в КГБ. КГБ переслал письмо в деканат. В первые месяцы учебного года Кайдан был исключен из комсомола, отчислен с военной кафедры и, наконец, исключен из университета. Находился в психиатрической больнице после попытки самоубийства.

*

22—28 октября 1968 г. в Ташкенте судили участников крымско-татарского движения, по обвинению в «заве-

домо ложных измышлениях, порочащих советский государственный и общественный строй». Содержание обвинения составлял 66-й выпуск бюллетеня-информации, говоривший о чирчикских событиях 21 апреля 1968 г. [см. главу «Дело крымских татар»], и обращение к деятелям культуры. Все обвиняемые приговорены к лишению свободы: **Люман Умеров**, **Идрис Касымов**, **Шелкет Сейтаблеев** к 1 году, все трое освобождены, так как отбыли этот срок в период предварительного заключения; **Ленар Гусейнов** и **Юсуф Расинов** — к 1 году условно.

*

18 октября 1968 г. были произведены обыски у 10 священников бывшей львовской греко-католической митрополии: у епископа Василия Величковского, у священников Петра Городецкого, Николая Овсянко, Цегельского, Лопадчака, Курчавы, Дейнеки, Стернюка и др. Отобраны предметы религиозного культа (чаши, кресты, облачения, Св. Таинства), религиозные книги, фотоаппараты, магнитофоны, деньги. Тогда же арестован один из них, **Петр Городецкий**, обвиненный по ст. 187¹ и 138 УК УССР, т. е. за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, и нарушение законов об отделении церкви от государства. В конце 1968 г. в Коломые был арестован престарелый епископ **Василий Величковский**. Ходили слухи, что он умер в тюрьме.

*

1969 г. осужден Черниговским областным судом по ст. 62 УК УССР (соотв. ст. 70 УК РСФСР) на 5 лет лишения свободы бетонщик-рабочий из Чернигова **Николай Иванович Николаенко**, 1932 г. рожд.

*

В начале 1969 г. в Москве осужден по ст. 70 УК РСФСР **Эрик Данне** из Риги, работник международных авиалиний, за ввоз «антисоветской» литературы и «за связь с НТС».

*

26—29 января 1969 г. Киевским областным судом осуждены **А. Назаренко** (рабочий Киевской ГЭС, студент вечернего отделения Киевского университета, арестован

в июне 1968 г.), **Василий Кондюков** (рабочий той же ГЭС, студент вечернего отделения Киевского университета, арестован в сентябре 1968 г.) и **Валентин Карпенко** (работник той же ГЭС, студент вечерн. отделения Киевского университета). Обвинены в антисоветской пропаганде и агитации. Подсудимые распространяли — рассылали по почте — листовки против русификации Украины и о праздновании шевченковских дней в Киеве. Назаренко признал себя виновным, раскаялся в применении неверных форм деятельности и брал на себя всю вину за действия, инкриминировавшиеся всем троим подсудимым. Прокурор просил 6 лет строгого режима для Назаренко и Кондюкова и 2 года для Карпенко. Защита доказывала необходимость переквалификации на ст. 187¹ УК УССР — соотв. ст. 190¹ УК РСФСР. Суд оставил в силе обвинение по ст. 62 УК УССР — соотв. ст. 70 УК РСФСР — и дал 5 лет строгого режима Назаренко, 3 года — Кондюкову и 1 год 6 мес. — Карпенко.

*

Александр Петров (псевдоним **Агатов**), ленинградский поэт, автор слов песни «Темная ночь» (из кинофильма «Два бойца»), осужден в феврале 1969 г. по ст. 70 УК РСФСР в Москве за написанную им книгу.

*

В феврале 1969 г. Верховный суд Армянской ССР в составе: председатель — А. С. Шгназарян, государственный обвинитель — Г. М. Гамарян, защитники — Г. Ароян, А. Мосоян, — рассматривая дело при закрытых дверях, осудил: **О. М. Василяна**, 1936 г. рожд.; **А. У. Бабаяна**, 1915 г. рожд., учителя, участника Отечественной войны (имеет 7 ранений, награжден орденами и медалями); **Ш. П. Гюнашяна**, 1939 г. рожд., инженера-конструктора; **С. Х. Торосяна**, 1930 г. рожд., шофера; **А. А. Антоняна**, 1931 г. рожд.; **Г. Р. Экимяна**, 1936 г. рожд. — по ст. ст. 65¹ и 67 УК Арм. ССР (соотв. ст. ст. 70 и 72 УК РСФСР) в том, что они клеветали на советскую действительность, отрицали равноправие наций в СССР, распространяли клеветнические измышления о внутренней и внешней политике правительства Советского Союза. Обвиняемые писали статьи, призывающие к созда-

нию независимой Армении, распространили листовку «Больше молчать нельзя». Подготовили издание журнала «Во имя Родины» в количестве 343 экземпляров. Подсудимые признали себя виновными. Суд приговорил: Василяна, Бабаяна, Экимяна, Торосяна — к лишению свободы на 6 лет, Антоняна — на 5 лет, Гюнашяна — на 4 года.

*

19 февраля 1969 г. в Москве состоялся суд над **Ириной Белгородской**, инженером НИИ Госкомитета по делам изобретений, арестованной в ночь с 7 на 8 августа 1968 г. в связи с распространением письма в защиту Анатолия Марченко. Арест Белгородской и предшествующие ему обыски у нее и у троих из авторов письма — Ларисы Богораз, Людмилы Алексеевой и Виктора Красина — были вызваны тем, что в ночь с 6 на 7 августа И. Белгородская забыла в такси сумку со своими документами и с несколькими десятками экземпляров писем в защиту Марченко. Сумка была доставлена в КГБ... Ирина Белгородская признана виновной в «попытке распространения заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, не удавшейся по не зависящим от нее обстоятельствам», т. е. по ст. 190¹ УК РСФСР, — «с учетом положительной характеристики с места работы» — приговорена к 1 году лишения свободы в лагере общего режима... В «Самиздате» уже существует краткая запись суда над И. Белгородской, сделанная П. Г. Григоренко. Составитель записи сопровождает ее своими комментариями...: «В нашем обществе запрещено вступаться за тех, на которых обрушивается — справедливо или нет — государственная машина. За простую подпись в защиту невинно осужденного или против национальной дискриминации, например, крымских татар, людей подвергают незаконным репрессиям. Это тоже отрывок сталинских времен... Чтобы остановить судебный произвол, надо бороться против таких приговоров до самой их отмены».

*

В Риге признан психически невменяемым совершивший попытку самосожжения **Илья Рипс**. Илье Рипсу

в тот момент еще не было 21 года (род. в 1948 г.). Неполных 15 лет он стал одним из победителей Международной математической олимпиады школьников, в 16 лет поступил на механико-математический факультет Рижского университета. Все годы ученья он был ленинским стипендиатом и гордостью университета. Его дипломная работа была готовой основой докторской диссертации. 10 апреля он получил отличное направление на работу — в Институт физики АН Латв. ССР. А 13 апреля 1969 г. он вышел на площадь Свободы с плакатом «Протестую против оккупации Чехословакии» и поджег на себе одежду, предварительно залитую бензином. Случившиеся здесь моряки быстро погасили огонь, но жестоко избили юношу. Илье Рипсу было предъявлено обвинение по ст. 65 УК Латв. ССР, соответств. ст. 70 УК РСФСР.

*

23—24 и 28 апреля 1969 г. в Симферополе состоялся судебный процесс по обвинению крымского татарина, инженера **Гомера Баева** в распространении «заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» — ст. 187¹ УК УССР. Содержание обвинения — некоторые письма крымских татар в официальные инстанции, не подписанные, но, якобы, распространявшиеся Баевым... письма самого Баева о положении крымских татар [см. «Дело крымских татар»]... Гомер Баев в своем последнем слове рассказал о депортации своего народа из Крыма, о его голодном вымирании в ссылке, о борьбе народа за восстановление национального равноправия. Суд признал Гомера Баева виновным по ст. 187¹ УК УССР — соотв. ст. 190¹ УК РСФСР — и приговорил к 2 годам лагерей.

*

16 декабря 1968 г. в г. Владимире организовался Союз независимой молодежи, действующий легально на основе ст. 126 Конституции СССР. Организаторы Союза подали в горисполком заявление о его регистрации. Согласно уставу, Союз — «самостоятельная, независимая молодежная организация, хозяином которой является сама молодежь, самостоятельно направляющая всю деятельность Союза в рамках советской законности... Ос-

новная цель... — всемерно способствовать развитию социалистической демократии и общественного прогресса в нашей стране». Союз требует «ввести подлинно свободные и демократические выборы», «настоящей свободы слова, печати, собраний, митингов, демонстраций и союзов де-факто», «не преследовать за убеждения», «издать все произведения, написанные советскими авторами», «ликвидировать незаконную, антиконституционную цензуру» и т. д. Сотрудники Владимирского управления КГБ несколько раз угрожали лагерем председателю Союза независимой молодежи **Владимиру Борисову** и распускали про него гнусную клевету. КГБ-шники... заставили двух малодушных людей выкрасть у В. Борисова два его рассказа... В мае 1969 г. Борисов, рабочий, по образованию филолог, подвергся обыску, после которого был насильственно помещен в городскую психиатрическую больницу. Через некоторое время в городе распространились листовки, рассказывающие о Союзе независимой молодежи и о судьбе его председателя. Гласность оказала некоторое действие... Друзьям Борисова разрешили видеться с ним в больнице. Как они узнали при свиданиях, Борисову делали какие-то сильнодействующие уколы, хотя он был положен в больницу «на обследование»... 19 мая 1970 г. Вл. Борисов, не выдержав пыток, повесился.

*

10 февраля 1969 г. в Киеве около здания университета совершил попытку самосожжения **Николай Александрович Бреславский**, житель г. Бердянска, учитель, 45 лет, отец 3 детей, узник сталинских лагерей. Он развесил лозунги, содержащие протест против русификации, и пытался сжечь себя, но тут же был арестован и помещен в следственный изолятор КГБ. 28 мая 1969 г. он приговорен к 2½ годам лагерей строгого режима по ст. 62 УК УССР. Дело слушалось в закрытом заседании.

*

В мае 1969 г. в Ленинграде арестованы **Бергер, Браун** (сын поэта Николая Брауна), **Манчевский** и **Водопьянов** и обвинены по ст. 70 УК РСФСР — за распространение «Самиздата» и книг, изданных за рубежом.

*

20 июня 1969 г. в Москве состоялся суд над **Сергеем Сарычевым**, научным сотрудником Института востоковедения. Сарычев осужден на 2½ года лагерей усиленного режима по ст. 206 ч. II — злостное хулиганство... Будучи задержан в нетрезвом состоянии в ресторане «Метрополь», он в комнате милиции допустил «враждебные политические высказывания». Единственными свидетелями по делу были 3 милиционера... Защитник, адвокат Коростылев, поддержал ходатайство прокурора о слушании дела в закрытом заседании; в защитительной речи защитник признал вину Сарычева доказанной...

*

В г. Рошаль Московской обл. 23-летний **Валерий Луканин** весной 1969 г. выставил в своем окне плакат с протестом против пребывания советских войск в Чехословакии. Его отправили в психиатрическую больницу, где, не сообщая ему ничего, признали невменяемым с диагнозом «тяжелая форма шизофрении». От него скрыли факт следствия по его делу: действия Луканина были квалифицированы по ст. 70 УК РСФСР. Скрыли от него и то, что 23 июня 1969 г. состоялся суд, назначивший ему принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа. Матери Луканина пригрозили, что если она скажет сыну на свидании о том, что был суд, ее в дальнейшем лишат свиданий. 18 июля Валерий Луканин отправлен в Казанскую спецпсихбольницу.

*

В Ленинграде был арестован **Юрий Леонидович Левин**. 26 июня 1969 г. он был вызван к следователю прокуратуры г. Ленинграда Ю. М. Туманову и взят под стражу. Ему предъявлено обвинение по ст. 190¹ УК РСФСР. В 1957 г. Левин был осужден по ст. 58^{1а} (измена родине) на 10 лет заключения, из которых отбыл 7 лет, и в 1964 г. освобожден по помилованию. Поводом осуждения была попытка Левина эмигрировать за границу. С 1966 г. он послал несколько писем — заказных, по почте — в адрес радиостанции «Голос Америки». По словам отправителя, письма его не содержали ничего

политического... и адресовались одной из дикторш «Голоса Америки». Однако они явно не доходили до адресата. Наконец, по его словам, он решил «поймать за руку ГБ» и с этой целью отправил заказное письмо в американское посольство в Москве. Там содержалось утверждение, что ввод советских войск в Чехословакию подпадает под квалификацию преступления, указанного в ст. 73 УК РСФСР. Письмо было отправлено 12 октября 1968 г., а в начале ноября того же года Левина поместили в психиатрическую больницу... Через 10 дней он был признан здоровым и выпущен... 24 июня 1969 г. на квартире и на даче Левина был произведен обыск. Он сам выдал все, касающееся его переписки с «Голосом Америки»... Через день Левин был арестован.

*

Арестована в июне 1969 г. за вывешивание национального латвийского красно-бело-красного флага и осуждена на 1½ года **Бируте Гейдане**, 1950 г. рожд., дочь латышской писательницы.

*

В начале июля 1969 г. в Ростове-на-Дону предстал перед судом доктор биологических наук **Шер**. Ему было предъявлено обвинение по ст. 65 (шпионаж) и 70 УК РСФСР. Конкретным содержанием обвинения было письмо Шера в ЦК КПСС, в котором он протестовал против ввода войск в Чехословакию и против возрождения сталинизма: в частности, Шер выдвигал требование, чтобы со своих постов ушли все, кто работал со Сталиным, — в первую очередь, А. Н. Косыгин. На основании того, что Шеру вменялся в вину «экономический шпионаж», суд... был объявлен закрытым. Судебное следствие не подтвердило предъявленных обвинений, защитник требовал оправдательного приговора. Суд переквалифицировал действия Шера на ст. 190¹ УК РСФСР и приговорил его к 2 годам лагерей общего режима.

*

24—26 июля 1969 г. Ленгорсудом осужден по делу нелегальной организации «Союз коммунистов» **Ю. И. Федоров**, 1933 г. рожд., в прошлом работник ленинградских

райкомов ВЛКСМ, затем следователь МВД, капитан милиции. Предварительное следствие велось КГБ, группой следователей. По делу Федорова привлечено еще 5 человек. Среди них ст. следователь Ленгорпрокуратуры, партийные и комсомольские работники. Статья 70 УК РСФСР. Сроки — от 3 до 6 лет. Никто из обвиняемых не признал себя виновным, все отказались от защитников.

*

12 июня 1969 г. в г. Кирове арестован 66-летний учитель математики **Борис Владимирович Талантов**, много лет обличавший произвол по отношению к церкви и попустительство иерархов. Талантову предъявлена ст. 190¹ УК РСФСР. Суд начался 1 сентября. Группа верующих, сочувствующих обвиняемому, пыталась попасть в зал заседаний, но места в зале были по обыкновению заняты заранее кагебистами и т. п. Б. В. Талантову инкриминировался... ряд написанных им статей религиозного содержания, статья о природе советского государства и различные черновые записи, в том числе пометки на полях речи Л. И. Брежнева... Б. В. Талантов в последнем слове подтвердил верность своим убеждениям... 3 сентября суд приговорил Талантова к 2 годам лагерей... 40 верующих г. Кирова обратились с протестом к прокурору. В «Самиздате» вышла статья А. Краснова-Левитина «Драма в Вятке» (самого Краснова-Левитина допрашивали 26 июня 1969 г. по делу Талантова): «Эти действия — арест старого человека за критику произвола и самоуправства — заклеят и осудят решительно все честные люди во всем мире...» 7 декабря 1970 г. Б. В. Талантов умер в тюремной больнице.

*

3 октября 1969 г. в закрытом заседании Ленинградского городского суда в составе: председатель — О. В. Карлов, народные заседатели — В. М. Шименов и В. И. Чистов, прокурор — А. Я. Досугов, адвокаты — Г. Ф. Фейгина и Е. Н. Трофимовская — было рассмотрено дело **Галины Владимировны Силивончик**, 1937 г. рожд., образование 7 классов, упаковщица на фабрике «Северное сияние», и ее брата **Юрия Владимировича Васильева**, 1947 г. рожд. (образование 8 классов), — по обвинению

в том, что они в составе группы из 3 человек 3 июня 1969 г. пытались угнать пассажирский самолет ИЛ-14 № 3794, курсирующий на трассе Ленинград—Таллин. Инициатором этого дела и его главным исполнителем был муж Г. В. Силивончик — **Иван Андреевич Силивончик**, который во время вынужденного приземления самолета в Йыхви... попытался уйти от преследования и был в перестрелке с пограничным патрулем убит. Обвинение было предъявлено по ст. ст. 64 пункт «а» через 15; 70, ч. 1; 72; 102, п. п. «д» и «е» через ст. 15; 218 ч. 1 УК РСФСР для Г. В. Силивончик, для Ю. В. Васильева с исключением ст. 70 и прибавлением ст. 218 ч. 2 УК РСФСР. По замыслу участников дела, летчик под угрозой оружия должен был изменить курс самолета и лететь в Финляндию, где предполагалось явиться в посольство США и просить правительство США о предоставлении им политического убежища. Угон самолета сопровождался применением оружия (ранен был член экипажа) и нанесением материального ущерба пассажирам ИЛ-14. Подсудимые свою вину признали. По совокупности преступлений (ст. 40 УК РСФСР) Силивончик приговорена к 13 годам заключения в исправительно-трудовых колониях строгого режима, с конфискацией имущества и ссылкой на 5 лет после отбытия основной меры наказания; Васильев — к 11 годам заключения в ИТК строгого режима, с конфискацией имущества и ссылкой на 3 года.

*

26 октября 1969 г. Октябрьским районным судом г. Харькова осужден 19-летний **В. Зинченко** — как полагает его мать — «за проповедь Евангелия, духовное пение и игру на духовых инструментах [в церкви]». Мать Зинченко обратилась с открытым письмом: «Я прошу вас, дорогие матери, молиться вместе со мной... чтобы Господь подействовал на сердца правителей нашей страны, и они дали указание освободить моего сына из каторги, где он находится»...

*

В Ленинграде 5 ноября 1969 г. арестован **Б. О. Митяшин**, он в течение полутора лет от своего имени писал

письма в редакции советских журналов и газет, осуждая политические репрессии (процесс демонстрантов 25 августа 1968 г., суд над Гинзбургом и др.). Все письма оказались в распоряжении следствия. Митяшина неоднократно вызывали в КГБ и требовали подписки о прекращении «деятельности». Митяшин обвиняется по ст. 70 УК РСФСР.

*

7 ноября 1969 г. в Риге арестованы **Э. Лиепинь** и **Мисулович** по обвинению в нарушении ст. 183² УК Латв. ССР (соотв. ст. 190² УК РСФСР): в «надругательстве над государственным флагом» (сожжение флага). Мисулович осужден на 1½ года и Лиепинь на 1 год исправительно-трудовой колонии. Присутствовавшие при этом студенты рижских вузов были также репрессированы: трое — осуждены, а трое исключены из вузов.

*

В декабре 1969 г. в г. Кагане Бухарской обл. УзССР арестован настоятель местной православной церкви священник о. **Павел Адельгейм**. Адельгейм широко известен в церковных кругах. Благодаря его инициативе и энергии верующим г. Кагана удалось на месте старого сарая, служившего в качестве местной церкви, выстроить новый каменный храм. Молодой, образованный священник, хороший проповедник, о. Павел Адельгейм пользовался большой любовью и авторитетом среди прихожан. Церковная деятельность его была безупречна с точки зрения гражданского права.

*

2 сентября 1967 г. 38-летний инженер, крымский татарин **Решат Джемилев**, будущий активный участник демонстрации крымских татар 6 июня 1969 г. на площади Маяковского в Москве (на второй день Международного совещания коммунистических и рабочих партий), ежегодно, начиная с 1965 г., направляемый крымско-татарским народом в Москву, как его представитель в хлопотах о полной реабилитации народа и возвращении его в Крым, — был арестован «как организатор массовых беспорядков в Ташкенте 27 августа и 2 сентября 1967 г.». 13 декабря 1969 г. Р. Джемилев приговорен Ташкентским

горсудом к 1 году исправительно-трудовых работ. Под «массовыми беспорядками» имелись в виду многочисленные митинги крымских татар в защиту своих прав.

*

В конце 1969 г. Краснодарский городской суд приговорил по ст. 190¹ УК РСФСР железнодорожного машиниста **Петренко** к 1 году лишения свободы. Петренко — участник Отечественной войны, орденосец, направил министру Гречко письмо, в котором критиковал политику правительства, оккупацию Чехословакии, порядки на промышленных предприятиях и лично т. Брежнев.

*

В конце 1969 г. в Ленинграде рассматривалось дело **Эдуарда А. Лалаянца**, 1925 г. рожд., участника Отечественной войны, инженера-экономиста, обвинявшегося в систематическом составлении, размножении и распространении документов, порочащих советский государственный и общественный строй, Лалаянц написал письмо в «Литературную Газету» на имя М. А. Шолохова, составил листовку (в 2 экземплярах), призывающую жителей Ленинграда к всеобщей забастовке, отправил письмо в ЦК КПСС (о деле Гинзбурга и Галанскова). Свои письма Лалаянц подписывал «Руководящий центр Российской социалистической партии». Лалаянц по ст. 70 УК РСФСР приговорен к 3 годам исправительно-трудовых колоний строгого режима.

*

Арестована в 1969 г. в г. Красноярске-45 (спутник Красноярска) **Елена Рогалева**, 1952 г. рожд., и осуждена в конце того же года вместе с двумя ее ровесницами **Петрашко** и **Потемченко** выездной сессией Верховного суда РСФСР по ст. ст. 68, 70 и 72 УК РСФСР (антисоветская организация, пропаганда: распространение листовок; диверсия: поджоги административных зданий — милиции, прокуратуры, суда и особняков «отцов города») на 5 лет исправительно-трудовых колоний строгого режима.

*

8 января 1970 г. арестован в Ташкенте **Нури Абдураимов**, 1940 г. рожд. Осужден по ст. 191⁴ УзССР (соотв.

ст. 190¹ УК РСФСР) — за участие в составлении крымско-татарских инфораций №№ 77, 79, 80. Приговорен к 2 годам лишения свободы в лагере общего режима. Кассационная инстанция исключила из обвинения 2 из трех инкриминируемых инфораций; приговор оставила в силе.

*

В начале 1970 г. Ужгородским областным судом приговорен по ст. 62 УК УССР (соотв. ст. 70 УК РСФСР) за попытку перейти границу на 1½ года ссылки священник о. **Борис Заливако**, из Львова, 1940 г. рожд.

*

В 1970 г. осужден Ужгородским областным судом по ст. 62 УК УССР (соответствует ст. 70 УК РСФСР) на 3 года лишения свободы **Роман Дмитриевич Гринь**, 1946 г. рожд.

*

14 января 1970 г. жители деревни Бородичи, Зельвинского района Гродненской области (Белорусская ССР) **Н. В. Шугало** и **Н. И. Лазута** (члены местной общины баптистов-«инициативников») приговорены к 5 годам заключения.

*

19—27 января 1970 г. в Днепропетровском областном суде слушалось дело поэта и журналиста **Ивана Г. Сокульского**, 1940 (или 1941) г. рожд., сначала уволенного с работы по политическим причинам, затем арестованного 13 июня 1969 г.; **Николая Г. Кульчицкого**, 1947 г. рожд., поэта, арестованного в конце 1969 г.; **В. В. Савченко**. Обвинены: Сокульский по ст. 62 УК УССР (осужден на 4½ года лагерей строгого режима); Кульчицкий по ст. 187¹ УК УССР (осужден на 2½ года) и Савченко по ст. 187¹ УК УССР (на 2 года условно). При обыске у Сокульского и Кульчицкого было обнаружено «Обращение к творческой молодежи» — о притеснении свободомыслящей интеллигенции в Днепропетровске. Сокульский признал, что он автор обращения.

*

В Таллине 16 октября 1969 г. был арестован **Теет Каллас**, прозаик, 27 лет. В редакции журнала «Лооминг»,

где работал Каллас, был произведен обыск, изъят ряд редакционных материалов. В январе 1970 г. Калласа судили. Психиатрической экспертизой признан невменяемым.

*

12 августа 1969 г. арестован в Ленинграде студент 5-го курса ЛЭТИ (Ленинградск. электротехнического института) **Борис Шилькрот** — за сочинение и распространение в апреле 1968 г. «Обращения» к студентам ЛЭТИ с призывом поднять голос в защиту демократии, протестовать против суда над Гинзбургом и др., и за изготовление и хранение «Самиздата» («Раковый корпус», «В кругу первом» Солженицына, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, перевод книги Уильяма Шерера «Начало и конец Третьего Райха», произведения Даниэля, открытое письмо И. Яхимовича и др.). Следствие по ст. 70 УК РСФСР велось с августа по декабрь 1969 г. Следователь — капитан КГБ П. В. Голубков. Дело слушалось в Ленинградском горсуде в январе 1970 г. Судья — Л. И. Иванов. Суд, длившийся 3 дня, проходил при закрытых дверях (приговор зачитывался при открытых). Шилькрот приговорен к 3 годам строгого режима.

*

Летом 1969 г. во Львове арестован научный сотрудник Института общественных наук, журналист **Василий Рыбак**. Давний эмигрант, вернулся из США на Украину в 1957 г. Автор пасквильной брошюры про «буржуазных националистов», он, тем не менее, был осужден в январе 1970 г. по ст. 62 УК УССР (соотв. ст. 70 УК РСФСР) на полгода. За то, что написал и послал в «Правду» и на Запад статью о языковом неравноправии и насильственной ассимиляции украинцев.

*

В Львове арестован 20 июня 1969 г. **Степан Бедрило (Ведрило)**, 1942 г. рожд., сотрудник АН УССР. Осужден в Львове в январе 1970 г. по ст. 62 УК УССР (соотв. ст. 70 УК РСФСР) на 4 года лагерей. Заседание суда было закрытым — не пустили даже мать подсудимого. Бедрило, львовскому экономисту-аграрнику, вменялось в вину распространение обращения 7 ранее осужденных

украинских писателей и листовка о самосожжении Макухи. Верховный суд вынес решение исключить из обвинения 1 пункт (антисоветские разговоры) и приговорил Бедрило к 2 годам лишения свободы по ст. 62 УК УССР, снизив первоначальный срок наполовину. Обвинение основывалось на показаниях Богдана Чабана, у которого при обыске было изъято большое количество «самиздатской» литературы. Места хранения ее Б. Чабан показал сам. Б. Чабан был освобожден из-под ареста еще до суда.

В Ташкенте в конце декабря 1969 г. арестован **Сейдо-мет Халибаев**, обвиняемый по ст. 190¹. Ранее уже отбыл срок по делу **Юрия Османова**.

В г. Ангрене УзССР в начале марта 1970 г. состоялся суд над **Сейдоматом Халибаевым** (ст. обвинения соотв. ст. 190¹ УК РСФСР). Приговор — 1 год лишения свободы в лагерях общего режима.

*

В начале марта 1970 г. в г. Беговате УзССР осужден престарелый крымско-татарский поэт **Муарем Мартынов** за выступление на похоронах А. Е. Костерина и подписание ряда крымско-татарских информаций. Статья обвинения соответствует ст. 190¹ УК РСФСР. Приговорен к 2 годам лишения свободы условно.

*

Осуждена в марте 1970 г. Ужгородским областным судом на 3 года за письма зарубежным государственным деятелям учительница литературы **Раиса Ильинична Бекдуалиева**, 45 лет.

*

Осенью 1969 г. арестован студент **Олег Бахтиаров**, 1947 г. рожд. Осужден 20 февраля — начале апреля 1970 г. по ст. ст. 62 и 187¹ УК УССР (соотв. ст. ст. 70 и 190¹ УК РСФСР) на 3 года заключения в лагерях.

20 февраля в Киеве состоялось 1-е судебное заседание по делу Бахтиарова — ст. 62 УК УССР (соотв. ст. 70 УК РСФСР). Бахтиаров — студент, 1947 г. рожд. Обвиняемому инкриминировались найденные у него или

у его друзей книги: «Технология власти» Авторханова, «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяева, «Новый класс» Джиласа, фотокопия альманаха «Мосты», «Лихо з розуму» Черновола (в «Самиздате»), «Письмо к другу» Лозы, а также какая-то программа, авторство которой приписывалось Бахтиярову. По неизвестным причинам после 1-го заседания суд откладывался 5 раз. Наконец, в начале апреля 1970 г. суд возобновил свои заседания. В ходе процесса ст. 62 была переквалифицирована на ст. 187¹ (соотв. ст. 190¹ УК РСФСР) УК УССР, — якобы потому, что не доказано авторство Бахтиярова упомянутой «программы». Приговор: 3 года лишения свободы в лагерях общего режима.

*

10 апреля 1970 г. в Ленинграде был сорван портрет Сталина со стенда, расположенного напротив станции метро «Электросила». Сорвал портрет техник **Волков**, 35 лет. Женат, двое детей. Волков осужден по ст. 206² УК РСФСР (хулиганство) на 1 год исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

*

В апреле 1970 г. арестован в г. Андижане УзССР врач-онколог **С. Билялов**, около 35 лет. Арестован на аэродроме, когда он собирался лететь в Москву на лечение, имея в руках больничный лист. Работники милиции задержали его, потребовали предъявить документы, а затем обвинили в нанесении удара одному из них (ст. 192² УК УзССР, соотв. ст. 191² УК РСФСР). Прокурор требовал 5 лет лишения свободы. Суд переквалифицировал обвинение на ст. УК УзССР, соответствующую ст. 191¹ УК РСФСР и приговорил Билялова к 3 месяцам лишения свободы. Кассационный суд изменил приговор на 1 год условно.

*

12 апреля 1970 г., в 2 часа ночи, в Ленинграде, студент 4 курса Ленинградского университета **А. Н. Земцов** (1948 г. рожд.), «проходя мимо дома № 40 по Кировскому проспекту, нанес связкой ключей непоправимое повреждение портрету И. В. Сталина на стенде, посвященном 25-летию победы над Германией». Его дело (ст. 206²) слуша-

лось 6 мая в нарсуде Ждановского района. Прокурор (Дебиков) просил 3 года заключения в колонии усиленного режима, «учитывая особую дерзость содеянного»... Но суд приговорил Земцова к 1 году заключения в колонии усиленного режима, «принимая во внимание безукоризненные характеристики с места учебы и с места жительства...». 28 мая кассационный суд пересмотрел приговор: 1 год условно (испытательный срок — 3 года).

*

Арестован в сентябре 1969 г. за составление программы социальных реформ и национального вопроса в СССР учитель **Андрей Коробань**, 1930 г. рожд., в 1950 г. осужденный уже на 10 лет за написание антисталинской статьи. Осужден Киевским областным судом 27—31 мая 1970 г. по ст. 62 УК УССР (соответств. ст. 70 УК РСФСР). Приговорен к 6 годам лишения свободы.

*

Верховным судом ЭССР (суд проходил 9—15 июня 1970 г., судья Уускюла, прокурор — Кеслер) осуждены: **Райво Лапп**, 1947 г. рожд., лаборант Тартуского университета, — на 5 лет лишения свободы; **Андрес Вису**, 1946 г. рожд., шофер такси в Тарту, на 3½ года; **Эни Паулюс**, 1947 г. рожд., слесарь автомастерских в Тарту, — на 2½ года; **Свен Тамм**, 1940 г. рожд., — на 3 года условно. Арестованы 11 декабря 1969 г. Было предъявлено обвинение в хранении оружия и создании организации, которая (согласно приговору) — «выступила бы с оружием против Советской власти в случае конфликта между Эстонией и СССР».

*

В июне 1970 г. осужден **Владимир Векшин** (ст. механик радиостанции пос. Пограничный, Кемеровской обл. — г. Березовский), который «от устной антисоветской пропаганды... перешел к письменной. В августе прошлого года он подбросил наспех сострепанную листовку в курительную комнату комбината шахты 'Южная', призывая распространить ее, «дабы об этом узнали по меньшей мере двое». При обыске у Векшина были изъяты «Энциклопедический словарь» (!) и комплект журнала

«Техника Молодежи» с многочисленными пометками на полях. На суде Векшин раскаялся.

*

В июне 1970 г. осуждена **Полина Сабурова** (г. Киселевск Кемеровской обл.) за то, что «написала десятки писем, порочащих наш строй, разбавляя текст религиозными фразами; она усердно распространяла свою писанину . . .»

*

В мае 1970 г. арестован в Ташкенте **Нурфет Марахаз**, 28 лет, инженер, женат, двое детей. Обвиняется по ст. 191⁴ УзССР (соотв. ст. 190¹ УК РСФСР) — за участие в составлении крымско-татарских информационных №№ 69, 70. Суд был назначен на 24 июня, но отложен.

*

9 июля 1970 г. в Тбилиси арестованы 2 грузинских еврея — **Вениамин Джанашвили** и **Абрам Джанджиханашвили**. Они продолжительное время добивались выезда в Израиль. Поводом для ареста послужил инцидент, происшедший 26 января 1970 г. в приемной МВД Грузии, куда явилась группа евреев с ходатайством о выезде из СССР и где была грубо принята майором Кикнадзе.

*

23 июля 1970 г. в Кишиневе арестован **Александр Гальперин**, 24-летний инженер. Одновременно были произведены обыски в 7 еврейских семьях. При обыске изымались книги по еврейской истории, учебники еврейского языка, записи еврейских песен, а также распространяемая киосками Союзпечати газета «Фольксштимме».

В конце июля арестованы **Давид Рабинович** (24 лет, техник, принимал активное участие в еврейской самодеятельности Кишинева; при обыске изъяты записи ролей и стихи на еврейском языке) и еще двое (фамилии неизвестны). Обвинение по ст. ст. 70 и 72 УК.

*

15 июня 1970 г. в Риге у **Бориса Шафнера**, 26 лет, и **Аарона Шпильберга** (30 лет, имеет 3-летнюю дочь и в

настоящее время беременную жену) произведены обыски. Изъяты материалы «Самиздата» по еврейскому вопросу, книги по еврейской истории, магнитофонные ленты с записями еврейских песен. 5 августа 1970 г. Б. Шафнер и А. Шпильберг были арестованы. Обвинение предъявлено по ст. ст. 64 и 72.

*

24 сентября 1970 г. в Москве арестован **Олег Иванович Воробьев**, 1940 г. рожд., рабочий, в прошлом студент филологического факультета МГУ. В январе 1966 был отчислен из МГУ за участие в демонстрации на Пушкинской площади 5 декабря 1965 г. С января по март 1966 г., после беседы с уполномоченным ГБ по гуманитарным факультетам МГУ («Елена Борисовна»), был помещен в Институт им. Сербского, где был признан психически полноценным. Затем, восстановившись на заочном отделении филологического факультета МГУ, работал учителем в г. Буй Костромской области. Последнее время работал в Перми и в различных геологических партиях. О. Воробьев неоднократно подписывал письма протеста, обращение членов Инициативной группы в ООН. В сентябре 1969 г. был насильственно помещен в 15 психбольницу Москвы. Олег Воробьев обвиняется по ст. 70 УК РСФСР. Следствие ведется в Перми (по месту его прописки).

*

2 октября 1970 г. в международном аэропорту «Шереметьево» был задержан **Дмитрий Федорович Михеев**, аспирант физического факультета МГУ, пытавшийся улететь в Швейцарию по документам гражданина Швеции. При задержании он заявил, что желает покинуть пределы СССР, так как его не устраивает государственный строй СССР. В связи с арестом Михеева в ряде домов произведены обыски.

*

В октябре 1970 г. в Верховном суде Молдавской ССР слушалось дело **Якова Михайловича Сусленского** и **Иосифа Мишенера**, обвиняемых по ст., соответствующей ст. 70 УК РСФСР. Сусленский, 42 лет. Работал преподава-

телем английского языка в средней школе г. Бендеры Молдавской ССР. Написал несколько открытых писем в ЦК о своем несогласии с политикой КПСС по ряду вопросов (Чехословакия, отсутствие свободы слова, несоответствие фактических порядков Конституции СССР). И. Мишенер, 34 лет. Окончил медицинское училище, работал на рентгеновской установке, одновременно учился на историческом факультете, после окончания которого преподавал историю в средней школе г. Бендеры. До 1969 г. член КПСС; в 1969 г. был исключен из партии и уволен с работы после написания открытого письма по чехословацкому вопросу. В конце 1969 г. написал в ООН обо всем, что с ним произошло из-за письма в ЦК. Сусленский был арестован в феврале 1970 г. При обыске у него были изъяты пленки с записями передач Би-Би-Си, копии его и Мишенера писем и подробные дневники, где описаны его встречи и разговоры с друзьями, его мысли. В дневниках упоминалось имя Мишенера, на основании чего И. Мишенер и был арестован. Прокурор просил для обвиняемых соответственно 3 и 2 года. Суд же приговорил Я. М. Сусленского к 7 годам лишения свободы, а И. Мишенера к 6.

*

22 октября 1970 г. в г. Горьком арестован **Виталий Помозов**, 1947 г. рожд., инженер по НОТ'у на одном из горьковских заводов. В. Помозов — в прошлом студент историко-филологического факультета Горьковского университета. В мае 1968 г. он был исключен из университета за написание работы «Государство и социализм».

*

15—24 декабря 1970 г. в Ленинградском городском суде (председательствующий — председатель Ленгорсуда Н. А. Ермаков; обвинители — прокурор Ленинграда С. Е. Соловьев, Н. Катукова; общественный обвинитель — летчик ГВФ Матиногов) проходил судебный процесс по обвинению **Марка Ю. Дымшица**, 1927 г. рожд., члена КПСС, военного летчика до демобилизации в 1960 г., затем — летчика гражданской авиации, затем — окончившего Ленинградский сельскохозяйственный институт и работавшего инженером; **Эдуарда Самойловича Куз-**

нецова, 1939 г. рожд., арестованного в 1961 г., когда он учился на философском факультете МГУ, на втором курсе, и осужденного по ст. 70 на 7 лет; после освобождения в 1968 г. жившего под гласным надзором в Струнине Владимирской области; переехавшего после женитьбы на С. Залмансон в Ригу и там работавшего в больнице; **Сильвы Залмансон**, 1943 г. рожд., жены Кузнецова; **Иосифа М. Менделевича**, 23 лет, бывшего студента политехнического института; **Израиля И. Залмансона**, брата Сильвы Залмансон, 1949 г. рожд., студента Рижского политехнического института; **Юрия П. Федорова**, 1943 г. рожд., москвича, разнорабочего, ранее судимого по ст. ст. 70 и 72 УК РСФСР; **Алексея Г. Мурженко**, 1942 г. рожд., жившего в Лозовой, ранее — в 1962 г., как и Федоров, судимого по ст. ст. 70 и 72 УК РСФСР; **Анатолия А. Альтмана**, 29 лет, рабочего столяра, учившегося на географическом фак.; **Арье (Лейбы) Г. Хноха**, 1944 г. рожд., рабочего; **Бориса С. Пэнсона**, 1947 г. рожд., художника; **Менделя А. Бодни**, 1937 г. рожд., рабочего, инвалида труда, — в преступлениях, предусмотренных ст. ст. УК РСФСР: 64-а — измена родине; 15 — ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление; 70 — антисоветская агитация и пропаганда; 93¹ — хищение государственного или общественного имущества.

Согласно обвинительному заключению, подсудимые хотели использовать 12-местный пассажирский самолет АН-2, вылетающий по маршруту Ленинград—Приозерск, улететь на нем в Швецию. Из 11 подсудимых 9 (кроме Мурженко и Федорова) показали, что целью намеченного ими захвата самолета было — попасть в Израиль. Инициатором угона самолета был М. Ю. Дымшиц. В 1967—1968 гг. он решил тайно покинуть СССР и стал искать единомышленников. Суд приговорил: Дымшица — к высшей мере наказания — смертной казни с конфискацией имущества; Кузнецова — к высшей мере наказания — смертной казни — без конфискации имущества за неимением такового; Менделевича — к 15 годам строгого режима без конфискации имущества за неимением такового; Федорова — к 15 годам особого режима без конфискации имущества за отсутствием такового; Мурженко — к 14 годам особого режима без конфиска-

ции имущества за отсутствием такового; Хноха — к 13 годам строгого режима без конфискации имущества за отсутствием такового; Альтмана — к 12 годам строгого режима без конфискации имущества за отсутствием такового; С. Залмансон — к 10 годам строгого режима без конфискации имущества за отсутствием такового; Пэнсона — к 10 годам строгого режима с конфискацией имущества; И. Залмансона — к 8 годам строгого режима без конфискации имущества за отсутствием такового; Бодню — к 4 годам усиленного режима без конфискации имущества за отсутствием такового. Подсудимые указывали, что их единственным желанием было попасть в страну своих предков, не для того, чтобы заниматься политикой, а чтобы жить со своим народом. Мурженко просил учесть, что его «жизнь — это 8 лет суворовского училища; 6 лет лагерей для политических заключенных и только 2 — свободы». Федоров сказал, что у всех подсудимых «была единственная цель — покинуть СССР. Ни у кого не было цели вредить СССР». 27 декабря 1970 г. председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному направили письмо В. Н. Чалидзе, А. С. Вольпин, А. Н. Твердохлебов, Б. И. Цукерман и Л. Ригерман. Они просили не допустить убийства Кузнецова и Дымшица. Отпустить всех, кто хочет уехать. Признать право на репатриацию. 28 декабря аналогичное письмо послал Подгорному акад. А. Д. Сахаров. Неожиданно 30 декабря было назначено рассмотрение кассационных жалоб подсудимых и их адвокатов. (Напомним, что 30 декабря генералиссимус Франко отменил смертную казнь в Бургасе). 31 декабря заседание продолжилось. Приговор части подсудимых был смягчен: Дымшицу — 15 лет строгого режима с конфискацией имущества; Кузнецову — 15 лет особого режима без конфискации имущества; Менделевичу — 12 лет строгого режима без конфискации имущества; Хноху — 10 лет строгого режима без конфискации имущества; Альтману — 10 лет строгого режима без конфискации имущества.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга закончена . . . Закончена произвольно. Мы ведь взяли небольшой пятилетний отрезок времени и при этом включили в книгу лишь незначительную часть политических процессов, проводившихся в это время. О многих процессах просто нет никаких сведений, многих мы просто не включили в нашу книгу, не желая ее сделать необъятною. Да и в изложении самих процессов приходилось ограничиваться самым существенным. Мы не подчеркивали, например, фактическую незащитность обвиняемых. Часто так называемые защитники являлись на самом деле помощниками прокуроров. Если же защитники честно относились к своим обязанностям, их ждали большие неприятности. Мы уже указывали в книге на репрессии по отношению к адвокатам, часто членам КПСС, следовавшим в своей защите голосу правосудия, а не указаниям партийного начальства. «За последнее время защита лиц, привлекаемых к ответственности по политическим статьям, сильно затруднена, так как адвокаты, выступавшие на политических процессах, подвергались ряду преследований, в их числе адвокат Дина Исаковна Каминская, подвергшаяся ряду неприятностей после своего выступления в Ташкенте на процессе И. Габая. Суд особо отметил, в частном определении, то, что она вела в своей защите антисоветскую линию. После этого председатель коллегии московских адвокатов запретил ей выступления по политическим делам и был поставлен вопрос об ее исключении из коллегии адвокатов. Адвокат Швейский, защищавший в г. Свердловске Амальрика, также имел ряд неприятностей по партийной линии, в связи с чем отказался выступать в Верховном суде при рассмотрении кассации Амальрика. Олег Иванович Воробьев, который должен предстать перед судом 11 января 1971 г. в г. Перми за

распространение «Самиздата» (по ст. 70), выразил настоятельное желание, чтобы его защищал московский адвокат. Несмотря на это, его друзьям в Москве не удалось найти адвоката... Президент коллегии адвокатов отказал невесте Воробьева Р. И. Уран рекомендовать какого-либо адвоката».

Если скажут, что эти годы — 1966—1970 — все же более «либеральны», чем, например, годы разгула сталинского террора — 1935—1939, то придется согласиться. Ведь если взять только один участок сталинского террора — разгром им кадров самой коммунистической партии, то уже тут картина получится устрашающая: «Лишь в 1936—39 гг. было арестовано более 1,2 миллиона членов ВКП (б) — половина всей партии, — пишет в своей брошюре ‚Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе‘ академик А. Д. Сахаров (член КПСС), — только 50 тысяч вышло на свободу — остальные были замучены при допросах, расстреляны (600 тысяч) или погибли в лагерях». Из состава ЦК партии, избранного на XVII съезде (1934 г.): 71 члена и 68 кандидатов, — расстреляно в эти годы 51 член ЦК (72%) и 47 кандидатов (69%). Что же говорить о народных массах, миллионах расстрелянных, умерших на пытках в застенках НКВД, погибших в лагерях... Пытки и избиения были официально разрешены ЦК партии, вот отрывок из личной шифрованной телеграммы Сталина, оглашенной Хрущевым в его докладе на закрытом заседании XX съезда партии: «ЦК ВКП (б) поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 года, было разрешено ЦК ВКП(б)... ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае, как допустимый и правильный метод». Миллионы расстрелянных лишь в пятилетие 1935—1939 гг. Не менее пятнадцати миллионов заключенных в лагерях НКВД и сосланных... Как гуманно выглядит при этом царский режим, который отнюдь не отличался — особенно до реформ 1860-х гг. — гуманностью! Вот данные из книги С. Ушеровича «Царские казни в России», изданной в разгар ежовщины — в 1937 г. — в Харькове, изданной для того, чтобы пока-

зять — как страшен был старый режим: «По приговорам царских судов казнено революционеров:

в царствование Александра Первого	24;
в царствование Николая Первого	41;
в царствование Александра Второго	47;
в царствование Александра Третьего	33».

Годы сталинского террора войдут в мировую историю, как нечто исключительное. И все-таки... И все-таки, они были не жесточе, не гнуснее того, что делается сейчас. Они были массовой, общенародной мясорубкой, примитивной и грубой. А нынешняя расправа с инакомыслящими — отправление в специального типа психиатрические больницы, где психиатры-палачи под халатами носят формы генералов и полковников КГБ и МВД, где младший обслуживающий персонал — из профессионалов уголовников, где заключенным-«больным» вспрыскивают — в качестве наказания, в качестве пыток — специальные «лекарства». «В справочниках, инструкциях и руководствах указываются осложнения и побочные явления, возникающие после приема производных фенотиазина и бутирофенона (аминазин, галоперидол и их аналоги): токсические воспаления печени, повышение внутриглазного давления, колебания артериального давления, напряжение и судороги мышц, головные боли, слабость, снижение настроения, сухость во рту... Сульфазин — однопроцентный стерильный раствор очищенной серы в персиковом масле — при внутримышечном введении вызывает резкий подъем температуры, тяжелое лихорадочное состояние», и т. д. Здоровых людей помещают в отделения для буйных помешанных, их поручают садистам из числа профессиональных убийц и насильников — санитарам и «лекпомам» из числа уголовников, так называемые психиатры говорят обвиняемым: откажитесь от своих взглядов, неужели вы хотите всю жизнь просидеть в сумасшедшем доме, — и вспрыскивают «несогласным гражданам» эти и еще более мучительные «лекарства». «Нет для здорового человека страшнее судьбы, чем бессрочное пребывание в психиатрической больнице», — пишет в своем обращении к психиатрам мира В. Буковский (28 января 1971).

Каковы порядки в лагерях МВД, лицемерно переименованных в «колонии» (лагеря, мол, в нашей стране унич-

тожены...), хорошо показывает книга «Мои показания» Анатолия Марченко.

И все-таки, нами не случайно взяты именно эти пять лет: начиная с процесса Синявского-Даниэля. Не случайно, ибо ведь наша цель — не показать всю гнусность судебных и внесудебных расправ советского тоталитаризма над свободной мыслью и свободным словом человека, а показать, что этим свободную мысль и свободное слово убить нельзя. Начиная с процесса Синявского и Даниэля все растет и все крепнет подлинная, смелая народная оппозиция государственно-партийной тирании. Ряды оппозиции весьма и весьма разнообразны и разнородны: коммунисты-идеалисты (Костерин, генерал Григоренко), «истинные марксисты» (рязанская группа) — и церковные писатели (Краснов-Левитин), и христиане «Социал-Христианского Союза Освобождения Народа»; крупнейшие ученые (например, создатель советской водородной бомбы, академик А. Д. Сахаров) — и простые рабочие; поэты и прозаики (Синявский, Даниэль, Галанков, Габай, Караванский) — и биологи-генетики (Жорес Медведев); инженеры — и колхозники... Русские и евреи, армяне и татары, украинцы и молдаване, — все нации дали своих мучеников и своих борцов за свободу.

И задача этой книги — показать главным образом не работу палачей и насильников — судей, милиции, работников КГБ и МВД, психиатров «спецбольниц», — и сопротивление их жертв, а протест остающихся на свободе. Пусть это сопротивление еще не полноводная, все на своем пути сметающая река, а еще лишь ручеек, — но количество этих ручейков все увеличивается и увеличивается. И они, рано или поздно, сольются в мощный освободительный поток. Мы верим в это. Нужно верить в это.

Книга закончена. Но закончена ли она по существу? Ведь не закончены даже многие процессы, которым уделено место в этой книге. Не закончен, например, процесс Краснова-Левитина, изменена лишь «мера пресечения», и Краснов выпущен из тюрьмы. А следствие еще плетет свою паутину...

Но, несмотря даже на то, что опять начинаются попытки возвращения к сталинщине, уже не убить освободительного движения. И власть, ворча и огрызаясь,

но нередко принуждена так или иначе отступить. И хочется опять повторить слова *Александра Исаевича Солженицына* из его письма в защиту *Жореса Медведева*:

Вот как мы живем: безо всякого ордера на арест или медицинского основания приезжают к здоровому человеку четыре милиционера и два врача, врачи заявляют, что он — помешанный, майор милиции кричит: «Мы — органы насилия! Встать», крутят ему руки и везут в сумасшедший дом. Это может случиться завтра с каждым из нас... Раз подумаешь не так, как положено, — значит, ты ненормальный. А адаптированные должны думать все одинаково. И управы нет — даже хлопоты наших лучших ученых и писателей отбиваются, как от стенки горох... она в моду входит, кривая расправа без поиска вины, когда стыдно причину назвать. Одни пострадавшие известны широко, много более — неизвестных... Ведь Чаадаева в свое время не тронули пальцем — и то мы клянем палачей второе столетие. Пора бы разглядеть: захват свободомыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома есть духовное убийство, это вариант газовой камеры, и даже более жестокий: мучения убиваемых злей и протяжней. Как и газовые камеры, эти преступления не забудутся никогда, и все, причастные к ним, будут судимы без срока давности, пожизненно и посмертно. И в беззакониях, и в злодеяниях надо же помнить предел, и где человек переступает в людоеда! Это — куцый расчет, что можно жить, постоянно опираясь только на силу, постоянно пренебрегая возражениями совести!

ЕЩЕ ОДНО ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эта книга уже заканчивалась печатанием, когда произошло несколько событий, которые нельзя не отметить. Освобожден из заключения А. Д. Синявский. Опять приговорен к заключению А. Э. Левитин-Краснов. Брошен в концентрационный лагерь, лицемерно переименованный сначала в «колонию», а затем в «учреждение», *Владимир Буковский*.

В. К. Буковский (р. 30 декабря 1942), исключенный в 1961 г. из Московского университета за распространение книги Джиласа «Новый класс», один из организаторов «самиздатовского» журнала «Феникс», был схвачен в 1962 г. КГБ. Почти три года продержали его в ленинградской психиатрической лечебнице «специального» (тюремного) типа. В декабре 1965 г. он принимает участие в организации демонстрации, назначенной на 5 декабря, под лозунгом «Уважайте собственную конституцию!», — но перед самой демонстрацией Буковский вновь арестован и попадает сначала в психиатрические больницы, а затем в Центральный научно-исследовательский институт судебной психиатрии имени Сербского. Признан здоровым и отпущен на свободу. После суда 30 августа — 1 сентября 1967 г. В. К. Буковского отправили в концентрационный лагерь общего режима ОЖ 118/4 Б в Воронежскую область. Вернувшись в феврале 1970 г. в Москву, «опять организовал демонстрацию»: уйдя от слезки КГБ, в подмосковном лесу, дал интервью американской телевизионной компании: «... А суть нашей борьбы... заключается в борьбе со страхом... из-за которого все еще существует эта система диктатуры». 9 июня 1970 г. его вызывает помощник прокурора г. Москвы Ванькович, пригрозивший Буковскому, что его «в любое время» могут опять привлечь к ответственности за рассказ корреспонденту г. Дженкинсу «о своей биографии и о том,

ВЛАДИМИР БУКОВСКИЙ
Эскиз с фото работы Андре Девера (Andre Devert)

что... видел в специальной психиатрической больнице в г. Ленинграде с 1963 по 1965 гг. и в колонии общего режима... с 1967 по 1970 г.». Об этой «беседе» с прокурором Буковский опять написал письмо редактору газеты «Вашингтон пост», тогда же, 9 июня 1970 г. На угрозу Ваньковича: «...мы в любое время можем привлечь вас за клевету, содержащуюся в вашем интервью», — Буковский отвечал: «Это что, угроза? Не надо мне угрожать. Я этого не боюсь. Если вам мало одного суда, одного моего последнего слова, будет два, а после освобождения у меня будет свежий материал для нового интервью». — «Так вы не прекратите своей деятельности?» — спросил прокурор. «Конечно, нет, — отвечал Буковский, — это мой моральный долг перед моими товарищами по заключению. И перед теми из моих друзей, которые еще там».

10 марта 1971 г. в Париже Международный комитет по защите прав человека созвал пресс-конференцию и передал от имени Буковского ряд собранных им документов о спецпсихобольницах, о пытках заключенных там здоровых людей вспрыскиваниями специальных препаратов (сульфазина, аминазина и др.), в том числе и обращение самого Буковского к выдающимся заграничным психиатрам и к Всемирному обществу защиты психического здоровья. В этом обращении Буковский пишет: В последние годы в нашей стране вынесено несколько судебных решений о помещении в психиатрические лечебницы (в том числе специального типа) людей, которые по мнению их родственников и близких друзей являются психически здоровыми. Это Григоренко, Рипс, Горбаневская, Новодворская, Яхимович, Гершуни, Файнберг, Кузнецов Виктор, Борисов В. и другие — люди, известные своими выступлениями в защиту гражданских прав в СССР. Такое явление вызывает обоснованную тревогу, особенно в связи с нашумевшим помещением в психиатрическую больницу внесудебным порядком биолога Жореса Медведева... Я буду очень рад, если вы сможете заинтересовать этим вопросом ваших коллег и сочтете возможным поставить его на обсуждение предстоящего Международного конгресса психиатров. Нет для здорового человека страшнее судьбы, чем бессрочное пребывание в психиатрической больнице... (28 января 1971).

29 марта 1971 г. Владимир Буковский был вновь арестован и направлен на судебно-психиатрическую экспертизу в Институт им. Сербского. В связи с направлением туда Буковского, группа его друзей и знакомых обратилась к директору этого института и во Всемирную организацию здравоохранения с открытым письмом, в котором отмечается психическое здоровье Буковского, цельность его характера, оптимизм, отзывчивость, мягкость и другие душевные качества, свидетельствующие о его психической устойчивости. Заявляется, что признание Буковского невменяемым означало бы преступление. Письмо подписали 48 человек. 5 октября 1971 г. к письму присоединились академики М. Леонтович и А. Сахаров. 4 октября к директору Института им. Сербского обратился также член Союза писателей СССР В. Е. Максимов, у которого Буковский работал до ареста. Характеризуя Буковского в нравственном и деловом отношении как образец чести и порядочности, В. Максимов также особо отмечает его цельность и душевное здоровье. В конце октября 1971 г. было распространено открытое Обращение ко всем организациям защиты прав человека, в котором отмечается, что, в нарушение Инструкции о производстве судебно-психиатрической экспертизы в СССР, Буковский был оставлен в Институте им. Сербского и после истечения второго месячного срока, что с момента ареста Буковский находится в полной изоляции от мира, что вызывает, поскольку он находится в руках тех самых экспертов, преступную недобросовестность которых он публично разоблачил перед лицом всего мира, — законное опасение, не осуществляется ли уже сейчас насильственное «лечение» Буковского, разрушающее его психику и интеллект. Обращение подписано 53 лицами, к которому 7 ноября присоединились и акад. А. Сахаров и член-корр. Академии наук СССР И. Шафаревич.

И вот суд 5 января 1972 г. приговорил Владимира Буковского к семи годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима с последующей ссылкой на срок в пять лет. *В своем последнем слове Буковский сказал:*

Граждане судьи! Я не буду касаться юридической стороны обвинения, потому что в зале суда уже доказал полностью его несостоятельность. . . Скажу другое: рас-

права надо мною готовилась уже давно, и я об этом знал. 9 июня меня вызвал прокурор Ванькович и угрожал расправой; потом появилась статья в газете «Правда» под заголовком «Нищета антикоммунизма», которую почти целиком процитировала в своей речи прокурор. Статья содержала в себе обвинение, что я за мелкие подачки продаю в подворотнях иностранным корреспондентам клеветническую информацию. И, наконец, в журнале «Политическое самообразование», № 2 за 1971 г., была помещена статья зам. председателя КГБ С. Цвигуна, в которой также говорилось, что я занимаюсь антисоветской деятельностью. И совершенно понятно, что маленький следователь, проводя следствие по моему делу, не мог пойти против своего начальника и вынужден был во что бы то ни стало попытаться доказать мою вину.

Перед арестом за мной была установлена постоянная слежка. Меня преследовали, мне грозили убийством, а один из тех, кто за мною следил, распоясался настолько, что угрожал мне своим служебным оружием. Уже будучи под следствием, я заявил ходатайство о том, чтобы против этих лиц было возбуждено уголовное дело. Я даже указал номер служебной машины, на которой эти люди ездили за мной, и привел другие факты, которые давали полную возможность для их розыска: однако, на это ходатайство я не получил ответа от тех инстанций, куда его направлял. Зато от следователя был получен ответ весьма красноречивый: «Поведение Буковского на следствии дает основание для обследования его психического состояния». Следствие велось с бесчисленными процессуальными нарушениями. Можно сказать, что не осталось ни одной статьи в УПК, которая не была бы нарушена. Следствие пошло даже на такую позорную меру, как помещение со мной в тюрьму камерного агента, некоего Трофимова, который сам признался мне, что ему было поручено вести со мной провокационные антисоветские разговоры с целью спровоцировать меня на аналогичные высказывания, за что ему было обещано досрочное освобождение. Как видите, то, что мне инкриминируется как преступление, некоторым людям разрешается, если этого требуют «интересы дела». Я посылал об этом жалобы в различные инстанции и требовал сейчас, на

суде, приобщить их к делу, но суд «постеснялся» это сделать. Что касается следователя, то он, вместо того, чтобы рассмотреть эту жалобу и дать мне ответ, направил меня на стационарное медицинское обследование в Институт судебной психиатрии им. Сербского. Следственно-му отделу УКГБ очень хотелось, чтобы я был признан невменяемым. Как удобно! Ведь дела за мной нет, обвинение строить не на чем, а тут не надо доказывать факта совершения преступления, просто — человек больной, сумасшедший . . .

И так бы оно все и произошло. И не было бы сейчас этого судебного разбирательства, и не было бы моего последнего слова: меня осудили бы заочно, в мое отсутствие . . . если бы не оказало влияние интенсивное вмешательство общественности. Ведь после первого срока экспертизы — в сентябре — врачебная комиссия обнаружила у меня зловещую неясность клинической картины, и по вопросам врачей, обращавшихся ко мне после этого, я понял, что меня собираются признать невменяемым. И только 5 ноября, после давления, оказанного общественностью, новая медицинская комиссия признала меня здоровым. Вот вам достоверное доказательство моих утверждений (которые здесь, на суде, называют клеветническими), как по указанию КГБ чинятся психиатрические расправы с инакомыслящими. У меня есть и другое доказательство этого. В 1966 году меня восемь месяцев, без суда и следствия и вопреки медицинским показаниям о моем психическом здоровье, держали в психиатрических больницах, переводя, по мере выписок врачами, из одной больницы в другую. Итак, 5 ноября я был признан вменяемым, и меня вновь водворили в тюрьму, и процессуальные нарушения продолжались. Грубо было нарушено окончание следствия с выполнением 201-й статьи УПК РСФСР. Я требовал, чтобы мне был предоставлен избранный мною адвокат. Но следователь мне в этом отказал и подписал 201-ю статью один, да еще написал при этом, что я отказался ознакомиться с делом.

В соответствии со своим правом на защиту, предусмотренным ст. 48 УПК РСФСР, я потребовал пригласить для своей защиты в суде адвоката Каминскую, Дину Исаковну. С этой просьбой я обратился к председа-

телю Президиума Московской коллегии адвокатов и получил его отказ с резолюцией: «Адвокат Каминская не может быть выделена для защиты, так как она не имеет допуска к секретному делу производству». Спрашивается, о каком секретном производстве может идти речь, когда меня судят за антисоветскую агитацию и пропаганду? И вообще, где, в каких советских законах упоминается об этом пресловутом «допуске»? Нигде. Итак, адвокат мне предоставлен не был. Более того, вышеупомянутый ответ из коллегии адвокатов, с которым я был ознакомлен и на котором имеется моя подпись, был из дела изъят и возвращен в коллегию адвокатов, о чем в деле имеется справка. Взамен его был вложен другой, вполне невинный ответ председателя коллегии, с которым я ознакомлен не был. Как это можно расценивать? Только как служебный подлог. Потребовалась моя 12-дневная голодовка, жалоба Генеральному Прокурору СССР, в Министерство юстиции СССР и в ЦК КПСС, а также новое активное вмешательство общественности, чтобы мое законное право на защиту было, наконец, осуществлено и мне был предоставлен приглашенный моей матерью адвокат Швейский.

Сегодняшнее судебное разбирательство велось также с многочисленными процессуальными нарушениями. Обвинительное заключение, в котором 33 раза употребляется слово «клеветнический» и 18 раз слово «антисоветский», не содержит в себе конкретных указаний на то, какие же именно факты из сообщенных мною западным корреспондентам являются клеветническими, и какие именно материалы из изъятых у меня при обыске и, якобы, распространяемых мною являются антисоветскими. Из девяти ходатайств, заявленных мною в начале судебного разбирательства и поддержанных моим адвокатом, восемь было отклонено. Никто из заявленных мною свидетелей, которые могли бы опровергнуть различные пункты обвинения, судом вызван не был.

Мне инкриминирована, в частности, передача антисоветских материалов приезжавшему в Москву фламандцу — Гуго Себректсу. Эти материалы, якобы, передавались ему мною в присутствии Вольпина и Чалидзе. Однако, мое требование о вызове этих двух людей в качестве свидетелей — не было удовлетворено. В суд не был вы-

зван, далее, ни один человек из 8 названных мною, которые могли подтвердить истинность моих утверждений относительно фактов помещения и условий содержания людей в специальных психиатрических больницах. Суд отклонил мое ходатайство о вызове этих свидетелей, мотивировав тем, что они душевнобольные и не могут давать показаний. Между тем, среди этих людей есть двое — З. М. Григоренко и А. А. Файнберг, которые никогда не помещались в спецпсихбольницы, а бывали в этих больницах только в качестве родственников и могли бы подтвердить мои показания об условиях содержания в этих больницах. В суд были приглашены только те свидетели, которых представило обвинение. Но что же это были за свидетели? Так, ко мне подсылался перед моим арестом, по всей вероятности, сотрудниками КГБ, военнослужащий войск госбезопасности, ныне работающий в отделе таможенного досмотра на Шереметьевском аэродроме, мой бывший школьный товарищ, некий Никитинский, которому было поручено спровоцировать меня на преступление — организацию вывоза из заграницы оборудования для подпольной типографии. Но незадачливому провокатору осуществить это не удалось. Тогда следствие, а затем и суд, попытались сделать его свидетелем по этому пункту обвинения. Мы видели здесь, что Никитинский не справился и с этой задачей.

Для чего же потребовались все эти провокации и грубые процессуальные нарушения, этот поток клеветы и ложных бездоказательных обвинений? Для чего понадобился этот суд? Только для того, чтобы наказать одного человека? Нет, тут «принцип», своего рода «философия». За предъявленным обвинением стоит другое, непредъявленное. Осуждая меня, власти преследуют здесь цель скрыть собственные преступления, психиатрические расправы над инакомыслящими. Расправой надо мной они хотят запугать тех, кто пытается рассказать об их преступлениях всему миру. Не хотят «выносить сор из избы», чтобы выглядеть на мировой арене такими безупречными защитниками угнетенных!

Наше общество еще больно. Оно больно страхом, пришедшим к нам из времен сталинщины. Но процесс духовного прозрения общества уже начался, остановить его невозможно. Общество уже понимает, что преступ-

ник не тот, кто выносит сор из избы, а тот, кто в избе сорит. И сколько бы мне ни пришлось пробыть в заключении, я никогда не откажусь от своих убеждений и буду высказывать их, пользуясь правом, предоставленным мне ст. 125 советской Конституции, всем, кто захочет меня слушать. Буду бороться за законность и справедливость. И сожалею я только о том, что за этот короткий срок — 1 год, 2 месяца и 3 дня, — которые я пробыл на свободе, я успел сделать для этого слишком мало.

Владимир Буковский осужден. Но он не склонился перед силой, его не сломило насилие. Как не вспомнить заключительные слова «Свободного философского трактата» (1959) того самого Александра Есенина-Вольпина, которого не допустили быть свидетелем по делу Буковского:

*«В России нет свободы печати —
но кто скажет, что в ней нет и свободы мысли?»*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	9
ЗА ПЯТЬ ЛЕТ (часть первая)	
Дело Андрея Синявского и Юлия Даниэля (10—14 февраля 1966 г.)	13
Дело о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 г. (16 февраля 1967 г.)	46
Дело Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга, Алексея Добровольского и Веры Лашковой (8—12 января 1968 г.)	69
Дело Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (14 марта — 5 апреля 1968 г.)	82
Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади (9—11 октября 1968 г.)	93
Процесс Квачевского, Гендлера и Студенкова (26 декабря 1968 г.)	113
Дело Бориса Кочубиевского (13—16 мая 1969 г.)	122
Процесс Ильи Бурмистровича (21 мая 1969 г.)	125
Дело Виктора Кузнецова (16 июля 1969 г.)	132
Дело крымских татар (1 июля — 5 августа 1969 г.)	134
Дело Анатолия Марченко (26 августа 1969 г.)	149
Дело Владимира Борисова (19 ноября 1969 г.)	155
	331

Дело Генриха Алтуняна (26 ноября 1969 г.)	157
Дело Инициативной группы по защите гражданских прав в СССР (осень 1969 г.)	168
Дело Виктора Красина (23 декабря 1969 г.)	175
Дело Ильи Габая и Мустафы Джемилева (12—19 января 1970 г.)	178
Дело генерала Петра Григоренко (3—26 февраля 1970 г.)	186
Процесс Юрия Будки и «Рязанской группы» (10—19 февраля 1970 г.)	200
Дело П. Айрикяна и группы армянской молодежи (февраль 1970 г.)	202
Суд над Владиславом Недоборой и Владимиром Пономаревым (10—11 марта 1970 г.)	204
Дело Владимира Гершуни (13 марта 1970 г.)	207
Суд над Валерией Новодворской (16 марта 1970 г.)	209
Процесс М. Капранова, С. Пономарева, В. Жильцова и В. Павленкова (25 марта — 24 апреля 1970 г.)	212
Дело Ивана Яхимовича (15—18 апреля 1970 г.)	217
Суд над Аркадием Левиным (24 апреля 1970 г.)	224
Дело Святослава Караванского (25 апреля 1970 г.)	225
Дело Жореса Медведева (29 мая — 17 июня 1970 г.)	228
Дело офицеров Балтфлота (лето 1970 г.)	232
Суд над Ольгой Иоффе (20 августа 1970 г.)	255
Дело Михаила Макаренко (сентябрь 1970 г.)	261
Дело Револьта Пименова (20—22 октября 1970 г.)	263

Суд над Андреем Амальриком и Львом Убож- ко (11—12 ноября 1970 г.)	270
Дело Валентина Мороза (17—28 ноября 1970 г.)	277
Дело Петра Егидеса (7—8 декабря 1970 г.)	282
Дело Рейзы Палатник (23—25 июня 1971 г.)	284

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ РЯДА ДРУГИХ ПРОЦЕССОВ
(часть вторая)

В том числе:

Дело Вячеслава Черновола	291
Дело А. Назаренко, В. Кондюкова и В. Кар- пенко	295
Дело О. Василяна, А. Бабаяна и др.	296
Дело Ирины Белогородской	297
Дело Ильи Рипса	297
Дело Гомера Баева	298
Дело Владимира Борисова	298
Дело Юрия Левина	300
Дело Шера	301
Дело Бориса Талантова	302
Дело Галины Силивончик и Юрия Васильева	302
Дело Решата Джемилева	304
Дело Ивана Сокульского и др.	306
Дело Бориса Шилькрота	307
Дело Степана Бедрило	307
Дело Олега Бахтиарова	308

Дело Олега Воробьева	312
Дело Якова Сусленского и Иосифа Мишенера	312
Дело Марка Дымшица, Эдуарда Кузнецова и др. («Ленинградский процесс») . . .	313
<i>ПОСЛЕСЛОВИЕ</i>	317
<i>ЕЩЕ ОДНО ПОСЛЕСЛОВИЕ</i>	322